ISSN № 0130-7045

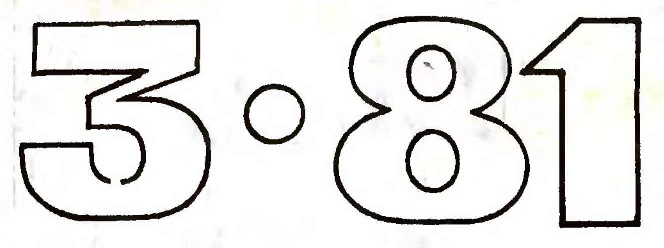
В этом номере

НАУКА И РЕЛИГИЯ

3 • 1981

НАУКА И РЕЛИГИЯ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
АТЕИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ОРДЕНА ЛЕНИНА
ВСЕСОЮЗНОГО
ОБЩЕСТВА «ЗНАНИЕ»

Издается с сентября 1959 года

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»

НАША ОБЛОЖКА

Женщина и продолжение рода, женщина, а с ней и тепло домашнего очага — это единство аксиомой вошло в сознание людей на самой заре их существования. Уже тогда, в неоглядной дали времен, складывалось понятие материнства как гуманного начала. Из века в век выполняя свою женскую работу — добывая пищу, поддерживая огонь, выхаживая детей, врачуя раны, женщины во многом определяли экономическую и духовную жизнь общества. Во времена матриархата они сплачивали первобытный коллектив, смягчали его дикие нравы, и не божественная мудрость, а природный материнский инстинкт благотворно сказался на сложном и длительном процессе становления нравственности.

Любовь матери, ее самоотверженность, терпение, поддержка в беде по своим проявлениям одинаковы для всех эпох, всех социальных формаций, всех народов. Зато характер эпохи, особенности исторических периодов, участь народа можно определить по тому положению, какое занимает женщина, какой степенью социальной свободы пользуется, какое принимает участие в общественной жизни своего времени. Во все эпохи религия, ее догмы относились к женщине как к существу второстепенному. Церковь своим авторитетом оправдывала ее вековое угнетение.

В сентябре 1919 года, на IV Московской общегородской беспартийной конференции работниц В. И. Ленин отмечал, что постройка социалистического общества начнется только тогда, когда мы примемся за новую работу вместе с женщиной. Социалистическое государство не только провозгласило необходимость социального, духовного, бытового раскрепощения женщины, но и обеспечило его практическое осуществление. У нас нет проблемы женского равноправия, есть другая проблема — еще более высвободить творческие, духовные возможности женщин, создать лучшие условия для осуществления святого материнского долга и активного участия женщин в трудовой и общественной деятельности страны. Государство озабочено тем, чтобы проводить свою демографическую политику, имея в виду и такую земную цель, как женское счастье, возможность для женщины обрести и укрепить семью, воспитывать детей, не теряя при этом себя как творческую личность. И об этом говорилось на XXVI съезде КПСС как о важной государственной задаче новой пятилетии.

Посмотрите на снимки на **второй** странице нашей обложки. Женщина улыбается. Как это важно, чтобы женщина улыбалась...

Охрана природы — одна из важных задач советских людей. Этой проблеме уделялось немало внимания на XXVI съезде партии. Она в нашей стране стала всенародным делом.

Фотографии на **третьей** странице обложки рассказывают о рациональном использовании и воспроизводстве природных ресурсов.

пятилеток державный шаг

Вот уже более полустолетия нашу поступь по пути социального прогресса, коммунистического строительства мы меряем пятилетками. Позади уже десять пятилетних рубежей. И как не поражаться титаническому темпу державного шага Страны Советов: ту сумму материальных ценностей, которая равна национальному доходу 1928 года, когда родились пятилетние планы, мы создаем сейчас за пять дней! За только что завершенную десятую пятилетку национальный доход по сравнению с девятой пятилеткой увеличился на 400 миллиардов рублей, производство промышленной продукции — на 717 миллиардов и сельскохозяйственной — на 50 миллиардов рублей. Причем из огромных богатств национального дохода четыре пятых использовано непосредственно на удовлетворение многообразных материальных и духовных потребностей советских людей.

Величественны свершения истекшего пятилетия, но наше движение вперед по пути коммунистического созидания и социального прогресса не знает остановок. Еще более вдохновляющи намеченные партией планы на одиннадцатую пятилетку — на 1981—1985 годы. В новой пятилетке, как и всегда, в центре — благо народа. Этой кардинальной задаче подчинены рост экономики, развитие всех отраслей народного хозяйства и широкий комплекс социальных мероприятий.

Мощный шаг вперед сделает в новой пятилетке социалистическая индустрия. Производство промышленной продукции возрастет на 26—28 процентов. Выработка электроэнергии достигнет к 1985 году 1550—1600 миллиардов киловатт-часов, в полтора раза превысив уровень 1975 года. Причем ускоренными темпами будет развиваться энергетика будущего — атомные электростанции: они дадут 220—225 миллиардов киловатт-часов (это примерно столько, сколько дали все электростанции страны в 1957 г.). Выпуск продукции машиностроения возрастет за пятилетку не менее чем в 1,4 раза, химической и нефтехимической промышленности — на 30—33 процента и т. д.

Впечатляющи уже сами эти и другие цифры нового пятилетнего плана. Но дело не только в количественных его показателях. Одиннадцатая пятилетка характерна прежде всего значительными качественными сдвигами в развитии народного хозяйства, в осуществлении стратегии и тактики экономического и социального развития страны. Это курс на ускорение научно-технического прогресса, на повышение эффективности, перевод экономики на интенсивный путь развития, более рационального использования производственного потенциала, всемерной экономии ресурсов, улучшения качества работы.

Вот почему такое важное место в планах одиннадцатой пятилетки уделено развитию науки и ускорению технического прогресса. Намечено, в частности, усилить взаимные связи науки и производства, разрабогать и осуществлять целевые комплексные программы по решению важнейших научно-технических проблем, ускоренными темпами наращивать выпуск той продукции, которая определяет технический прогресс в народном хозяйстве, позволяет расширить масштабы технического перевооружения и реконструкции действующих предприятий, широко применять на производстве автоматические манипуляторы, системы автоматического управления, многофункциональные машины и оборудование, создавать автоматические цехи и заводы и т. д.

В социалистическом обществе материальное производство служит интересам трудящихся масс, подчинено задаче обеспечения неуклонного подъема благосостояния и духовного развития советских людей. И в новом пятилетнем плане эта генеральная линия нашла свое яркое воплощение. Планы развития экономики построены так, чтобы обеспечить более быстрые темпы роста продукции отраслей группы «Б» — выпускающих товары народного потребления. Если производство всей промышленной продукции в целом увеличится за пятилетие на 26—28 процентов, то предметов потребления — на 27—29 процентов. Планом предусмотрено дальнейшее расширение, совершенствование ассортимента и повышение качества товаров народного потребления в соответствии с растущими запросами советских людей. Объем продукции легкой промышленности намечено увеличить на 18—20 процентов, причем прежде всего за счет высококачественных товаров, пользующихся повышенным спросом. Выпуск товаров культурно-бытового и хозяйственного назначения увеличится не менее чем в 1,4 раза.

Задаче обеспечения страны продовольствием и сельскохозяйственным сырьем подчинены планы развития сельского хозяйства и агропромышленного комплекса. Намечены меры для всемерной интенсификации сельскохозяйственного производства, повышения эффективности, специализации и концентрации во всех его отраслях. Будет продолжаться техническое перевооружение сельского хозяйства на базе новой техники. За пятилетку оно получит 1 миллион 870 тысяч тракторов, 600 тысяч зерноуборочных комбайнов, 1 миллион 450 тысяч грузовых автомашин (вспомним, как Ленин мечтал когда-то о ста тысячах тракторов для села). Электровооруженность сельскохозяйственного труда возрастет в 1,4—1,5 раза. Поставка сельскому хозяйству минеральных удобрений достигнет к 1985 году 115 миллионов тонн (в условных единицах).

За пятилетие среднегодовое производство сельскохозяйственной продукции намечено увеличить на 12—14 процентов. Среднегодовой сбор зерна, который в истекшей пятилетке впервые в

истории страны превысил 200 миллионов тонн, в нынешней пятилетке должен достичь 238—243 миллионов тонн. Среднегодовое производство мяса увеличится до 17—17,5 миллиона тонн, молока — до 97—99 миллионов тонн, шерсти — до 470—480 тысяч тонн, яиц — до 72 миллиардов штук, хлопка-сырца — до 9,2—9,3 миллиона тонн, сахарной свеклы — до 100—103 миллионов тонн и т. д.

Намеченные планы позволят надежно обеспечить страну продовольствием и сельскохозяйственным сырьем.

Пятилетним планом предусмотрена обширная программа социального развития советского общества и повышения народного благосостояния. Реальные доходы на душу населения возрастут на 16—18 процентов, среднемесячная зарплата рабочих и служащих — на 13—16 процентов и достигнет к концу пятилетки 190—195 рублей в месяц. Доходы колхозников от общественного хозяйства повысятся на 20—22 процента.

Розничный товарооборот увеличится на 22—25 процентов. На основе последовательного решения продовольственной проблемы будет обеспечено дальнейшее улучшение питания населения за счет потребления продуктов, наиболее ценных в питательном отношении.

На 20 процентов возрастут за пятилетку общественные фонды потребления. Из этих фондов значительные средства будут ассигнованы для решения важных производственных и социально-демографических проблем. Так, предусмотрено увеличить государственную помощь семьям, имеющим детей, и молодоженам, дальше улучшать условия труда и быта работающих женщин (в частности, уже с нынешнего года начинается введение частично оплачиваемого отпуска матерям по уходу за ребенком до одного года), войдут в строй новые детские сады и ясли не менее чем на 2,5 миллиона мест; число школьников, посещающих группы продленного дня, достигнет 13,5—14 миллионов. Будет совершенствоваться пенсионное обеспечение, улучшатся условия жизни участников Великой Отечественной войны.

Будет проводиться линия на обеспечение стабильности государственных розничных цен при дальнейшем значительном развитии торговли и общественного питания. Объем бытовых услуг, оказываемых населению, возрастет примерно в 1,4—1,5 раза при значительном повышении качества и культуры обслуживания.

За пятилетку войдут в строй 530—540 миллионов квадратных метров жилья, повысятся его комфортность и уровень благоустройства.

Намечены меры для дальнейшего развития народного образования, здравоохранения, отдыха трудящихся, туризма, физкультуры и спорта, социалистической культуры и искусства, для более полного удовлетворения многообразных духовных потребностей советских людей.

Определяя рубежи одиннадцатой пятилетки, партия смотрит и дальше вперед, намечает основные направления экономического и социального развития страны до 1990 года. В течение восьмидесятых годов КПСС будет последовательно продолжать осуществление своей экономической стратегии, высшая цель которой — неуклонный подъем материального и культурного уровня жизни народа, создание лучших условий для всестороннего развития личности. На основе наиболее полного использования возможностей и преимуществ зрелого социализма еще более приумножатся наши материальные и духовные богатства, будут далее совершенствоваться общественные отношения, осуществляться формирование нового человека — творца и хозяина новой жизни, горячего патриота социалистической Отчизны, стоящего на активной жизненной позиции, руководствующегося в жизни высокими принципами коммунистической морали, марксистско-ленинским мировоззрением, свободного от всех и всяческих пут и пережитков прошлого, в том числе и от религиозных иллюзий.

В свое время — уже более столетия назад — великие основоположники научного коммунизма Маркс и Энгельс, глядя далеко вперед, предсказывали, что в социалистическом обществе в результате общественного развития, социального прогресса будут угасать, исчезать и религиозные пережитки. Маркс писал в «Капитале»: «Религиозное отражение действительного мира может вообще исчезнуть лишь тогда, когда отношения практической повседневной жизни людей будут выражаться в прозрачных и разумных связях их между собой и с природой. Строй общественного жизненного процесса, т. е. материального процесса производства, сбросит с себя мистическое туманное покрывало лишь тогда, когда он станет продуктом свободного общественного союза людей и будет находиться под их сознательным планомерным контролем. Но для этого необходима определенная материальная основа общества или ряд определенных материальных условий существования...»

Вчитайтесь в строки наших итогов, наших планов — и вы наглядно увидите в них, что в обществе развитого социализма уже создана эта материальная основа. Наше общество и есть тот свободный общественный союз людей, который преодолел капиталистическую стихию материального производства и взял его всецело под свой сознательный и планомерный контроль. Наши планы — это яркое зеркало тех прозрачных, разумных, понятных каждому труженику общественных связей, которые царят в социалистическом обществе, и «связей людей с природой» — целесообразного, планомерного, хозяйского, основывающегося на научных данных использования природных богатств в интересах и на благо людей. Наш современный материальный процесс производства, запечатленный в наших планах — и уже свершенных, и тех, за осуществление которых мы беремся сейчас, — свободен от каких бы то ни было остатков былого фетишизма, былого мистического туманного покрывала, которое так необходимо было владельцам средств производства, эксплуататорским классам, чтобы держать в повиновении своих наемных рабов.

И именно в этом — в осознании той непреложной истины, что трудовой человек — сам хозяин и строитель своей судьбы, что никакие дары не даются «свыше», а все материальные и духовные ценности создаются трудом, что только труд — источник умножения национального богатства, что общество может распределять лишь то, что этим трудом создано, и распределяет его у нас в интересах людей труда, — именно осознание этой истины и есть глубинная основа здорового, реалистического, материалистического мировоззрения, господствующего в нашем обществе. Одновременно это — и верный залог того, что те наши современники, которые еще не избавились от отживших представлений и иллюзий, в том числе и религиозных, будут по мере социального прогресса социалистического общества освобождаться от них, обретать духовную свободу.

Однако объективные условия и возможности угасания религиозных пережитков претворяются в действительность не сами собой, а в результате систематической, планомерной воспитательной работы, в ходе которой атеистическое воспитание активно взаимодействует с идейно-политической закалкой советских людей, с патриотическим, интернациональным, нравственным, трудовым воспитанием. Именно так, — выявляя органическое место атеизма в комплексе всей воспитательной работы, активно взаимодействуя со всеми ее направлениями, — и следует вести в современных условиях свою деятельность пропагандистам атеизма, всем, кто причастен к формированию у советских людей научного, материалистического мировоззрения.

«Счастье женщины — проблема государственная, — говорит Гулджахон Бобоевна Бобосадыкова, секретарь ЦК Компартии Таджикистана, председатель республиканского женсовета. — Только счастливая женщина может в полную силу трудиться на благо страны и своей семьи, правильно воспитывать детей, активно участвовать в жизни общества. Не всегда путь к такому счастью прост и гладок. Даже сейчас, когда женщина занимает видное место во всех сферах жизни республики, когда нет былого затворничества и неравенства и она получила возможность решать свою судьбу. Есть еще немало специфических сложностей в женской проблеме в Таджикистане, как и в других республиках Советского Востока. Причины! Они различны — исторические, бытовые, психологические...»

О жизни женщин Таджикистана, о том, какими путями шли они в прошлом — далеком и недавнем — к своему счастью и как решается эта государственная проблема сейчас, беседует с Г. Б. БОБОСАДЫКОВОЙ наш корреспондент С. Гудимова.

Г. Бобосадыкова.

Женщина должна быть счастливой *

— Гулджахон Бобоевна, кто работает в республиканском женсовете и какими проблемами занимается эта общественная организация!

— Состав женсовета Таджикистана и его деятельность дают богатейший материал для раздумий и исследований. Обо всех, кто работает в нем, можно рассказать много поучительного и увлекательного, и каждая судьба — типична.

Назову нескольких: член-корреспондент Академии медицинских наук СССР С. Х. Хакимова, министр бытового обслуживания А. Т. Касымова, заместитель министра культуры Б. А. Хамраева, заместитель председателя Верховного суда Таджикистана Т. А. Азизова, ректор Душанбинского педагогического института имени Т. Г. Шевченко, доктор философских наук, профессор М. К. Гафарова, заместитель министра просвещения Б. Д. Додхудоева, заместитель председателя Госкино Таджикской ССР Р. З. Иноятова... Один зарубежный социолог, исследующий проблему женского труда в СССР, подметил такую характерную особенность: как ни в одной другой стране, у нас значительна доля женщин в науке, просвещении, на государственных постах. Это относится и к Средней Азии, хотя здесь еще несколько десятилетий назад существовало иное положение. Сейчас же у нас в республике, например, 39 процентов научных работников — женщины (в США — чуть больше 9 процентов), в здравоохранении их — 71 процент. Как вы видели, даже по неполному перечислению состава женсовета, таджички занимают и государственные посты, овладели современными профессиями, нет среди них, кажется, только маркшейдеров. Таджички трудятся во всех отраслях народного хозяйства.

Участие женщин в общественном производстве — одна из проблем, которыми постоянно занимается женсовет. Мы помогаем ее решению своими средствами. Здесь не все идеально. Есть в республике предприятия, где женщины долго не задерживаются.

Нередко женщины не могут работать из-за неустройства быта, немало времени уходит на обслуживание семьи — женсовет в масштабе республики поднимает и эти вопросы. Созываем республиканские женские съезды, слеты девушек, работниц по специальностям и т. д.

Важная проблема — женское просвещение и образование, эмоциональное и психологическое воспитание. Женщина — носительница традиций, это делает ей честь, но не все традиции сегодня хороши, к примеру такие, как изоляция от общественной жизни, безропотное подчинение мужчине, всевозможные ограничения, предусмотренные законами патриархальной семьи, и т. д.

И в этом направлении размышляет женсовет. По нашей инициативе и при нашей поддержке создаются клубы девушек и женщин, где ведется, так сказать, комплексная работа во многих направлениях. Члены женсовета часто выступают по телевидению, радио, в печати, выезжают в кишлаки, рассказывают о собственной жизни — каждая из них, как я уже говорила, яркий пример того, чего может достичь женщина в наше время. Они беседуют на темы, интересующие всех женщин, помогают им в конкретных делах. За последние несколько лет в два-три раза увеличилось число десятиклассниц,

желающих поступить в институты, а еще не так давно и конкурса для девушек не было.

— В 1906 году журнал «Вестник воспитания» писал, что для полной ликвидации неграмотности среди мужчин в России потребуется 180 лет, среди женщин — 300 лет. Что касается национальных окраин, то предполагался срок 4600 лет!

— Что ж, тогда и не было оснований для более оптимистичных прогнозов, ведь даже в 30-х годах во всей Средней Азии в школу ходили не более 9 процентов девочек. Было невероятно трудно «вытащить» женщину-мусульманку на «божий свет», приобщить к общественному труду, грамоте. Этому сопротивлялись не только мужчины, но и сами женщины, смертельно боявшиеся нарушить законы ислама, которые предписывали им затворничество, смирение, полное подчинение мужу, родне. Грех было появляться на людях с открытым лицом, сказать слово старшему родственнику и даже мужу в присутствии родных, тем более воспротивиться какому-то решению семьи...

Психология женщины в мусульманской среде формировалась по этим законам, закреплялась веками всем укладом и, как следствие, труднее всего поддавалась воздействию внешних событий. Мало было сказать мусульманке: «Ты свободна, делай, что хочешь, учись, работай, не будь рабыней». Да она, за редким исключением, и шагу не сделала бы по своей воле из дома, от очага. И страдала и терпела, просто не понимала, что может быть иначе. «Нашу глину Аллах замесил на страданиях», — пели о себе женщины Востока. А раз на то воля Аллаха, то как же сопротивляться? Очень верно об этом сказала Александра Михайловна Коллонтай: «Несмотря на то что Конституция государств трудящихся одна и та же, в то время как ленинградская работница не только формально, но и фактически находится у кормила власти, а рязанская крестьянка пытается вчедриться в работу Комитета взаимопомощи, туркестанская трудящаяся женщина лишь едва приподняла свою чадру». Вот вам пример: в 1920 году в Туркестанский исполком избрали четырех женщин, но даже эти активистки не решались снять паранджу. Преступить извечные законы было непросто психологически, на страже их стояла патриархальная семья, служители культа...

— Как же преодолевались эти вековые законы, менялись представления о предназначении женщин и сама их психология!

— Трудно и вначале очень медленно. Женщина не верила в возможность другой жизни, я уже говорила об этом. Как-то одна из наших первых комсомолок Таджихон Шадыева рассказывала, что, когда ее избрали в президиум VI съезда комсомола, было это в 1924 году, она на сцену вышла так, как привыкла ходить с 10-летнего возраста, — в парандже. На секунду зал замер, а потом раздались крики: «Сбрось мешок рабства!», «Долой оковы!», «Открой лицо — ты свободна!» «Около сердца, — говорила Таджихон, — у меня был уже комсомольский билет, но в сердце еще жил страх. В ту минуту я увидела и жестокое лицо мужа, и муллу, который запугивал меня карами Аллаха. Что, если обрушатся на меня сейчас эти кары? Несколько мгновений я собиралась с силами, а потом сорвала паранджу перед всем многолюдным залом».

8 марта 1927 года сотни женщин в Таджикистане бросили в костры, горевшие на площадях городов, свои паранджи. Однако многие из них, расставшись с паранджой, возвращались в «старый мир», который, бывало, жестоко мстил им за своеволие. В то время были созданы комиссии содействия раскрепощению женщин. Они поддерживали морально тех, кто снял паранджу, помогали женщинам найти работу в артели, на фабрике, разъясняли им их права. Был издан закон о привлечении к ответственности тех, кто оскорбил женщину, снявшую паранджу.

Надо сказать, что партия и правительство очень осторожно подходили к ломке вековых традиций, следуя ленинским указаниям о том, что надо учитывать все местные отличия, особенности уклада.

Дело осложнялось тем, что сначала совсем не было местных кадров для работы среди женщин. Помогали русские девушки, активистки других национальностей. Они использовали любую возможность, чтобы приобщить таджичек к грамоте, показать им путь к новой жизни, к счастью. Организовывались ликбезы, клубы, пункты медицинской помощи, производственные кружки и артели. Вначале пойти за «неверными» решались немногие. Страшили угрозы ишанов, а те твердили, что нарушившие законы Мухаммеда покроются великим позором на земле и будут преданы вечной муке после смерти. Мухаммед же запрещал брать в друзья неверных — об этом ясно сказано в Коране. Мешало на первых порах и традиционное недоверие ко всему «немусульманскому». Доверие могло возникнуть сначала лишь к женщинам «своей» национальности, и поэтому надо было воспитывать национальные кадры. Такие активистки из женщин местной национальности появлялись, они вовлекали сотни таджичек в женское движение — и собственным примером, и силой убеждения.

Уже в середине 20-х годов в Душанбе был создан женотдел — предшественник женсоветов. Он занимал маленькую кибитку, все отпускаемые ему средства женотдел затрачивал на просветительскую работу и организацию труда женщин. «Общественно полезный труд — путь к раскрепощению тружениц Востока» — таков был лозунг партии в тот период.

По нормам шариата и адатов, женщина не имела права находиться в обществе мужчин, поэтому вначале создавались женские производственные кружки, объединявшие по 10—15 человек, на их основе потом вырастали женские артели — вышивальные, швейные, ковровые, прядильные, ткацкие, шелководческие и другие. Женщины становились заметной силой в промышленности. Участие в общественном производстве, овладение профессией, занятия в кружках просвещения — все это в комплексе с изменениями, пришедшими на среднеазиатскую землю, постепенно меняло психологию женщин. Муллы и религиозные фанатики пугали тем, что записавшихся в артель насильно увезут в Москву, но чис-

ло работающих в артелях женщин росло из года в год. Женщина начала осознавать значение своего труда для общества, в ней пробуждалось и крепло чувство собственного достоинства. В то время одну таджичку спросили, бьет ли ее муж (раньше это было обычным делом). Она ответила: «Как же он может бить меня, ведь я работаю и зарабатываю не меньше, чем он».

— Гулджахон Бобоевна, вы упомянули в своем рассказе женские клубы. Это была удачная форма вовлечения женщин в новую жизнь!

— Это была просто замечательная форма работы, может быть, единственно в то время приемлемая. Женские клубы в первые годы Советской власти были центрами просвещения, воспитания, культуры. Здесь женщины учились читать и писать, узнавали о правах, которые дала им Советская власть, о том, что происходит в мире, получали юридические консультации и медицинскую помощь. Мужчины сюда не допускались, следовательно, женщины не нарушали суровый закон предков — шли в клуб спокойно. К тому же они могли приходить сюда и под паранджой, никакого нажима на них не оказывали. Но они видели, что другие женщины, тоже таджички, ходят с открытым лицом и «Аллах их не наказывает». Религиозные фанатики пугали женщин, что представительницы женотделов и учителя — «переодетые красноармейцы и под халатами у них спрятаны пистолеты». Это мало на кого действовало, клубы приобретали все большую популярность.

Первый «большой» женский клуб появился в Таджикистане в 1925 году в Ура-Тюбе. В нем были амбулатория, библиотека и классы, где женщин учили читать. В 1926 году подобные клубы были организованы в Душанбе, Пенджикенте, Гарме, Хороге. С создания женских клубов и началось, пожалуй, широкое наступление на старый уклад, они пробили брешь в стене затворничества, помогли женщинам понять и ощутить возможность и красоту иной жизни, показали им путь к образованию, к общественному труду.

За прошедшие с тех пор 50 с лишним лет в психологии таджички совершился переворот. Как-то проводили анкетирование, где просили женщин и девушек ответить на вопрос, что им нужно для счастья. Они отвечали: «Иметь любимую работу» (этот ответ занял одно из первых мест), «утвердить себя в обществе», «пользоваться уважением», «создать семью», «иметь детей», «любить и быть любимой» и т. д. Наряду с семьей и детьми большинство женщин считают важнейшей для себя нравственной ценностью профессиональную деятельность. В труде они утверждают свое равное и независимое положение в обществе, свой авторитет у коллег, друзей, родственников, семьи.

Главный архитектор проекта института Таджикгипрострой Сайера Исаева.

● В числе 46 депутатов, избранных в Верховный Совет СССР от Таджикистана, — 16 женщин. В составе Верховного Совета Таджикистана — 123 женщины, в местных советах республики их 12787 (47,5 процента).

● Около 16 тысяч женщин Таджикистана удостоены правительственных наград. 85 из них присвоено звание Героя Социалистического Труда.

● Сегодня в Таджикистане женщины составляют 39 процентов общего числа научных работников. Более 400 женщин республики имеют ученые степени.

Доктор медицинских наук С. Хакимова — одна из 400 таджичек, защитивших кандидатские и докторские диссертации.

— Таким образом, главное, что сегодня формирует личность женщины,— это труд!

— Безусловно, и именно труд в коллективе, где женщина ощущает себя полноправным членом общества. В коллективе она находит поддержку в сложных ситуациях, учится активно относиться к жизни. «Ничто так не возвышает личность, как активная жизненная позиция», — сказал Л. И. Брежнев на XXV съезде КПСС. Это особенно ярко проявляется в женских судьбах. В труде вырабатывается активная жизненная позиция женщины, и она неузнаваемо меняет ее психологический облик. Такую женщину уже трудно запугать карами Аллаха, на нее уже не так, как прежде, влияют всяческие пережитки прошлого, в том числе религиозные.

Исследования показали, что среди работающих и активно участвующих в общественной жизни женщин верующих и даже соблюдающих обряды гораздо меньше, чем среди тех, кто ограничен домашним кругом. К тому же у нас на каждом крупном предприятии среди женщин планомерно ведется атеистическая работа — читаются лекции, организуются экскурсии к достопримечательным местам нашего края; разъясняются происхождение и смысл различных мусульманских обрядов. Все это имеет большое воспитательное значение.

Известно, что сегодня мусуль-

манские проповедники особенно внимательно «работают» с женщинами, верно рассчитывая, что если мать не будет воспитывать детей в религиозном духе, не приучит их выполнять обряды, то воспроизводство религии может заглохнуть. Но мы тоже должны верно рассчитывать. Если женщина ограничена домашними заботами, безвыходно сидит дома, если нет у нее связи с внешним миром, то в ее сознании крепче держатся разного рода пережитки.

ли к вам». Конечно, им помогли. Все они поступили учиться, хотя не все выдержали характер до конца. Кое-кто под нажимом семьи растерял свою решимость...

— Известно, что в Средней Азии день регистрации брака становится нередко и последним днем учебы или работы для девушки.

— Да, пожалуй, это одна из главных причин текучести кадров на предприятиях — в нашей республике, по крайней мере. Административными мерами тут

Юные работницы Душанбинского хлопчатобумажного объединения, приехавшие работать из кишлака Чорбог, призвали своих землячек следовать их примеру, и вскоре на комбинат приехали еще 30 девушек из Чорбога. Рабочий Шариф Ураков написал: «Не будет счастья в той семье, где муж не разрешает жене работать». Писали женщины, нашедшие счастье в труде, советовали смелее отстаивать свои права, обращались и к мужьям.

Пример чьей-то жизни, до-

● Имя Саломах Джахонгировой — одно из самых известных в республике. Эта пламенная коммунистка в первые годы Советской власти вовлекла в женское движение сотни своих сестер.

Отец ее был с малолетства продан в батраки богачу Раззакбаю, который женил его на одной из своих невольниц. Мать умерла во время родов, отец — когда девочке исполнился год. До 12 лет она прислуживала женам хозяина, а потом ее за гроши продали другому богачу — Каракулибаю, в гареме которого она была чем-то вроде «девочки для битья». Не раз жены бая набрасывались на сироту и мучили ее до полусмерти. У девочки были выбиты все зубы, сломана рука. Потом Каракулибай продал ее своему батраку.

Когда в Бухару вошли отряды Красной Армии, Саломах работала водоносом при эмирском дворце. А через четыре года — в 1924 году — она уже участвовала в работе I съезда Советов Бухары. В президиуме Джахонгирова сидела рядом с М. И. Калининым. Несколько лет была в комиссии по улучшению условий жизни женщин, а в 1930 году ее избрали членом ЦК КП(б) Таджикистана, и она несколько лет возглавляла женсовет республики.

Мать-героиня Джахон Эргашева с внучатами. За труд в сельском хозяйстве она удостоена звания Героя Социалистического Труда.

Экс-чемпионка мира по стрельбе из лука Зебиниссо Рустамова. Более 200 девушек-таджичек имеют звание кандидатов в мастера и мастеров спорта.

● Из справки Министерства местной промышленности Таджикистана: за один год повысили квалификацию 3062 человека, в том числе женщин — 2784 (91 процент). Из них на курсах обучения вторым профессиям — 201 человек, на производственно - технических курсах — 323, на курсах целевого назначения — 402, в школах по изучению передовых методов труда — 513, в народных университетах — 35, в экономических школах и других видах экономического обучения — 1310 человек.

Наши женсоветы особо заботятся о привлечении женщин к производству. Мы стараемся, чтобы девушки, женщины в республике знали: если кто-то мешает их стремлению к учебе, работе, им помогут. Об этом мы говорим в наших теле- и радиопередачах.

Не так давно был такой случай. Несколько девушек из отдаленного кишлака приехали в Душанбе и пришли на студию телевидения. «Нас хотят насильно выдать замуж, — сказали они, — а мы решили учиться в институте. Сбежали из дома, а в Душанбе никого не знаем, и сразу приеха-

не поможешь. И здесь у женсоветов большое поле деятельности. Мы привлекаем общественность для бесед с девушками, с мужьями, разъясняем, убеждаем. Все наши знаменитые женщины выступают в печати, по радио и телевидению, обращаются к девушкам и их родным, выезжают на предприятия. Хорошо работает в этом направлении республиканский телевизионный клуб «Подруги». Жещины доверяют ему, а «Подруги» приходят на помощь.

Не раз клуб устраивал широкое обсуждение проблемы участия женщин в производстве.

стойной, осмысленной, значительной, — великолепное воспитательное средство. А у нас таких примеров множество, поистине замечательных. Именно женщины, например, стали инициаторами социалистического соревнования передовиков производства легкой и местной промышленности республики — работницы Душанбинского хлопчатобумажного объединения, Ленинабадского шелкокомбината объединения «Таджикатлас», Душанбинского швейного объединения имени 50-летия СССР, объединения «Швейместпром» № 2 выступили с призывом выполнить де-

сятую пятилетку за два с половиной года. Вскоре их примеру последовали сотни тысяч тружениц. Все они выполнили свои обязательства.

За успехи в труде 16 тысяч женщин Таджикистана удостоены высоких правительственных наград. 85 из них — Герои Социалистического Труда. Мы гордимся успехами, с которыми пришли к XXVI съезду партии джиргатальский полевод Сайли Рахманова, прославившая республику высокими урожаями картофеля; механизатор Дельбарниссо Нурматова, опередившая всех на сборе хлопка в ходжентском колхозе имени Фрунзе; доярка Суфро Бокиева, которая добилась самых высоких удоев в республике. Таких работниц у нас сотни. Они не только в труде первые, они и активные общественницы, для которых заботы родного колхоза, трудового коллектива — их личные заботы.

На примере их труда и жизни ярко проявляется и социальное равенство мужчины и женщины, и процесс формирования социалистического типа личности.

— Однако женщина — не только производственница, активистка, но и мать, жена, хозяйка, хранительница очага. Сочетание этих ролей, с одной стороны, расширяет социальные связи, кругозор женщины, делает ее жизнь многогранной, гармоничной, с другой — нередко порождает физические и нервные перегрузки, а то и уводит от производства. Что делают женсоветы для того, чтобы облегчить «двойную ношу»?

— У нас в республике свыше 1100 женсоветов, их работу координирует и направляет республиканский женсовет. Они стараются не оставлять без внимания ни одну из сторон жизни женщин, в том числе и условия труда и быта, вносят в связи с этим свои коррективы в социальные планы развития предприятий, городов и сел. Шум в цехах и освещенность рабочего места, организация столовых и здравпунктов, проблемы жилья и транспорта, бытового обслуживания и отдыха и сотни других крупных и мелких вопросов постоянно обсуждаются женсоветами.

На предприятиях мясной и молочной промышленности женщины уже освобождены от тяжелых работ, никто из работниц-матерей не трудится во вторую и ночную смены. В свое время В. И. Ленин отмечал: «Женщина продолжает оставаться *домашней рабыней*, несмотря на все освободительные законы, ибо ее давит, душит, отупляет, принижает *мелкое домашнее хозяйство*». К сожалению, в известной степени эти слова справедливы и сегодня. Служба быта значительно отстает от требований времени. Медленно внедряются прогрессивные формы работы, такие, как продажа фасованных товаров, доставка их на дом, прием предварительных заказов, самообслуживание в магазинах и т. д. До сих пор не во всех центральных усадьбах колхозов и совхозов есть дома быта, комплексные приемные пункты. В результате женщина тратит на работу по дому, покупку товаров еще много времени.

Перестройка быта имеет непосредственное отношение к формированию личности, ко всем сторонам воспитания, в том числе и атеистического. И у нас многое делается в этом направлении. В республике около 5 тысяч домов быта, комбинатов, ателье, мастерских, оказывающих свыше 400 видов услуг. Очень много времени «съедала» у женщин выпечка лепешек, теперь горячую лепешку можно купить практически везде, в каждом квартале города. Лепешечные создаются даже при производственных бригадах, в колхозах и совхозах.

— А как помогают женсоветы женщинам в семейных делах, в воспитании детей?

— У нас этому придается большое значение. В республике 58 университетов культуры и быта, в которых занимаются сотни женщин. Там они изучают и науку воспитания детей. В каждом районе действуют комиссии содействия семье и школе. В институтах, училищах, где учатся много девушек, созданы клубы «Молодая семья», «Молодая хозяйка». К сожалению, эти клубы превращаются нередко просто в кружки по домоводству, их организаторы упускают вопросы нравственные...

Особенно большое внимание женсоветы уделяют работе с домохозяйками. Для них работают клубы по месту жительства. Тут уж все от организаторов зависит — порой начинается разговор с того, как лучше вести хозяйство и обставить квартиру, а потом — в зависимости от обстоятельств, от того, кто принимает участие в беседе, обсуждаются и дела семейные: как учатся дети, чем интересуются, как сделать, чтобы дочь поехала учиться в институт.

Женсоветы работают в контакте с квартальными советами и советами старейшин. С домохозяйками женсоветы проводят беседы и на темы религии, совместно с советами старейшин многое делают для освобождения быта от старых обычаев, что невозможно без атеистического просвещения.

Очень популярен в Ленинабаде университет культуры и быта для домохозяек. Он создан в 1964 году по инициативе организации общества «Знание» совместно с квартальным советом «Ходжент». В плане его работы — и атеистические мероприятия.

В заключение нашей беседы хотелось бы высказать несколько общих соображений. Нет никакого сомнения в том, что женщины в жизни нашей республики — это большая сила. Но и сами они нуждаются во многих случаях в поддержке, помощи, воспитании. Те из них, кто обрели самостоятельность, нашли свое дело, идут на помощь другим, еще отягощенным бременем предрассудков, предубеждений. Женщина должна быть счастливой, и ее счастье составляется из множества слагаемых. Но участие в общих делах, ощущение своей причастности ко всему важному, что происходит в стране, — это, на мой взгляд, самое необходимое для подлинного счастья, тогда женщина становится личностью и многое может дать своим детям, своей семье. Наш женсовет и помогает женщинам найти путь к этому подлинному счастью.

Матери, работницы, крестьянки, ученые, общественные деятельницы — это, еще раз повторяю, могучая, добрая сила, способная в условиях общества развитого социализма совершить много замечательных дел. Духовная жизнь нашей республики становится с каждым годом все богаче еще и потому, что в нее вносят прекрасный вклад наши женщины.

Фото В. Лагранжа.

ШКОЛА ЛУНЕВА

В. ЕВСЕЕВ, специальный корреспондент журнала «Наука и религия»

ПАРХОМОВКА — село старинное. Первые упоминания о нем относятся ко второй половине XVII века. Пархомовка находится в Краснокутском районе Харьковской области и даже по нынешним понятиям считается «глубинкой»: нет здесь железнодорожной станции, лишь автобусы совершают из Харькова регулярные рейсы.

Сегодня в селе, где разместились центральная усадьба совхоза «Пархомовский», правление колхоза «Заря коммунизма», сахарный завод, средняя, восьмилетняя и три начальные школы, живут более семи тысяч человек. Центр села отстроен на городской манер: добротные каменные дома, магазины, прекрасный Дом культуры. Есть здесь несколько клубов, библиотеки. Но особенно гордятся жители села историко-художественным музеем, занимающим первый этаж дома, где до революции было правление сахарного завода известного сахарозаводчика Харитоненко. В экспозиции музея — свыше 500 произведений живописи и скульптуры, графики, декоративного и прикладного искусства. И еще около тысячи полотен хранятся в фондах.

Музей в Пархомовке вызывает восхищение даже у искусствоведов. Судите сами. В одном из залов — «Монах со свечой» В. Тропинина, «Портрет неизвестной» О. Кипренского, «Портрет мальчика» И. Аргунова, «Портрет В. А. Харитоненко» работы И. Репина, пейзажи И. Левитана, уникальные рисунки Т. Шевченко. В двух других — «Портрет Яна Сикса» и «Портрет раввина» Рембрандта, работы французских импрессионистов К. Писсаро, П. Гогена, О. Ренуара, П. Сезанна, а также подаренная И. Эренбургом графическая работа Пабло Пикассо «Голубь с оливковой ветвью». В зале, названном Ленинским, — «Аппассионата» и «Сообщение об обстановке на фронте» Н. Жукова, картины художников П. Васильева, В. Овчарова, А. Руднева, уменьшенные варианты скульптур Е. Вучетича «Воин-освободитель», «Перекуем мечи на орала», несколько работ С. Коненкова. И все это — подлинники!

Десятки тысяч посетителей ежегодно приезжают в Пархомовку. Познакомившись с музеем, пишут слова, подобные этим: «Восторг и радость переполняют душу и сердце, когда проходишь по залам музея. Будто напьешься живой воды из ручья. Не зря вы, Афанасий Федорович, вложили в это хранилище сокровищ искусства душу, мысли, надежды, жизнь. Благодарна вам на всю жизнь за то, что вы даете и несете людям».

СТАНОВЛЕНИЕ

Кто же он, этот человек, который более 20 лет назад решил сделать, казалось бы, невероятное — создать картинную галерею в деревне?!

Передо мной блокнот. В него я записывал рассказ Афанасия Федоровича Лунева о его жизни. Родился 62 года назад в Суджанском районе Курской области, в семье старообрядцев. Дед его Тимофей Васильевич среди единоверцев пользовался особым почетом: во-первых, за то, что знал грамоту, во-вторых, потому, что считался знатоком старинных книг и икон, мог определить их настоящую цену. За это ему прощался даже такой грех, как пристрастие к вину.

Приверженность деда к чтению передалось и детям. Отец Лунева очень любил поэзию, особенно Пушкина, Никитина, Кольцова, Некрасова. И еще исторические повести и драмы.

Революция перевернула жизнь семьи. Забыв старообрядческие заповеди, ушел служить в Красную Армию отец, был ранен. После окончания гражданской войны уехал к другу на Донбасс, потом перевез туда и семью.

Если отец нес в семью грамоту, то мать — доброту. Была она глубоко верующей, пользовалась доверием и уважением многих жителей в поселке, поскольку считала обязанной заботиться не только о своей семье, но и о живущих рядом. Ее жизненная заповедь была проста и человечна: «Лучше отдать, чем взять». И, как сказал в одной из бесед Афанасий Федорович, «этот нравственный принцип я несу всю жизнь».

По семейной традиции Лунев научился читать рано и пяти лет пришел в школу. Учитель писал на доске слова, а он сидел на задней парте и громко читал написанное. Увидев маленького грамотея, учитель дал ему букварь и, послушав, сказал: «Можешь приходить в школу».

После окончания семилетки Лунев решает поступать в техникум... водного транспорта. Сегодня о том своем решении он вспоминает так:

«Начитался я разных книг о приключениях, да и форменная одежда привлекала, конечно. Приехал в Ростов, не дожидаясь официального вызова. Экзамены еще не принимали. Знакомых никого. Жил на вокзале. Вскоре денег осталось только на обратный билет. Так пришлось оставить мечту о морских походах».

Затем у Лунева появилось новое увлечение — история. Окончил десятилетку, поступил в Киевский университет на исторический факультет. Война прервала учебу. Продолжил ее лишь в 1946 году, но уже в Харьковском университете.

Афанасий Федорович не думал быть

учителем, просто любил историю. В Пархомовку, в местную школу, его привели жизненные обстоятельства. А потом он понял, что это и есть его призвание:

«История была для меня всем. В исторических событиях искал аналогии современной жизни. Видел себя в какой-либо эпохе, особенно в Древней Греции. Перечитал о ней все, что было доступно. Могу сказать, сжился с ее народом, гибель демократии воспринял как собственную трагедию. История учила меня быть неравнодушным.

Первыми моими учениками были дети войны. Они познали голод, холод, ужасы оккупации. Народ еще не пришел в себя после страшной войны, и было не до тонкостей воспитания. А я считал себя ответственным за их будущее. Я понимал, что к тому времени, когда ребята окончат школу, страна справится и с недоеданием, и с послевоенной разрухой. Все будут сыты, одеты, обуты. Но чтобы воспринять жизнь во всех ее красках, им понадобится еще духовное богатство, умение чувствовать и понимать прекрасное. Это чувство и нужно было формировать с детства. Но как? Сейчас на этот вопрос я ответил бы легко. А в то время форму я искал долго, причем найти ее быстрее мне помог один человек».

Жил и работал в соседнем Змиевском районе очень интересный человек, учитель Яков Иванович Красюк — страстный любитель археологии. Ежегодно он получал «открытый лист» на раскопки. На одной из учительских конференций они познакомились и быстро подружились.

В своей школе Красюк создал краеведческий музей, где был отдельный раздел живописи. Красюк и натолкнул Лунева на мысль создать музей в Пархомовке. В свой план Афанасий Федорович посвятил ребят, и те горячо поддержали идею. Начать работу решили с изучения истории родного села.

Вначале несли в музей все: рушники, украинскую национальную одежду, украшения. Главный агроном совхоза «Пархомовский» Михаил Федотович Федоряка вспоминает сейчас, как он гордо шел через село с где-то добытой прялкой. Правда, о ценности вещи ребята судили главным образом по тому, насколько дорожат ею хозяева. На этой почве не раз возникали курьезы. Както один ученик сказал, что у его бабушки есть картина, которую она ни за что не хочет отдать в музей. Но, уверял хлопец Афанасия Федоровича, бабку я уговорю. И действительно, через несколько дней принес в школу большой сверток. Осторожно развернув его, Лунев увидел... сюжет с русалками — аляповатую поделку, которую доморощенные художники продают на местных рынках.

Но, так или иначе, музей пополнялся. А однажды потрясенные ребята по-

Иногда картина оказывает на душу человека большее влияние, чем многие лекции и беседы.

Нередки на заседаниях «Радуги» бурные споры об искусстве.

Эти ребята — актив клуба «Радуга». Окончив школу, они учатся и работают, но не забывают свой музей и то, что с ним связано.

Кем бы ни стала эта девушка, встречи с искусством помогут ей лучше осознать цель и смысл жизни.

Если картина «заболела», ее везут к реставраторам. Наблюдая за их работой, школьники приобщаются к тайнам этой увлекательной профессии.

могли своему учителю перенести в музей его богатую личную коллекцию. Вот оно, материнское: «Лучше отдать, чем взять...» Много вечеров провели они, оформляя залы, десятки раз перестраивая экспозицию. Приходилось быть стеклорезами, переплетчиками. Общее дело сплачивало их в единый коллектив.

Собранные ребятами экспонаты рассказывали о том, что у Пархомовки богатая история: сюда приходили скифы, бывали здесь греки и персы, большие события происходили в годы царствования Петра I и Екатерины II. В гражданскую войну красные отряды громили в округе банды Махно, а в 1942 году Краснокутский район был местом жестокого сражения, известного как Харьковская битва...

В небольшой археологической коллекции музея, собранной здесь, в Краснокутском, и соседнем, Богодуховском, районах, есть экспонаты, относящиеся к каменному и бронзовому векам: рубила грубой работы, топоры, молотки, серпы. Мужская голова, высеченная из камня, — самый древний экспонат музея.

В центре одного из залов — витрина с образцами оружия древних скифов: кинжал, нож, наконечники для стрел. Среди предметов прикладного искусства XVIII века особо запоминаются рушники с их неповторимой вышивкой. Привлекают внимание произведения древнерусского искусства, в частности украшения из бронзы, старинного письма иконы, изделия мастеров Киевской Руси. Есть редкие книги: Евангелие, отпечатанное в Львове Иваном Федоровым...

Создание краеведческого музея стало для Лунева первым шагом к воплощению давно вынашиваемой идеи — активно воспитывать в учениках чувство прекрасного. Ну, а как к самому Луневу пришло то понимание прекрасного, которому он стремится научить ребят?

«Однажды, будучи в городе, — вспоминает Афанасий Федорович, — отец купил небольшой альбом репродукций картин известных русских художников. Всех уже не помню, но одна в памяти осталась — репродукция картины художника Михаила Клодта «В деревне в Орловской губернии».

С этого и началось. Из каждой поездки отец привозил какие-нибудь картины, альбом с репродукциями, книги по искусству. Все это тщательно рассматривалось, обсуждалось. Именно эти вечера пробуждали во мне интерес к искусству и закладывали основы его понимания.

Позже уже сам стал искать встреч с прекрасным. Если попадал в город, где был музей, посещал его обязательно. Денег на книги по искусству не жалел. Как-то, помню, купил репродукцию картины Леонардо да Винчи «Мона Лиза». Она вся выгорела, цвет был искажен. Но даже в таком виде произведение потрясло.

И еще. Каждый человек воспринимает в полном объеме лишь то произведение искусства, которое ему внутренне близко. От чувства идет он к содержанию, к пониманию запечатленной эпохи. Еще лучше, когда рядом с тобой есть человек, наделенный даром чувствовать прекрасное. Мне повезло: такой человек, знающий музыку, литературу живопись, умеющий объяснить, как произведение искусства передает настроение художника, рядом со мной был.

Я отдал в музей свои книги, картины, антиквариат. Мне хотелось показать ребятам, что кроме книжек с картинками существует другой мир — мир большого искусства, способного даже перевернуть жизнь человека. Так родился при музее клуб, мы назвали его «Радуга».

«РАДУГА»

Как-то Лунев предложил ребятам написать письма С. Коненкову, М. Сарьяну, В. Фаворскому с просьбой рассказать о себе, о том, как они пришли в искусство. Честно говоря, надежды на ответ было мало: все-таки люди с мировым именем, занятые. И вдруг радость: ответили все. А Владимир Андреевич Фаворский даже пригласил в гости. И вот на заработанные в совхозе деньги школьники поехали в Москву. На даче у Фаворского они провели целый день. Он беседовал с ребятами об искусстве, его месте в жизни людей, радовался, слушая их рассказ о музее. На прощание Владимир Андреевич подарил оттиски своих гравюр. А позже прислал в музей письмо, в котором рассказал, что в Германской Демократической Республике состоялась выставка его работ и на гонорар от нее он купил для музея произведения немецких графиков. Так появились в Пархомовке рисунки Ганса Грундига, Арно Мора и других художников.

Побывали ребята и у Сергея Тимофеевича Коненкова. Этот необыкновенный во всех отношениях человек буквально покорил их. Во время беседы выяснилась интересная деталь: до революции Сергей Тимофеевич бывал в соседнем с Пархомовкой селе Натальевке, где вместе со Щусевым работал на строительстве собора. Коненков показал свои последние работы, подарил гипсовый бюст Н. Пешковой.

В гости к ребятам приезжали из Москвы сотрудники Музея изобразительных искусств имени Пушкина, Ленинградский Эрмитаж подарил Пархомовке много картин известных художников. В 1966 году члены клуба «Радуга» посетили Дрезденскую картинную галерею. Кроме того, побывали в Лейпциге, Магдебурге, Мейсене. Тогда же познакомились с сотрудниками Берлинского художественного музея, они подарили пархомовцам копию скульптурного портрета Нефертити.

Потом школьники стали переписываться с Николаем Михайловичем Ромадиным, Орестом Георгиевичем Верейским, Борисом Михайловичем Неменским. «Любите, мои любимые, искусство, научитесь понимать и чувствовать его! Искусство духовно воспитывает человека, дает ему опыт любви, дает ему смысл и объяснение жизни», — писал в одном из писем Ромадин.

Сегодня пархомовские ребята водят экскурсии по музею, выступают на фермах, в бригадах колхоза и совхоза с рассказами об искусстве. А став взрослыми, и своих детей учат прекрасному, чтобы, как пишут Луневу, и дети «ни к чему не оставались равнодушными».

Борис Васильевич Колонтаевский, наладчик контрольно-измерительных приборов на Пархомовском сахарном заводе:

«В музее есть частичка и моего труда. Что мне дали Лунев и музей? Очень многое. Лунев научил меня видеть и понимать прекрасное. Благодаря ему я полюбил живопись. Сейчас увлекся музыкой. Дети мои тоже увлекаются рисованием и музыкой. Старшая — Оля посещала клуб «Радуга» и младшая тянется туда».

Надежда Максимовна Бойко, учительница русского языка и литературы Пархомовской средней школы:

«Все шли к Афанасию Федоровичу, потому что он очень интересный человек. Детей всегда привлекают такие люди. Музей привил нам любовь не только к живописи, вообще к искусству. Я, например, пою в хоре, и дети мои любят петь. Любовь к прекрасному я стараюсь передать своим ученикам».

Ира Литовченко, воспитательница детского сада колхоза «Заря коммунизма»:

«Впервые на занятия «Радуги» я пришла, когда училась в шестом классе. Но уже до этого много слышала о клубе. Первое занятие осталось у меня в памяти как удивительный праздник. Здесь я научилась чувствовать сердцем, понимать искусство. Закончила школу, работаю. И чувствую, что мне не хватает «Радуги».

Валя Шерстюк, работница сахарного завода:

«Я пришла в клуб «Радуга» в седьмом классе и не пропустила ни одного занятия. Почему? Потому что там Лунев, потому что там споры, дискуссии. Для меня Лунев и «Радуга» неразделимы. Я и сейчас не мыслю себя без них. Если бы не они, я не знаю, что было бы со мной. Ведь я никогда бы не узнала, что на свете есть настоящее, большое искусство».

Нина Бровко, работница сахарного завода:

«В свое время у меня были друзья, и, как я сейчас понимаю, не совсем хорошие. Но «Радуга» окунула меня в другой мир. Постепенно увлеклась живописью, классической музыкой, поэзией. Но Афанасий Федорович переделал не только меня. Раньше наш класс представлял собой разобщенные

Афанасий Федорович Лунев.

И стар и млад приходят в музей, чтобы еще раз пережить радость от встречи с прекрасным.

Экскурсию ведет выпускница школы Лена Авраменко.

Хочется проверить и свои силы!

стайки ребят, а Лунев сделал так, что мы стали единомышленниками».

Станислав Иванович Демьяненко, главный экономист совхоза «Пархомовский», кандидат экономических наук:

«Я учился у Афанасия Федоровича, и дочка моя, Яна, тоже учится в этой школе. Мы обязаны ему многим. Он учил нас не просто заучивать материал, а смотреть на жизнь шире, быть выше отметок, которые, как он говорил, не более чем суровая необходимость. Ведь если у школьника в дневнике пять, это совсем не значит, что он хороший человек, а если три — посредственный. В жизни, к счастью, не всегда так бывает. Общение с Луневым оставило глубокий след в моей жизни. В чем это проявилось? Я люблю историю, собираю книги, есть у меня небольшая коллекция монет. Конечно, в полном смысле интеллигентом себя считать не могу. Но то, что нам старался привить Лунев, и то, чему он сейчас учит наших детей, очень важно».

МОНОЛОГ

Я пришел на заседание клуба «Радуга» в один из тихих январских вечеров. Ребята сидели за партами возбужденные, румяные от мороза. Когда не осталось свободных мест, за парты садились по трое. Обстановка — самая непринужденная. Но вот вошел Лунев, и все обратились в слух. Ребята слушали его так, как слушают только люди, понимающие говорящего, что называется, с полуслова:

«Иногда я бываю на уроках литературы и мне становится грустно, когда слышу, как ученик уныло пересказывает содержание какого-либо произведения русских классиков. А ведь в свое время Плеханов, вспоминая о впечатлении, которое произвело на них, курсантов военного училища, стихотворение Некрасова «Железная дорога», писал: «Мы спрятали книгу и пошли в цейхгауз за ружьями, находясь под сильнейшим впечатлением всего только что прочитанного нами. Когда мы стали строиться, мой приятель С. подошел ко мне, и, сжимая в руке ружейный ствол, прошептал: «Эх, взял бы я это ружье и пошел бы сражаться за русский народ!» Вот что значит уметь прочесть произведение, понять его душу.

Настоящее искусство делает человека духовно богаче. Случается, что человек, живший незнамо как, опустившийся на дно жизни, посмотрев картину, прочитав книгу, прослушав музыку, преображался.

Искусство учит добру. Я хочу, чтобы вы сердцем поняли, что это очень важное чувство. Человек может обладать десятками хороших качеств, но если он недобр, то это человек неполноценный.

Религия издавна пытается использовать в своих целях искусство, силу его огромного эмоционального воздействия. Настоящее искусство никогда не опускается до того, чтобы унизить человека. Оно выше религиозной идеи, потому что в нем неизбежно присутствует поиск истинной ценности и смысла жизни. Вспомним, например, художников-передвижников. На первом плане у них был прежде всего человек, независимо от сюжета...

Вообще проблема взаимоотношения людей с церковью сложна. Люди идут туда отнюдь не потому, что им нечего делать. Они приходят в церковь со своими горестями, печалями, приходят, чтобы найти там утешение. Казалось бы, что плохого, если человек ищет утешение в церкви. Но не забывайте, что религия обращается не к силе человека, а к его слабости. И счастье, которое она сулит, — иллюзорно».

Лунев включает диапроектор, и на белом полотне экрана появляется картина Крамского «Христос в пустыне»:

«Нет, это не евангельский Христос. С тончайшим мастерством психолога, выразительной светотеневой лепкой лица и рук Крамской передает процесс напряженного духовного поиска правды жизни, зреющую в человеке готовность пойти ради этой правды на подвиг...»

«Почему у клуба такое название?» — спросил я ребят после заседания. И услышал в ответ: «Радуга — это многоцветье, на нее похожа наша жизнь». И мне стало ясно, что эти ребята уже не растеряют в жизни то, что дала им школа Лунева.

◆

Корреспонденцию В. Евсеева комментирует заслуженный художник РСФСР, секретарь правления Союза художников СССР, лауреат Государственной премии СССР, председатель комиссии по эстетическому воспитанию детей Союза художников СССР Б. М. НЕМЕНСКИЙ:

Несколько лет назад я получил письмо, которое меня взволновало и обрадовало. Воспроизвожу его почти полностью:

«Уважаемый Борис Михайлович!.. Признаюсь, хотя меня и радует составление новой, лучшей программы по рисованию, но совершенно не успокаивает. Почему? Да потому, что дело сейчас все же не в программе, а в том, кто ее будет осуществлять, проводить в жизнь, учить по ней и как будет понимать свои задачи — узко или широко. Второе — это само отношение к делу. Я очень опасаюсь возможности догматического и чиновничьего подхода. В этом деле решают люди, а не программы, даже самые совершенные. К тому же, обучение рисованию — это эстетическое воспитание в узком понимании, часть его. И воспитательные возможности его ограничены.

Эстетическое воспитание в широком смысле — это воспитание больших и глубоких чувств, это идейное и моральное воспитание человека, человечного в человеке — прежде всего. Это в первую очередь воспитание прекрасного в сердце человека, прекрасного, которым бы он руководствовался в отношении к людям. Я глубоко убежден: то, что мы называем эстетическим воспитанием в широком смысле, — крайне необходимое средство воспитания Человека. Да, да! Человека с большой буквы, с большим сердцем и высокими чувствами.

...Очень было бы плохо, если бы программы и воспитание были так построены, что мы давали бы детям комплекс штампованных словечек, фраз для обозначения «понимания искусства». Представление о необъятности мира чувств, острое желание войти в него должны остаться у детей после школы. А штампом, к сожалению, болеют иногда даже искусствоведы. Вот это должно быть, на мой взгляд, основными принципами для программы по эстетическому воспитанию. Но для проведения в жизнь этих принципов нужно еще очень много, в частности, чтобы ознакомление с искусством было тесно связано с окружающим миром, с природой, людьми, трудом.

Конечно, хотелось бы много еще сказать, но это было бы целое сочинение...»

Это письмо пришло из Харьковской области от учителя Пархомовской средней школы Афанасия Федоровича Лунева. Позже мы неоднократно встречались, часами спорили об искусстве, о том, как с его помощью успешнее решить насущную задачу наших дней — воспитать гармонично развитого человека.

Искусство обладает своим неповторимым языком. Естественно, у каждого вида искусства своя специфика и в силу этого своя тропинка к душе человека. Но есть у них общее — воздействие языка образов, недоступное ни формулам, ни логическим доказательствам. Ведь иногда одна фраза в книге, картина или грампластинка оказывают на духовное развитие ребенка большее влияние, чем десятки лекций.

Еще в 1918 году Государственная Комиссия по просвещению опубликовала «Основные принципы единой трудовой школы». Там есть замечательные слова: «Предметы эстетические: лепка, рисование, пение и музыка отнюдь не являются чем-то второстепенным, какой-то роскошью жизни... Вообще под эстетическим образованием надо разуметь не преподавание какого-то упрощенного детского искусства, а систематическое развитие органов чувств и творческих способностей, что расширяет возможность наслаждаться красотой и создавать ее. Трудовое и научное образование, лишенное этого элемента, было бы обездушенным...»

Воспитывать человека эстетически — это значит эстетически формировать не только его чувства, но и мышление, а значит, и отношение к жизни. Кое-кто, правда, не понимает, в чем состоит связь эстетического с другими сторонами воспитания человека. Таким людям кажется, что, скажем, мировоззрение — это нечто привнесенное в искусство. Но еще Белинский говорил, что чувство красоты и гармонии есть условие человеческого достоинства: только при нем возможен ум, только с ним ученый возвышается до мировых идей, понимает природу и явления в их взаимосвязи, только с ним гражданин может нести отечеству свои личные надежды, только с ним человек может сделать из жизни подвиг и не согнуться под его тяжестью.

Лунев — тот редкий тип воспитателя, который уверен, что неразвитость чувств оборачивается неразвитостью мышления и сознания. Афанасий Федорович увлечен идеей форми-

рования высококультурного и духовно тонкого человека. Для меня люди, подобные Луневу, — «землепроходцы» нашего времени. Их дела и думы очень важны как показатель творческого роста наших педагогов.

То, что сделано в Пархомовке, поразительно: группа школьников вместе со своим учителем создали настоящий художественный музей, занимающий девять комнат старинного особняка. В течение двух десятилетий ребята собирали его буквально по капле. Сейчас в экспозиции и фондах пархомовского музея более полутора тысяч произведений искусства — подлинных, оригинальных вещей.

По мере того как рос музей, вместе с ним росли ребята, которые стали его пропагандистами. Вдумайтесь: музей посещают десятки тысяч людей не только из своего района, области, но и из других краев и областей. Кроме того, школьники проводят выездные выставки, на которых выступают с беседами об искусстве. «Штат» музея — от директора до уборщиков — те же самые ребята. Этим нельзя не восхищаться.

Я с интересом читал высказывания бывших учеников Лунева. Кружковцы, прошедшие школу «Радуги», выросли настоящими людьми. Как спорт дает здоровье телу человека, так искусство оздоровляло их души и формировало убеждения. Возьмите, например, хотя бы такие строки из письма учителю: «Нам непросто живется, но мы ни к чему не можем оставаться равнодушными...» На мой взгляд, эти слова более всего подтверждают главную мысль очерка корреспондента журнала: школа Лунева — не только школа вкуса, это еще и школа миропонимания.

ЕСТЬ ЧТО СРАВНИВАТЬ

Мне уже перевалило за 80 лет, есть о чем рассказать, что вспомнить и что сравнивать. Особенно в отношении религии.

Все религиозные обряды свято соблюдались в нашей маленькой деревушке в Тульской губернии, откуда я родом. Однако среди своих близких очень уж набожных людей я не помню. Народ в деревне с большим уважением относился к единственному на всю волость фельдшеру, его, можно сказать, боготворили. А вот к служителям церкви отношение было разным.

Бабка моя со стороны матери очень строго следила за соблюдением положенного церковного ритуала, вплоть до мелочей. Помнили в нашей семье такой курьезный случай. Собрались на большой праздник у бабушки все три ее дочери, моя мать была уже с грудным ребенком — со мной. Обходил священник дома по очереди, пришел и сюда. Красный угол был украшен, стол застлан «молебственной» скатертью, на ней — праздничные угощения.

Когда священник отслужил, надо было освятить новую икону. Батюшка все исполнил, его отблагодарили, и он пошел дальше. Но бабке показалось, что священник недостаточно окропил образ. Она сама налила в блюдце святой воды, окунула в нее березовую веточку, забралась на лавку и побрызгала на икону. А когда стала слезать, оступилась и упала, опрокинув к тому же стол. Поднявшись, она возмущенно воскликнула: «Зачем бы меня туда черти понесли, если бы этот поп посвятил, как нужно!»

Вспоминая теперь этот случай, я еще более утверждаюсь в мысли, что религия привлекает и держит простых людей обрядами, сознанием, что делать надо так, как учили нас наши бабки и деды, и мы не вправе отступать от обычая. Часто обряд, а не сама религиозная идея нужен был людям.

Отец мой, как и многие крестьяне ближних к столице губерний, еще до женитьбы ушел в Москву на заработки и служил в мастерской щетинника. Домой в деревню приезжал лишь на день или два по большим праздникам. Мама не поладила со свекром, собралась и, никого не спросив, уехала к мужу. Пришлось молодому мастеровому искать семейную квартиру: жена явилась с годовалой дочерью. Бывало, в таких случаях, как мне потом мама рассказывала, муж отправлял своевольную супругу обратно в деревню. Возвращайся, мол, к родителям, а мне не до тебя. Но отец нас принял. Однако недолгим было семейное счастье. Он заразился на работе сибирской язвой и умер. Мама осталась с двухлетней дочуркой и нанялась в кухарки.

Тяжелая досталась моей матери жизнь. Устроиться на место, имея на руках ребенка, было трудно, а коли взяли, старайся да угождай, чтобы не рассердились хозяева и не выгнали. Как же тут бедной, несчастной женщине не надеяться на бога и не молиться? Помню себя пятилетней, жили мы тогда в каморке при кухне в доме какого-то молочного фабриканта неподалеку от Ильинских ворот. Ранним солнечным утром перед пасхой мама разбудила меня, нарядила в розовое батистовое платьице с накрахмаленной нижней юбочкой и повела к ранней обедне — причащаться.

Это самое первое мое воспоминание о церкви, о церковной службе, но молиться мама меня никогда не принуждала. Отдала она меня в городское училище, платила три рубля в год. Училище находилось в том околотке, где теперь высится гостиница Россия. Среди сохранившихся возле нее храмов стоит и та церквушка, священник которой преподавал в нашем училище закон божий. Должна сказать, был он хороший человек, не сердился, когда мы, маленькие девчонки, называли его не батюшкой, а дедушкой. После Октябрьской революции он долго еще служил в той же церкви, здесь же была его казенная квартира.

Лет в одиннадцать я пошла с теткой и ее дочерью на богомолье к Троице-Сергию. Отправились в монастырь (в нынешний Загорск) пешком, как и полагалось по обету. Шли за важным для тетки советом: отдавать ли дочь замуж за того, кого наметили? В монастыре нас накормили бесплатно постными щами с сухарями. Отстояли мы долгую службу в церкви. Потом тетка с дочерью пошла за советом, а меня оставили у ограды дожидаться. Пришли обе скучные, ответ получили отрицательный: жених не годится, будет пить, будет бить. Судьба сестры была решена, и мы возвратились домой поездом.

После трехклассного училища меня определили в гимназию. Мой отчим был верующий человек, не пропускал ни единой воскресной службы в церкви, но почему-то, несмотря на всю его набожность, они с мамой жили невенчанные. Учиться в гимназии мне нравилось, мама гордилась тем, что отдала дочь в такое «благородное» заведение, но я сразу же познала, что значит быть «кухаркиной дочкой».

Выглядела я старше своих 14 лет, и на исповеди священник, ничуть не смутившись, задал мне вопрос: «Не блудила ли, дочь моя?» Меня всю в жар бросило. «Нет!» — сказала я, встала и ушла без отпущения грехов. Маме я заявила, что больше в церковь не пойду, и она ответила: «Ну, дело твое». На этом мои посещения божьего храма окончились.

Аттестат за семь классов я получила в 1917 году. Это совпало с началом новой жизни всей нашей страны. Устроилась я на Московский телеграф. Мне казалось, что нахожусь я в самом центре революционных событий. Известия со всей страны поступали на наши аппараты. Нам, молоденьким телеграфисткам, было известно, где и когда выступал Владимир Ильич Ленин, куда, на какой фронт отправляются московские рабочие, что творится в Питере и по всей России.

Мама моя умерла рано: в 49 лет, могла бы еще долго жить на радость внукам. После ее смерти оставила я работу, надо было воспитывать малышей, но никогда я не порывала с общественной деятельностью и не мыслила без нее жизни. То организовала детскую площадку при домкоме, готовила на керосинке, на общей кухне детям обед. Помощница моя тоже трудилась, как теперь говорят, на общественных началах. Пошли мои дети в школу, пошла и я туда работать. Старший сын еще в десятилетке окончил аэроклуб. Пришел он однажды такой счастливый, сияющий, в синем комбинезоне, в шлеме и докладывает: «Пилот 3-го класса прибыл!», а я молча улыбнулась, принимая это будто в шутку. Прошло немного времени, и он ушел воевать. Мой мальчик покоится в братской могиле на Курской дуге. Погиб он в сорок третьем году в воздушном бою, защищая свою Родину от фашистов. Невосполнимая утрата обделила мою судьбу, как и судьбы всех тех матерей, к которым не вернулись с фронта их дети. Однако к религии я не пришла, несмотря на все свое горе и старость. Думаю, не в ней надо искать утешения, а в простой человеческой жизни, в ее будничных радостях, доброжелательном отношении людей друг к другу. Старый человек особенно нуждается в приветливом слове и добром участии.

М. БЕЛОХВОСТОВА

Москва

ПОЛВЕКА НА КЛУБНОЙ СЦЕНЕ

В. ДОЛГОВА

Существует расхожее мнение: с годами человеку надо бы поберечь себя — ведь возраст ставит свои преграды. Но счастлив по-настоящему лишь тот, кто, даже перешагнув пенсионный рубеж, трудится с полной отдачей...

Во Дворец культуры ЗИЛа меня привели другие дела. Но тут узнала об Анастасии Тихоновне Казаковой и захотела с ней познакомиться.

— Настенька, здравствуй!

— Настя, как жизнь?

— Анастасия Тихоновна, привет вам!

Она едва успевает отвечать на приветствия, когда, выйдя из заводского Дворца культуры, мы отправляемся в небольшую экскурсию. Она ведет меня в свою молодость.

— Редко я здесь бываю — все некогда. Как изменились эти места... Давно нет ворот, которые вели в клуб. А вот бывшие покои архимандрита сохранились, но как обветшали! В них и размещался молодежный коллектив Симоновской слободы.

Она пришла в заводскую контору в 1920 году, 11-летней девочкой. Отец умер, у матери на руках остались четверо, старшей — Насте — надо было зарабатывать на хлеб. Сначала работала ученицей, потом счетоводом, позднее бухгалтером. Как только на заводе возникла художественная самодеятельность, стала ходить в клуб.

В клубе они все делали сами: шили костюмы, сооружали сцену, писали декорации. Казалось, нет такого дела, за которое они не взялись бы ради Искусства. На заводе театральную молодежь любили, их называли «клубисты», они гордились этим. Порой им не хватало мастерства, бедноват был репертуар, но публика в зале всегда принимала тепло. Молодежный клуб олицетворял собой могучий порыв всего народа к культуре, искусству.

— Было у нас всегда шумно, весело. Хотя порой и голодно. Нам отвели часть монастырского сада, и яблоки, которые там росли, были для нас подспорьем.

Все вечера, каждую свободную минуту проводили в клубе. Руководил теаколлективом (характерное для тех лет название!) профессиональный актер А. П. Антонов, исполнитель роли матроса Вакулинчука в фильме Эйзенштейна «Броненосец Потемкин».

А совсем рядом с клубом был действующий Симонов монастырь. Многие жители слободы еще тянулись к религии, посещали богослужения. Молодые артисты решили противостоять влиянию обители. В 1926 году они поставили антирелигиозную пьеску «Буржуй в аду». Настя исполняла в ней главную роль баронессы, которая после многих смешных приключений попадала вместе со своими слугами в преисподнюю. Конечно, постановка была достаточно наивной, антирелигиозные идеи выражались слишком прямолинейно, но спектакль пользовался большим успехом. Старые рабочие помнят его до сих пор.

Анастасия Тихоновна Казакова.

В 30-е годы началось строительство заводского Дворца культуры — одного из первых в Советском Союзе. На субботниках вместе с жителями Симоновской слободы трудились члены театрального коллектива. Новый Дворец поднялся рядом с башней Симонова монастыря. Такое соседство казалось исполненным глубокого смысла. Для рабочих, особенно для заводской молодежи, светлые современные помещения рядом с угрюмыми монастырскими стенами были символом новой жизни.

— Пожалуй, сегодня такое противопоставление старого и нового покажется наивным. Но ведь это было почти полвека назад, новое еще только пробивало себе дорогу — в быту, в сознании людей.

Анастасия Тихоновна говорит о том, что давно ее занимает, о чем много размышляла:

— Мы стараемся помочь молодежи раскрыть свои способности, проявить свою индивидуальность. Ведь самодеятельность — не способ убить время, ее роль в воспитании неоценима. И дело не в том, что здесь прививают культуру речи, поведения. Хотя и это немаловажно. Главное, молодежь здесь начинает понимать, как велик и прекрасен мир искусства. Самодеятельность помогает развитию нравственных качеств, творческая обстановка делает человека лучше и чище, помогает ему освобождаться от предрассудков и предубеждений. Литература, музыка будят доброту, учат состраданию, сопереживанию. Работая над репертуаром, мы размышляем над проблемами добра и зла, ответственности, совести, долга — все это помогает человеку осознать его истинное назначение...

Опыт, мастерство пришли к А. Т. Казаковой не сразу. Несколько лет она занималась в Первой мастерской Пролеткульта, где работали тогда С. Эйзенштейн, С. Мартинсон. В клуб приезжали мастера сцены А. Таиров, А. Коонен. Дружескую помощь самодеятельным артистам оказывали актеры МХАТа И. Москвин, И. Судаков. Много лет с коллективом работал режиссер театра имени Ленинского Комсомола С. Л. Штейн. Главный бухгалтер ворчал:

— Милая барышня, бросайте свои художества, годовой отчет надо делать...

Не всегда сопутствовала удача, но постепенно пришли и популярность и мастерство.

Когда началась Великая Отечественная война, заводские артисты по мере сил помогали фронту. В 1941 году была создана первая концертно-фронтовая бригада из 32 человек. Участвовала в ней и Анастасия Тихоновна.

Сначала выступали в воинских частях, оборонявших столицу. Давали концерты в Кашире, потом в Ржеве, Веневе, Калинине, Малоярославце. Шли по следам боев, выступали там, где еще гремели выстрелы, дымились развалины. Бойцы принимали артистов с радостью.

Дневник и редкие случайные снимки тех лет воскрешают в памяти тяжелые военные будни. Некоторые выступления особенно запомнились. В гвардейской Невельской дивизии давали концерт в сильный мороз. На поляне, окруженной высокими соснами, стояла «полуторка» с откинутыми бортами. Зрители-гвардейцы устроились прямо на снегу, устланном еловыми ветками. Артисты решали проблему — как выступать, неужели в валенках, в тулупах? Нет! Как всегда, появились в концертных костюмах, нарядных платьях.

Где только не побывала бригада за годы войны. Выступали в освобожденных городах — Харькове, Белгороде, Витебске, Смоленске, давали концерты для моряков Северного флота, выступали в Мурманске, Полярном, на полуострове Рыбачий...

После окончания войны судьба артистов бригады сложилась по-разному: одни вернулись на завод, другие полностью посвятили себя искусству, Анастасия Тихоновна стала штатным работником Дворца культуры — актрисой

концертного ансамбля, позднее руководителем цеховой художественной самодеятельности. По традиции, драматический коллектив к каждому большому празднику, к знаменательной дате готовит обширную литературно-музыкальную программу. Обычно составляет эти композиции сама Анастасия Тихоновна. В День Победы с клубной сцены звучат стихи поэтов-автозаводцев. Артисты читают фрагменты из книги «История автозавода имени И. А. Лихачева», произведения известных советских поэтов.

— Надо чаще вспоминать о героическом прошлом. Молодежь должна гордиться своим заводом, помнить, какую цену заплатило старшее поколение за их нынешнюю мирную жизнь, — говорит А. Т. Казакова.

Анастасия Тихоновна еще и биограф народного театра и всей художественной самодеятельности завода и Дворца культуры — в течение десятилетий ведет дневники, оформляет альбомы, фиксирует все сколько-нибудь заметные события. Канули бы в Лету эпизоды, впечатления, даты, если бы не было этих записей и снимков. Начинала она для себя, не предполагая, что со временем будет создана своеобразная летопись. А теперь, если вдруг оказывается, вовремя что-то не записала, не сохранила, чувствует себя виноватой.

Много часов провели мы, рассматривая старые фотографии, ветхие газетные вырезки с рецензиями. Вот шутливая запись 1936 года: «Нас преследуют неудачи: то графиня Розина (Настя Казакова) сдает в бухгалтерию годовой отчет, не может ходить на репетиции, то графа Альмавиву берут на допризывную подготовку». Это — о репетициях «Женитьбы Фигаро».

Страницы «летописи» рассказывают и о творческих успехах Анастасии Тихоновны (о себе она говорит очень неохотно). Она любила и умела читать стихи, в ее репертуаре Пушкин, Лермонтов, Блок, Маяковский, Эренбург. В программе итогового вечера лучших исполнителей произведений Пушкина в Колонном зале Дома Союзов в 100-летнюю годовщину гибели поэта названа и Анастасия Казакова.

Еще запись в дневнике: «12 декабря 1942 года. Размещаемся вечером в медсанбате: он в глухом лесу. Утром просыпаемся от сильной канонады. Линия фронта в трех-четырех километрах. Страшно, но концерты даем: в 12 часов и в 2 часа дня. На концерт пришли бойцы на лыжах и в маскировочных халатах».

В альбомах — благодарности, отзывы Политотдела I Прибалтийского фронта. Запись: «Только в 1944 году заводская бригада дала 282 концерта. Их прослушали 117 тысяч бойцов...»

В альбоме, который ведет Анастасия Тихоновна, еще много чистых листов, еще много предстоит ей сделать. С любовью рассказывает она об энтузиастах цеховой самодеятельности. Свыше 20 лет выступают на сцене красных уголков завода Вера Минкевич, Юрий Мызов, Игорь Уразов, Любовь Мокрова, Наталья Овчинникова и многие другие.

— Это дорогие для меня люди, во всем мне поддержка, — говорит Анастасия Тихоновна, — мы часто задерживаемся и после репетиций, говорим по душам обо всем. Дочь частенько ворчит, что я ее забываю ради своих артистов...

К. Е. Маковский. «Святочные гадания».

К. П. Брюллов. «Гадающая Светлана».

„Как у нас в году три праздника"

Г. ЧЕНСКАЯ

Матушка Кузьма-Демьяна!
Скуй нам свадьбу крепко-накрепко.
До седой головушки,
До долгой бородушки!

Старинная свадебная песня.

ХРИСТИАНСТВО принесло на Русь свою систему праздников. На новой почве она приживалась в длительной и упорной борьбе с древними славянскими обрядами. Новая вера утверждалась в массах с большим трудом, и церковь старалась приспособить свой праздничный календарь к языческому, чтобы постепенно вытеснить древние обряды или видоизменить их, придав им христианский характер.

Некоторые церковные праздники удачно совпадали с прежними древними (например, рождество — святки). Если ни в церковном календаре, ни в священном писании не находилось подходящего события, день языческого празднества связывали с именами христианского святого или с каким-нибудь «чудом».

Особое место занимают так называемые женские праздники.

Покров — один из великих праздников православного календаря. Он посвящен богоматери — заступнице и молитвеннице за всех людей — и установлен в честь того, что будто бы в Константинополе в 910 году она простерла над молившимися «покров» — белое покрывало. Покров празднуется в октябре и совпадает с завершением летних сель-

скохозяйственных работ, началом подготовки к зиме. Это время, когда обычно играли свадьбы. Таким образом, в крестьянском быту само название «покров» употреблялось не только в религиозном смысле как покровительство божьей матери, а означало и свадебную фату невесты. Именно поэтому покров называли девичьим праздником. Накануне праздника девушки, ложась спать, молились: «Батюшка Покров! Покрой землю снежком, а мою голову венцом». И в церкви во время службы в этот праздник было особенно много девушек-невест: каждая ставила богородице свечу и молилась о хорошем муже. Существовало поверье — кто раньше поставит свечу, тот раньше и замуж выйдет. В этот день полагалось как можно больше веселиться: «Покров весело проведешь — дружка милого найдешь». Вопреки церковной легенде Покров в народном сознании воспринимался как некое всесильное существо мужского рода, распоряжающееся браками, и имел мало общего с христианским отвлеченным понятием.

Примечательно, что время, когда отмечается покров, в русском бытовом календаре тесно связано со свадебными мотивами. В октябре проходят «посиделки» — время встреч и развлечений сельских девушек. Начинаются они, как правило, в одно из воскресений и продолжаются неделю, иногда и больше. Посиделки были передышкой после летних и осенних работ, в это время девушки могли отдохнуть и повеселиться. Заранее снимали дом у одинокой или малосемейной женщины, запасали дрова и угощение. На посиделках устраивали различные игры, гулянья, приходили ряженые.

«Бабьим праздником» была и неделя жен-мироносиц (она начиналась во второе воскресенье пасхи). По традиции, в эти дни веселье для себя устраивали пожилые женщины. Гулянье, угощение, пляски часто продолжались всю ночь. В черноземных губерниях России этот праздник называли «маргоски» или «маргоскина неделя». В нем участвовали только замужние женщины. Одна из участниц, как правило, вдова или малосемейная, устраивала у себя в доме пирушку. Варили пиво, готовили угощение. После службы в церкви, где совершался молебен мироносицам, женщины допоздна веселились и плясали. Пользуясь отсутствием мужчин, они снимали платки и оставались простоволосыми (что в те времена считалось зазорным). Обычно в этот день в общем веселье участвовала и матушка-попадья.

День 9 декабря по церковному календарю — «зачатие святой Анной дочери Марии». На Руси этот праздник в хозяйственном календаре места не нашел и поэтому большой популярностью не пользовался, хотя церковь придавала ему большое значение — он свидетельствовал о силе молитвы: 50 лет молилась Анна о ребенке, и бог услышал ее, послав «дщерь преблагословенную». Народное сознание восприняло этот день как праздник беременных женщин. Крестьяне говорили, что с этим днем «зачинается» зима.

Сугубо бытовое толкование получил и отмечавшийся 26 декабря «собор пресвятой богородицы». Его считали праздником повивальных бабок и рожениц. Во второй день рождества многие крестьянки приносили в церковь пироги для богородицы. Церковь пыталась искоренить этот языческий обычай. Митрополит киевский Михаил в 1590 году осудил и запретил его. В одной из соборных грамот он писал: «И теж пироги на завтрие рождества Христова, которые приносят до церквей мнеше в честь богородицы, еще есть велико бесчестие и догмат безбожных еретик, девая бо богородица паче слова и разума нетленно роди». В Курской губернии этот праздник называли «бабьи каши». Крестьяне с женами вечером шли к повивальной бабке, приносили ей угощение и здесь же пировали до утра. В этот же день повивальные бабки приходили в гости к роженицам и те одаривали их деньгами и свежесваренной кашей.

Народный уклад, крестьянский быт постоянно вносили коррективы в каноны официальной религии. Пример тому — весенний троице-семицкий праздничный цикл. Семик (седьмой четверг после пасхи) слился с троицей. Православная церковь не признавала этот семик, но он прочно сохранился в народном быту как девичий праздник. В далеком прошлом он знаменовал окончание весенних полевых работ — пахоты и сева. Его участники приносили жертвоприношения духам растительности, произносили заклинания и совершали магические действия. Девушки несли с собой в лес всевозможные угощения и пели песни в честь березки. На просторной поляне выбирали самую красивую березку. Ее «завивали» — загибали концы веток так, чтобы они образовали венки. Иногда вершины деревьев нагибали и сплетали с травой. В некоторых областях верхушки двух берез связывали между собой наподобие арки. На дерево вешали разноцветные ленты, нитки, бусы. Водили вокруг него хороводы, пели песни. Березка весенней порой рано покрывается яркой зеленью (когда на других деревьях только еще распускаются почки), отсюда и представление о том, что именно она обладает особенной растительной силой.

В семик девушки давали друг другу обет дружбы — «кумовства». Плели венки из веток, затем сквозь венки целовались и пели песни:

Уж ты кумушка-кума!
Покумимся мы с тобой:
Ни браниться, ни ругаться,
Ни кулички казать...

«Покумившиеся» считались подругами на всю жизнь, ссориться и браниться между собой им было нельзя. После «кумления» под березой устраивали пир, на который допускали и парней.

Семик был одновременно и днем памяти умерших. Однако, участвуя в христианских обрядах (в родительскую субботу, например, служат заупокойные панихиды по близким), народ по привычке держался и за старые обычаи. Вероятно, поэтому в семицком празднике такое необычное сочетание веселья и скорби, характерное для языческих праздиеств. Несмотря на печальные элементы, «зеленые святки» были одним из самых популярных народных праздников. Старинная песня «Как у нас в году три праздника, первый праздник — семик честный, другой праздник — троицын день, третий праздник — купальница» свидетельствует о своеобразном смешении разных верований в народном сознании.

«Купальница» — день Ивана Купалы и приуроченное к нему церковью рождение Иоанна Крестителя считался праздником знахарок, которые в ночь на 24 июня собирали целебные травы и коренья.

Религиозные взгляды крестьян дореволюционной России довольно сильно отличались от официального православия. Вместо отвлеченной церковной догматики в сознании людей закреплялись образы, связанные с повседневной жизнью, с ее реальными потребностями. Примером тому может служить трансформация праздника святой Параскевы. По церковной легенде, благочестивые и бездетные родители проводили пятницу в постах и молитвах, в результате в пятницу же у них родилась дочь, которую нарекли Параскевой (по-гречески — Пятница). Эта святая считалась покровительницей браков, и ее, как и батюшку Покрова, просили: «Матушка Параскева-Пятница, покрой меня поскорее». В этот день, как и в покров, девушки гадали о женихах. Вероятно, по своему назначению эти дни в старину дублировали друг друга. Однако Параскева-Пятница не только распорядительница браков, у нее более широкая «специализация»: она защищала скот от болезней (особенно коров); исцеляла людей от разных недугов; цветы и травы, которыми украшались иконы этой святой, хранили весь год, отваром из них поили больных. Наконец, она считалась покровительницей женского труда. Она сама пряха, но не любит, чтобы кто-то шил и прял в посвященный ей день. По легенде, Параскева наказывает тех, кто в этот день работает.

Анализируя поверья, связанные с именем Параскевы-Пятницы, исследователи пришли к выводу, что в обыденном сознании Параскева-Пятница сближалась с богородицей. Культ богородицы придал христианский вид многим народным языческим представлениям. В богородичных иконах — тихвинской, владимирской, казанской — фактически предстают богини, выполнявшие различные функции в народной жизни: тихвинская спасает младенцев от болезни, казанская богоматерь — строгая и гневная (ее праздник приходится на грозовую часть лета, время опасений за судьбу урожая). Образы Параскевы и богородицы, часто объединяемые в народном сознании, восходят к синкретическому женскому божеству дохристианского происхождения.

К «женским» праздникам можно причислить и «зимнего Кузьму-Демьяна». В народном воображении святые бессребреники Косма и Дамиан слились в один образ «божьего кузнеца Кузьмы-Демьяна», покровителя семейного очага и супружеского счастья. В этот день деревенские девушки собирались в большой избе, готовили обрядовую еду, принимали и угощали парней, после чего начинались игры, песни, гулянья. Созвучие слов Кузьма — кузло (молот) породило выражение «сковать свадьбу». Любопытно, что в старинных свадебных песнях и обрядах Кузьму-Демьяна иногда именовали в женском роде:

Матушка Кузьма-Демьяна!
Скуй нам свадьбу крепко-накрепко,
До седой головушки,
До долгой бородушки!

Эти святые считались также покровителями женских работ. Когда в ноябре женщины садились за зимнюю пряжу,

то обращались к Кузьме-Демьяну: «Батюшка Кузьма-Демьян! Сравняй меня, праздную, с ранними» (помоги не отстать от тех, кто начал работу раньше). Девушки в день Кузьмы-Демьяна молились: «Научи меня, господи, и прясть, и ткать, и узоры вязать».

Кузьма и Демьян известны и как «курьи боги»—хранители кур. В старину 1 ноября на «кузьминки» — «курьи именины» — в Москве, вокруг церкви святых Космы и Дамиана, собирались хозяйки с курами и после службы дарили птицу своим знакомым. Известно, что о суженых любили гадать по этим птицам, а на свадебном пиру кушанье из курицы было традиционным. В бытовом сознании домашняя птица была символом плодородия. С ней связан интересный обряд «троецыплятница». В нем принимали участие только женщины (как правило, вдовы, старухи, повивальные бабки). «Троецыплятница» не имела постоянной даты, совершалась по обету в случае болезни кого-нибудь из домашних, иногда при тяжелых родах. В воскресенье после обедни в доме устраивались молебствие, а затем трапеза. Сначала обедали мужчины, которым подавались вино, пиво и всевозможные угощения. После этого женщины отсылали детей, девушек и мужчин — им присутствовать на обряде не полагалось. (Легенда рассказывает, что представитель сильного пола, тайком взглянувший на «троецыплятницу», тут же ослеп.) Оставшись одни, женщины зажигали свечи перед иконами и, помолившись, садились за два стола (за первый — старые, за другой — молодые). Начиналась трапеза. В молчании, при запертых дверях и занавешенных окнах ели они «троецыплятницу», то есть курицу, трижды высидевшую цыплят. Кости ее бросали в воду, а если поблизости не было реки или ручья, то закапывали в землю. В Орловской губернии женщины на похоронах костей «троецыплятницы» скакали «через ножку» — чтобы «в ногах было больше живости».

Несмотря на то что обряд имел много чисто церковных черт (возжигание свечей, молитвы), он представлял собой причудливое сочетание древнейших верований (вероятно, даже пережитков первобытного тотемизма) с позднейшими христианскими наслоениями.

При всем многообразии местных вариантов женские праздники имели одно общее — они всегда знаменовали собой окончание очередных сезонных работ. Это был непродолжительный отдых перед началом новых тяжелых трудов.

«ЧУЖОЕ ЛИ ГОРЕ?» (1980, № 1)

Статья произвела на меня сильное впечатление. То, что люди, о которых идет речь, оставили своего погибшего товарища, может вызвать только сожаление, недоумение и осуждение. Некоторого снисхождения заслуживает разве что один человек, лучше всех понявший трагедию случившегося. Он не выходил из гостиницы, был сильно подавлен и не мог принимать участия в экскурсии. Но и он молчал, когда остальные садились в другой автобус и не подал слова за то, что необходимо всем или кому-нибудь остаться.

Очень жаль, что некоторые читатели посчитали поступок 27 человек, ехавших на экскурсию, не таким уж плохим. Нельзя, мол, впадать в переживания и отказывать себе в удобствах, которые предоставляет жизнь, тем более если судьба к тебе благосклонна и ты остался жив после аварии а мертвому уже ничем не поможешь.

Думаю, что людям с таким взглядом на вещи будет очень трудно жить. Я уверен, что, к счастью, большинство людей думают иначе.

В. ШУТОВСКОЙ

г. Харьков

Конечно, пассажиры автобуса могли не знать, что надо делать, растерялись. Странно, правда, что они отправились на экскурсию, когда надо было ехать на похороны. Ведь погиб товарищ, с которым они только что говорили, смеялись.

К сожалению, моральное отупение хоть и не часто, а встречается. Недавно нам стало известно о смерти бывшего нашего сотрудника. И так совпало, что на другой день должен был состояться давно намеченный вечер. И он состоялся. Работал тот человек у нас недолго, знали его мало. А все-таки, я думаю, лучше было бы обойтись без вечеринки.

Дело в том, что некоторые не знают, как повести себя в трудную минуту. Дело в отсутствии моральной стойкости, многие хотят любой ценой сохранить свое спокойствие. Именно о таких людях и рассказывает статья Л. Графовой. Может быть, она расшевелит кое-кого, заставит больше думать не только о себе, да и о себе думать иначе, не только о сиюминутной выгоде и комфорте, но и о том, как жить среди людей, чувствовать свою неразрывную связь с окружающими.

А. ВЛАСЕНКО

Закарпатская область

По-моему, «попутчики» поступили бесчеловечно и сами чувствуют, что неправы, потому и оправдываются. Погиб человек, а у них, видите ли, шоковое состояние, они не ведают, что творят. Пусть бы каждый прикинул: а если бы на месте Сережи был один из них, и к его родным отнеслись бы так бездушно.

А о человеке, которого Л. Графова называет Л. из Ярославля, даже не знаю, что и сказать, мне действительно страшно за него: где он воспитывался и что он такое? Во время войны фронтовики говорили о таких людях: «Я бы с ним в разведку не пошел».

Л. ЛАПШОВА

пос. Бейнеу
Казахской ССР

«ПЕДАГОГИКА ДОБРОГО ТЕРПЕНИЯ» (1980, № 6)

Статья мне очень понравилась. Я согласна с автором: главное в воспитании — выращивание хороших качеств, а не просто выкорчевывание плохих. Но нужно много усилий, чтобы они выросли. Надо их замечать, одобрять, поощрять.

Кому пришло в голову внушать людям, что доброте наград не нужно? Я думаю, немало горя испытали люди из-за того, что поверили этой сомнительной истине. Человек должен с малых лет научиться отличать добро от зла, правду от лжи, смелость от трусости. Поэтому не надо бояться хвалить наших малышей за доброту, честность, смелость...

Г. САГАКОВА

г. Ростов-на-Дону

«ШАГ ЧЕРЕЗ КАТАСТРОФУ» (1979, № 10)

Меня глубоко взволновала судьба Александра Чижова. Ведь я, как и Саша, став инвалидом, считал, что жизнь для меня кончена. Я стеснялся людей, но одиночество давало о себе знать. В бога я, как и Саша, не верил и потому спасения у бога не искал. Верить в него я не мог еще и потому, что не хотел обманывать себя райскими сказками, хотел даже покончить с собой, но в последний миг подумал, что это не выход, и сказал себе: буду жить. Стал чаще выходить из дома, ездить на своей старенькой велоколяске в лес, на речку. Вечерами у меня собирались друзья. Меня научили водить трактор (почти все мои товарищи имеют дело с техникой). Те, кто работали водителями, брали меня с собой в рейсы.

В 20 лет у меня была новая велоколяска. И как-то раз я загорелся мечтой увидеть море, а до него не близко — около 40 километров. И вот я отправился один в путь. Трудно было, жара, пыль от машин. Но все-таки я добрался до моря.

Мне и сейчас порой бывает очень тяжело, но я стараюсь не унывать, к счастью, характер у меня веселый. Если я не буду радоваться, то тогда действительно станет очень плохо. И не поможет мне при этом никакая вера в святых.

Если кто пожелает мне написать, буду очень рад.

Александр ЧЕРНОВ

г. Артем
Приморского края

«ЧТИ ОТЦА СВОЕГО» (1980, № 5)

Прочитала письма Николая Николаевича Данилова. Его отец сражался в 117-й стрелковой дивизии. Случайно мне в руки попал «Человек и закон» (1975, № 4). Там рассказывается о Е. С. Хорькове — председателе Режевского городского народного суда. Он тоже сражался в рядах 117-й стрелковой дивизии.

Николай Николаевич! Может быть, Е. С. Хорьков знал вашего отца или хотя бы слышал о нем? Я буду рада, если мое письмо поможет вам.

Л. ИВАНОВА

г. Куйбышев

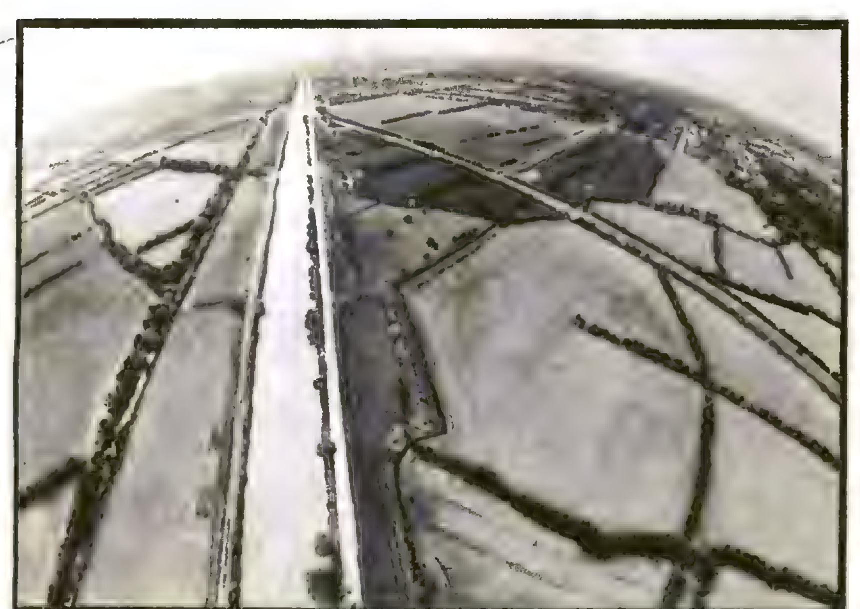
Батриден — новый высокоэффективный препарат, созданный коллективом центра по пересадке почек при Ташкентском государственном медицинском институте. Узбекские ученые продолжают поиски путей приживания пересаженных органов. На снимке — в послеоперационном боксе повышенной стерильности идет наблюдение за работой пересаженной почки.

ОБНОВЛЕННАЯ ЗЕМЛЯ

ГОРИЗОНТЫ НАУКИ

С. ГУЩЕВ,
специальный корреспондент журнала «Наука и религия»

Слева — поля колхоза «Победа» Андижанской области, орошенные водами Большого Ферганского канала.

В архиве фотокорреспондента М. Альперта хранится снимок, сделанный в 1939 году на строительстве этого канала.

Фотохроника ТАСС.

Улица Гоголя, 70

По сравнению с ультрасовременными зданиями из бетона и стекла, украшающими обновленный центр Ташкента, дом № 70 по улице Гоголя кажется старомодным и невозмутимо солидным. С первого взгляда можно подумать, что жизнь в нем течет, следуя раз и навсегда установленному правилу, не слишком медленно, но и никуда не торопясь, обратившись не столько к внешним быстротекущим событиям, сколько к себе самой. Нет ничего обманчивее этого впечатления! Здесь она кипит, напряженно и ровно пульсирует в такт с жизнью Ташкента, Узбекистана, всей страны и с событиями связана живой, нерасторжимой связью — связью не наблюдателя и не очевидца, а участника и творца.

В доме № 70 по улице Гоголя — Президиум Академии наук Узбекистана.

— Прежде чем рассказать о сегодняшнем дне узбекской науки и о наших планах, я хочу бросить хотя бы мимолетный взгляд в прошлое, — говорит президент академии Абид Садыкович Садыков. — Шестьдесят с лишним лет назад, до семнадцатого года, грамоту у нас знали только два процента населения. Трудно себе представить, какое было невежество, какая нищета. — Садыков вспоминает, как он, сын многодетного сапожника, будучи уже студентом первого в Средней Азии университета, созданного по инициативе Ленина, ходил на занятия босиком: такая была бедность. — Борьба с бедностью и борьба с невежеством была одной, общей борьбой, — продолжает он. — Было время, и мое поколение помнит его хорошо, когда мы гордились каждой новой школой. Теперь в республике тысячи школ, двести средних специальных учебных заведений, больше сорока вузов, в том числе три университета. На каждые десять тысяч населения — 175 студентов высших учебных заведений и учащихся техникумов. В одном Ташкентском университете учатся 19 тысяч человек. Кстати, с нынешнего учебного года там открыт еще один, пятнадцатый по счету факультет — философско-экономический.

Высокая образованность населения — вот на что опирается наша бурно развивающаяся наука, — говорит Садыков. — Наука Узбекистана — это прежде всего 80 тысяч квалифицированных специалистов, работающих в двухстах институтах и лабораториях и ведущих самые разнообразные исследования — от чисто теоретических до сугубо прикладных. Область прикладных исследований расширяется с каждым днем. В республике ведь полторы тысячи крупных современных предприятий, где производство идет рука об руку с наукой. Мы выпускаем и самолеты, и электронную аппаратуру, и тракторы, мы добываем нефть, газ, уголь, золото, цинк, вольфрам... Разве тут обойдешься без науки, без квалифицированных, знающих людей!

Опираясь на этих людей, на наши молодые кадры, мы смогли в десятой пятилетке прибавить к уже существовавшим академическим институтам еще четыре новых — микробиологии, биоорганической химии, физиологии, рукописей. Получили статус НИИ отдел теплофизики, отдел химии полимеров, Совет по изучению производительных сил, вычислительный центр Каракалпакского филиала Академии. А в одиннадцатой пятилетке хотим создать институты водных проблем, машиноведения, горной металлургии. Потребность назрела... Эти потребности, как назревшие, так и еще только зарождающиеся, учитывает разработанная для республики «Комплексная программа научно-технического прогресса и его социально-экономических последствий на перспективу до 2000-го года»...

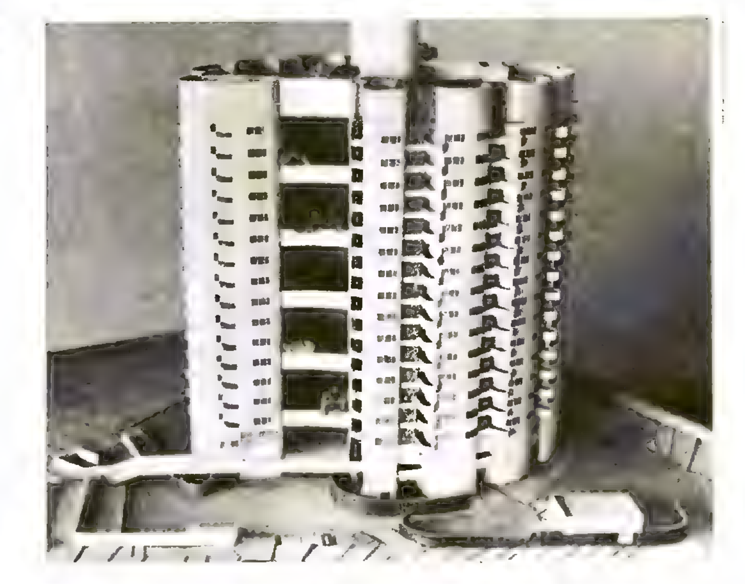
Академия ведет исследования в пятидесяти проблемных направлениях. По многим из них узбекская наука уже выходит на мировой уровень. Это активационный анализ, акустическая спектроскопия и акустические методы исследования теплофизических свойств веществ, это взаимодействие атомных частиц с поверхностью твердого тела и образование частиц в так называемых адронядерных соударениях, это химия алкалоидов (открытия, сделанные ташкентской школой химиков, высоко ценят ученые всего мира) и, конечно, генетика и селекция хлопчатника.

Союз труда и науки

Хлопок есть хлопок — это знают все. Ради него синтезируются все новые и новые средства борьбы с вредителями и болезнями растений, выпускаются особо эффективные удобрения. Двадцать новых сортов хлопчатника разработаны в Институте экспериментальной биологии растений. Многие страны могут позавидовать республике «белого золота»: за рубежом рекорды урожайности не превышают 40 центнеров с гектара, а в Узбекистане многие совхозы и колхозы собирают по 50 и более центнеров. В первый год десятой пятилетки республика дала 5,3 миллиона тонн хлопка. А к концу пятилетки ежегодный сбор хлопка-сырца поднялся до 6 миллионов 200 тысяч тонн. 34 тысячи хлопкоуборочных комбайнов работало в 1980 году на полях республики, 63 процента урожая было собрано машинами. Вот он, союз труда и науки, о котором мечтал Ленин, результат умелого сочетания достижений научно-технической революции с преимуществами социализма.

Ключ к ускорению научно-технического прогресса — быстрое и массовое внедрение новинок. В том же хлопководстве использование новых сортов хлопчатника группы «Ташкент» дает ежегодную экономию в 300 миллионов рублей. А всего за последние годы ученые Академии создали и помогли внедрить более 350 новинок, принесших свыше миллиарда рублей. Наша беседа с Садыковым возвращается к теме связи науки с производством: президент рассказывает о стратегии и тактике внедрения новинок, об эффективности такой формы, как научно-производственные объединения, об НПО по садоводству, виноградарству и виноделию, об НПО «Кибернетика», которое становится базой для создания республиканской АСУ — автоматизированной системы управления. Первая очередь АСУ уже действует.

Технические и точные науки переживают бурный расцвет. А как обстоит дело с науками гуманитарными, общественными? Они в таком же стремительном развитии. Садыков приводит в пример Институт востоковедения имени Бируни. Это один из ведущих в СССР, да и в мире центров по исследованию и публикации памятников истории, науки и культуры народов Средней Азии и сопредельных стран Востока. Недавно в своих трудах сотрудники института дали всестороннюю характеристику экономических, политических и культурных связей Средней Азии, стран Ближнего и Среднего Востока, Индостанского полуострова, провели комплексный анализ аграрного вопроса и крестьянского движения в Пакистане... Еще пример — Институт экономики, где разработан комплексный план социально-экономического развития Ташкента и созданы научно-методические основы наилучшего формирования хлопковых комплексов.

Вы видите макет нового ташкентского жилого дома, спроектированного с учетом сейсмической опасности. 16-этажный дом на проспекте Ленина, состоящий из двух связанных между собой башен овального сечения, будет не выстроен, не смонтирован, а отлит. Такая технология ускорит строительные работы и защитит здание от подземных толчков. Авторы проекта — ташкентские архитекторы О. Айдинова и П. Левин.

Бело-розовый город

Узбекистан — это 87 городов, это тысячи поселков и кишлаков. И чтобы увидеть своими глазами результаты связи науки с производством, можно отправиться в любой. Министр энергетики и электрификации Азиз Хакимович Хамидов советует поехать в Карши, центр Кашкадарьинской области. Веками в безводной Каршинской степи, примыкающей к Туркмении и граничащей с Афганистаном, не было ничего, кроме колючек да редких глиняных халуп. Теперь

степь преображается. Министр рассказывает о грандиозном плане орошения, об освоении еще одного массива целины. Миллион гектаров! Эта обновленная земля должна давать ежегодно два миллиона тонн хлопка. Но сначала нужно подумать о людях, которые приедут сюда, создать им все условия для жизни, современные, комфортабельные условия. Новичку непривычен термин «строительство орошаемых земель». А ведь это именно строительство — тщательно распланированное, научно обоснованное, ведущееся самыми передовыми методами. И первая очередь этой всенародной стройки уже готова. Уже пошел каршинский хлопок: годовой план — 600 тысяч тонн хлопка-сырца.

...Як-40 мягко приземляется и подруливает к новенькому аэровокзалу. Спутника моего, директора республиканского предприятия «Энергоналадка» Майнтдина Нишановича Пирмухамедова ждет его ученик, тоже энергетик, Хамид Фазиевич Гайбуллаев. Ныне он заместитель председателя Кашкадарьинского облисполкома. Учитель и ученик быстро договариваются о делах, о том, где нужно побывать, с кем повидаться, какие проблемы обсудить. Обещают взять с собой и меня. «Но сначала полюбуйтесь нашим Карши...»

Карши удивительно красив. Отличный современный город, светлый, нарядный, одетый в бело-розовый мрамор, утопающий в розах, на которых дрожат и переливаются разлетающиеся брызги фонтанных струй. Всюду ощущается тщательность работы архитекторов и строителей и особое, любовное отношение жителей к своему новому городу. У сверкающего «Икаруса» слышится чужеземная речь: туристы из Англии... Сотни километров только что построенных дорог пересекают Кашкадарьинскую область. По этим дорогам можно быстро добраться до любого из 32 новых совхозов — хлопководческих, животноводческих, виноградарских, до оживленного Китаба, Гузара, Шахрисабса, до Талимарджана, сердца всей оросительной системы.

Река, текущая вверх

Талимарджан расположен на плоскогорье. Амударья, дающая ему воду, далеко — за сто километров. Воду пришлось гнать в гору, поднимать на 132 метра вверх. Нетрудно представить себе бурную стокилометровую речку с каскадом из шести ГЭС, где вода крутит турбины, дает электроэнергию. Трудней представить, а тем более соорудить нечто прямо противоположное: такую же реку, текущую вспять. Вместо шести ГЭС — шесть мощных насосных станций, потребляющих уйму энергии, едва ли не тысячную долю всей электроэнергии, вырабатываемой в стране. И это только первая очередь! Энергия пришла по высоковольтным линиям электропередач за сотни километров — из Среднеазиатского энергетического кольца, этого своеобразного «банка взаимопомощи» четырех республик. Крупнейшим его вкладчиком стал Таджикистан со своей знаменитой Нурекской ГЭС на реке Вахше. Каршинская целина, впрочем, не собирается оставаться в долгу: уже закладывается фундамент Талимарджанской ГРЭС мощностью 3,2 миллиона киловатт. ГРЭС будет работать на богатых запасах местного природного газа.

А пока, беря энергию «взаймы», насосы качают воду в Талимарджанское море — крупнейшее из всех водохранилищ республики. Чтобы создать его, пришлось отгородить сухую, мертвую долину плотиной высотой 28 метров. Мы проехали по плотине целых 12 километров! За этим неприступным валом будет накапливаться два миллиарда кубометров живительной влаги. Отсюда по всей Каршинской степи вода будет расходиться самотеком.

Но самотеком не значит самовольно, когда и как придется: идет бурное строительство, прокладка путей для воды. Оросительная сеть первой очереди — почти семь тысяч километров. Протяженность закрытых дрен — около восьми тысяч. Сколько же труда и средств вкладывается во все это, сколько изобретательности и таланта!

— Канал от Амударьи проложили в 1973 году, — рассказывает Гайбуллаев. — В 1986 году чистый доход от этих земель превысит сумму капиталовложений. А еще через десять лет завершится полное освоение края. Помните эпопею с Голодной степью? Там 160 тысяч гектаров осваивали целых двадцать лет. А здесь такую же площадь ввели в действие всего за восемь лет. Темпы теперь втрое выше тогдашних, а скоро будут вчетверо выше. Ничего удивительного — накоплен богатый опыт, в руках — могучая техника.

Возможности и перспективы

Насосная, как уже говорилось, та же ГЭС, только «наизнанку». До 40 кубометров воды в секунду качает каждый насос, приводимый во вращение электродвигателем мощностью 12,5 тысячи киловатт. Года через два-три на сооружениях второй очереди появятся двигатели вдвое мощнее и тогда каждый насос будет подавать в секунду свыше 70 кубометров воды.

— То, что укрупнение единичной мощности агрегатов экономически выгодно, стало уже азбучной истиной, — говорит Иван Кондратьевич Д у д е н к о, директор Управления эксплуатации Каршинского магистрального канала и насосных станций.— Но дело не только в этом. Это укрупнение соответствует нашим задачам, нашим перспективам, близким и далеким. Вторая очередь получит двигатели на 24 тысячи киловатт, но на уральском «Электротяжмаше» уже подумывают о двигателях на 99 тысяч киловатт. Каждая такая машина сможет качать до двухсот кубометров в секунду. Не успеем оглянуться, как нам понадобятся такие двигатели: ведь планируется повернуть часть стока сибирских рек к нам в Среднюю Азию. К этому готовиться надо заранее. Поэтому мы и смотрим на Каршинскую систему не просто как на предприятие, а как на своего рода исследовательский полигон, где проходят проверку все новые технические идеи.

Сейчас работу всего каскада из шести насосных станций помогает координировать обычная телемеханика, — продолжает Дуденко.— Но с вводом в строй второй очереди ее уже будет недостаточно. Нужна будет более надежная и оперативная система управления. В Ташкенте уже создают для нее вычислительную машину. Когда АСУ войдет в строй, появится возможность устанавливать наивыгоднейшие режимы работы сразу для всех станций. Этот опыт пригодится потом для тех станций-исполинов, что будут качать воду из Иртыша в Узбекистан...

На обратном пути мы постояли на 28-метровой плотине Талимарджанского моря. Через шесть широченных труб в него с оглушительным ревом врывалась вода, а где-то там, за горизонтом, перед ней расступались степные берега. Ветерок гнал по волнам белокрылые яхты. Полуметровые серебристые рыбины, резвясь, словно дельфины, выпрыгивали из водоворотов. Водохранилище не успело родиться, а они уже чувствуют себя здесь как дома.

Наследники Улугбека

В старинном Китабе, уютном районном центре, кроме специалистов, занятых сугубо земными делами, есть и такие, чья обязанность — смотреть в небо. Каждую ночь, от заката до восхода, разбившись на три смены, эти наследники звездочетов пристально наблюдают в телескопы за движением светил и о результатах своих наблюдений регулярно сообщают в Токио.

Вы видели, как покачивается при вращении волчок? Нечто подобное происходит и с земным шаром. Чуть-чуть «гуляет» ось планеты, и Северный полюс описывает то сходящуюся, то раскручивающуюся спираль. Спираль эта пока не выходит за пределы квадрата со стороной 25 метров, но упускать из виду полюс все равно нельзя ни на минуту. Все было бы проще, если бы планета наша была по своей структуре так же проста, как волчок. Но земная кора «плавает» на некой таинственной магме, а материки, хоть и медленно, «дрейфуют», то расходясь, то сближаясь. И географическая широта любого места постоянна только в школьных учебниках.

Следить за этими изменениями можно, только «опираясь» на звезды. А для большей точности хорошо бы наблюдать за одним и тем же светилом одновременно из Европы, Азии и Америки, причем желательно с одной и той же широты. Для этого и выбрана была еще в 1899 году северная параллель 39°08′. Начала работать международная служба широты, объединяющая ныне пять станций. Одна из них — у нас в СССР, в Китабе. Центральное бюро службы сейчас находится в Японии, вот почему астрономические депеши отсылаются именно туда.

Наблюдения китабских астрономов пополняют арсенал фундаментальных наук, а также могут служить подспорьем для навигации — для летчиков, моряков, космонавтов. 14 ноября 1980 года на Китабской широтной станции имени Улугбека, являющейся филиалом Астрономического института АН УзССР, было высажено пятьдесят молодых дубков. Так станция отметила свое пятидесятилетие. Поздравительных телеграмм было много — со всего света...

«Per aspera ad astra». Сквозь тернии — к звездам! Здесь этот древний афоризм воспринимается почти буквально. Колючую Каршинскую степь труженики республики поистине поднимают на звездную высоту, к вершинам счастливой жизни, полной славных подвигов и великих свершений.

ОДНОЙ ИНИЦИАТИВЫ МАЛО

А. КОРИНА,
специальный корреспондент журнала «Наука и религия»

● Мценский металлургический техникум готовит металлургов, строителей и бухгалтеров. Приезжают сюда учиться ребята из всех окрестных деревень. На заводе вторичных цветных металлов работают 1800 выпускников техникума, есть они и на других предприятиях. Его выпускники зарекомендовали себя знающими работниками.

...Вместе с Юрием Антоновичем Гусаковым, директором техникума, иду по длинным его коридорам:

— Здесь ребята не только учатся, но и живут. Поэтому мы стремимся создать им нормальные условия и для учебы, и для послеурочных занятий, и для отдыха...

Это у нас лекционный зал, здесь же и фильмы показывают... А вот — химический кабинет... В этой комнате мы собираемся создать музей, а пока здесь разместился кабинет технического творчества...

Потом мы пошли в общежитие — предмет особых забот и гордости директора: светлые комнаты, просторная столовая, кухня. Душевые, комната отдыха... Мне вдруг вспомнились грустные слова директора школы из кинофильма «Доживем до понедельника» о том, что он превратился в хозяйственника. Но Гусаков, по-моему, не тяготится этим.

Наша экскурсия длилась долго: директора то и дело останавливали преподаватели, ученики — о чем-то договаривались, что-то выясняли. Сейчас, думая об этих мимолетных встречах, я понимаю: Юрия Антоновича преподаватели и ребята любят.

— В стенах техникума, — продолжает он, — ребята проводят четыре очень важных года. Ведь это время интенсивного духовного роста. Приходят они сюда 15-летними — возраст, когда идет активный поиск своего «я», и не только профессионального. И мы, педагоги, просто обязаны помочь подростку определить свою жизненную позицию, безошибочно выбрать одну из тысячи дорог.

Преподавателей металлургического хорошо знают в Мценском районе. Вместе со своими учениками они не раз ездили в колхоз имени Я. М. Свердлова, в совхозы «Алябьевский», имени И. С. Тургенева, в села Карандаково, Фарафоново и другие. Преподаватель химии Лидия Сергеевна Портненко, секретарь парторганизации Нинель Леонидовна Дорохова, историк Эмма Александровна Гордеева и еще несколько их коллег — самая активная в городе группа пропагандистов.

15 лет техникуму, и 10 из них существует здесь группа пропагандистов по атеизму. Преподаватели создали ее после того, как два года проучились на факультете научного атеизма университета марксизма-ленинизма при горкоме партии. Полученные знания решили применить на практике. Разработали темы — кого что больше интересовало, составили план лекций, стали выступать. Сначала получалось неважно, наверное, потому что не хватало опыта. Но в то же время понимали, что работа нужная и важная. Потом дела пошли лучше, особенно когда лекции стали насыщать местным материалом.

Однако основной была работа в самом техникуме. Взять, к примеру, химический кружок, который раньше вела Портненко, а сейчас другой преподаватель — Людмила Ивановна Макарова.

— Поначалу мы только ставили химические опыты, — говорит она, — а потом повели разговор об истоках суеверий — тема, ребятам очень близкая. Вот Юра Иванков пришел как-то к нам, к кружковцам, заинтересовался. А однажды заглянул и в кружок атеизма — понравилось. Стал приходить регулярно. С нашей помощью подготовил доклад о суевериях, выступил с ним в общежитии. Неожиданно для всех обнаружил задатки лектора. Рассказывал живо, с юмором. Ребята смеялись, особенно девочки. А ведь, в общем-то, над собой. Слишком уж верят они приметам: и монетки кладут под пятку, и с кошками черными не в ладах... Такие же выступления подготовили Галя Шепелева, Люда Шишлова...

Есть в техникуме и факультатив научного атеизма. Ведет его преподаватель химии Людмила Ивановна Макарова. Организован здесь и университет общественных профессий с факультетом научного атеизма, где читают лекции, проводят интересные беседы, дискуссии, смотрят кинофильмы на атеистическую тему. Например, библиотекарь А. З. Головина организовала интересное обсуждение по теме «Лев Толстой и религия». Врач техникума Нелли Алексеевна Никонова выступила перед учащимися с рассказом «Научная медицина и знахарство», который тоже всем понравился. И уже следующее выступление она готовила и проводила вместе с Людмилой Семеновой, учащейся третьего курса.

И так изо дня в день — основные предметы, производственная практика, вечера вопросов и ответов, устные журналы, кинофильмы, конкурсы на лучший рисунок... Кроме того, выступления на предприятиях, поездки по селам. Согласитесь, трудная работа, во всех отношениях трудная. А им — Портненко, Дороховой, Макаровой, Гордеевой и новой преподавательнице обществоведения Галине Михайловне Шевелевой, которая тоже активно вошла в эту группу, — нравится, работают они увлеченно.

Но, к сожалению, держится все тут исключительно на их энтузиазме. Да и, по сути дела, они «варятся в собственном соку»: советуются друг с другом, читают — что успеют или смогут достать. До сих пор с благодарностью вспоминают учебу в университете при горкоме партии. А ведь когда это было, сколько лет назад?!

При горкоме партии, например, семинары организуются сейчас сравнительно регулярно. Это хорошо. Ну, а более широкого масштаба — областной, скажем? Когда они последний раз там были — в Орле? И не припомнишь. А работа на селе! Как бывает иногда: педагоги и ребята готовятся к поездке, а там их не ждет никто. Потому что мало все-таки одной только инициативы, нужно, чтобы важность их приезда понимали еще и на местах.

Вот так живут в маленьком городе Мценске увлеченные, инициативные люди. У них те же проблемы, что и в больших городах, только возможностей меньше. Но они не хотят работать со скидкой на «провинциальность». И правильно. А почему, собственно, им отставать? Но вот помочь им нужно.

ДОБРАЯ МИССИЯ

Л. ШАЙДУЛЛИНА,
кандидат исторических наук,
доцент Казанского университета

Главное здание Казанского университета им. В. И. Ульянова-Ленина.

Каждый год Казанский университет дает стране около 2000 специалистов различного профиля. Несомненно, университет обязан хорошо подготовить их к труду. Но этого недостаточно. Они должны быть еще и активными идеологическими работниками.

Мой многолетний преподавательский опыт убеждает: изучение общественных — социальных, исторических и других гуманитарных дисциплин содержит большие возможности для подготовки студентов к пропагандистской работе вообще, к пропаганде научного атеизма в частности. Поделюсь некоторыми своими соображениями по этому поводу.

На историческом факультете мы готовим в основном преподавателей истории и обществоведения. Большое место отведено в программе истории Востока с древнейших времен до современности, что для нашей республики имеет особое значение. В прошлом это был один из районов традиционного распространения ислама, и атеистическое воспитание требует здесь хорошего знания истории и особенностей этой религии.

Студенты узнают, как возник ислам, каким образом распространился на огромной территории, как проходила его эволюция и т. д. Мы обращаем внимание студентов на то, что народные восстания в феодальном обществе, нередко в новое и новейшее время проходили под лозунгами ислама, и объясняем, почему эти лозунги способны были поднять массы на борьбу против угнетателей. История помогает понять смысл и тенденции многих сегодняшних движений в мусульманском мире. Знакомим мы студентов также и с деятельностью мусульманских реформаторов XIX века Мухаммеда Абдо, Джамаль ад-Дина Афгани.

К сожалению, в программе новейшей истории для университетов не предусмотрены специальные темы, освещающие идеологические процессы на Востоке, роль ислама и других религиозных систем в современной общественно-политической жизни восточных стран. Но как исламовед я сознаю, что уделить этому внимание совершенно необходимо. Читаю специальную лекцию о современном исламе, в практические занятия включаю тему «Идеологическая борьба на современном этапе в странах Азии и Африки». На этих занятиях мы обсуждаем проблемы национализма, панафриканизма, знакомимся с теориями социализмов национального типа и, конечно, анализируем ту роль, какую играют ислам, буддизм, индуизм в современных социальных процессах.

В учебниках не рассматриваются вопросы, связанные с ролью религии в общественно-политической жизни афроазиатских стран, а между тем изучение данных вопросов представляет не только академический интерес. Без знания этих проблем выпускники университета не смогут не только вести пропагандистскую работу, но и полноценно преподавать свой предмет в школе.

У наших студентов популярен спецкурс «Ислам и его социальная сущность», включающий темы: «Происхождение ислама», «Научный анализ Корана», «Мусульманское право», «Мусульманское сектантство», «Ислам и женщина», «Ислам и наука», «Арабо-мусульманская культура», «Причины живучести религиозных пережитков и борьба с ними» и др. Кроме того, читаются лекции по историографии: об изучении ислама в дореволюционном востоковедении, о состоянии его исследований на современном этапе в СССР и за рубежом. Спецкурс тоже вызывает интерес у слушателей, многие из них самостоятельно изучают те или иные проблемы, пишут курсовые и дипломные работы, выступают с докладами на студенческих научных конференциях.

Отрадно, что многие наши выпускники не только активно пропагандируют атеизм, но и продолжают свое образование в вечерних университетах марксизма-ленинизма. Так, наш выпускник учитель А. Сафиуллин читает лекции по критике ислама в университете научного атеизма в г. Агрызе; Р. Каюмов, тоже педагог, — в числе лучших пропагандистов атеизма Лениногорска. И таких примеров немало.

Вспоминается такой случай. Один наш выпускник после окончания университета был на комсомольской работе в армии. Однажды, заменяя командира, он послал новобранца в хозяйственное подразделение с заданием накормить свиней. Однако солдат, обычно такой исполнительный, на этот раз наотрез отказался. Как командир он сказал, что приказ есть приказ, его надо выполнять, и занялся другими делами, но странное поведение солдата не выходило из головы. Вдруг его осенила мысль: наверное, он из верующей семьи и воспитан в уважении к мусульманским ритуальным запретам. Пошел проверить, как он выполняет задание. Парень стоял, прислонясь к стене и закрыв лицо ладонями. Пришлось отменить приказ.

Но нельзя было забывать этого. Он решил поработать с солдатом индивидуально. В беседе проявил хорошее знание ислама, его обычаев, ритуалов, и это расположило солдата к старшему товарищу. Наш выпускник рассказывал ему о происхождении различных обрядов и установлений ислама, о том, что условия, породившие религиозные запреты, давным-давно ушли в прошлое. Много говорили о чувстве долга, об отношении к обществу, к воинским обязанностям. Прошло какое-то время, и солдат сам вызвался выполнить тот первый приказ...

Хотя гуманитарные дисциплины — благодатный материал для формирования у студентов подлинно научного мировоззрения, идейной убежденности, они, к сожалению, далеко не всегда способствуют воспитанию активных пропагандистов научного атеизма. Здесь, по моему убеждению, могло бы сыграть большую роль включение специальных тем в профилирующие дисциплины, но более всего — глубокое изучение истории науки и культуры восточных народов, творчества таких мудрецов Востока, как Фараби, аль-Кинди, Бируни, Ибн Сина и других. Идеи просветительства чрезвычайно живы в психологии восточных народов, а просветительство часто было спутником стихийного материализма восточных мыслителей. Словом, история культуры восточных народов должна стать предметом серьезного разговора преподавателя со студентами.

Многие наши выпускники ведут большую воспитательную работу на селе — читают лекции, особенно для молодежи, женщин. Ни одно большое или маленькое культурное мероприятие не обходится без их участия. Но бывает, что некоторые остаются равнодушными в тех случаях, когда их ученики участвуют в мусульманских праздниках и обрядах. По моему мнению, педагог обязательно должен разъяснять родителям своих учеников, в чем смысл этих религиозных праздников и обрядов.

Во время своих поездок по районам я убеждалась, что многие выпускники университета порой неправильно понимают, что такое уважение к старшим, верность национальным традициям. Да, видимо, мало в процессе учебы мы уделяем внимания проблеме национального и его соотношения с религиозным, не помогаем студентам выработать здесь правильные критерии, нравственные оценки. Есть над чем подумать...

Много проблем у тех, кто готовит молодежь к самостоятельной жизни. Именно в вузе должны студенты получить запас негаснущей духовной энергии, знаний и убежденности, чтобы затем нести их в массы, стараясь дойти до каждого человека в отдельности, как того требует постановление ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы».

г. Казань

УРОКИ ЖИЗНИ

Р. МУРАТОВ,
рабочий

Все в нашем селе Атзитарово уважают Исмагила Хафизовича Фазылова. Еще недавно преподавал он в школе, сейчас пенсионер, но ни он сам, ни односельчане не воспринимают этого нового его звания. Что за пенсионер, если его дома редко увидишь — всегда среди людей, кому-то помогает, с кем-то беседует, почти каждый вечер читает лекции.

Зашел я к нему домой, а он как раз готовился к очередному выступлению. Уверив его, что не тороплюсь и могу подождать, пока он освободится, я стал знакомиться с домашней библиотекой Исмагила Хафизовича — всегда интересно, какие книги человек держит дома. Тут было много книг русской, советской и зарубежной классики, прославленных поэтов Востока. На отдельной полке была собрана атеистическая литература. Чувствовалось, что хозяин давно и внимательно следит за всеми ее новинками. И среди атеистических книг увидел я том в кожаном переплете — «Коран». Исмагил Хафизович заметил, что я задержал на нем свое внимание, и сказал, улыбнувшись:

— Это одно из главных моих пособий

в атеистической работе. Какой из меня пропагандист был бы, не знай я Корана?

И неожиданно звонким, мелодичным голосом он стал произносить по-арабски стихи, а затем пояснил:

— Я хорошо знаю Коран. Все мое детство ушло на его заучивание. Долго я считал его последней истиной, руководством во всех делах... Но два события заставили меня крепко задуматься, они и послужили тому, что мировоззрение мое изменилось...

Я попросил Исмагила Хафизовича рассказать об этом. Он согласился. Но говорить стал не сразу. Глаза погрустнели, у рта обозначилась горькая складка. Невесело, видно, было это вспоминать. Он начал медленно, тихо, будто разглядывая далекое свое детство.

— Мои родители по убеждениям были далеки от религии. Но бабушка и слышать не хотела, чтобы ее единственный, «вымоленный» внук вырос безбожником. У отца и матери было семь дочерей, а сын все не рождался, и бабушка считала, что это им наказание за неверие. Меня же, говорила бабушка, она «вымолила» у Аллаха, поэтому сама и займется моим воспитанием. «Все ваши беды оттого, что не признаете бога, — выговаривала она родителям. — У людей, вон, и хлеб и скот свой, а у нас — беда за бедой!»

А беды и вправду сыпались на нас. На самом исходе долгой зимы пала наша кормилица — корова. Не успели мы оправиться от этого, как новое несчастье: перед самой пахотой медведь единственную лошадь задрал. С горя мать надолго слегла, а отец поседел. Тогда для бедной крестьянской семьи лишиться разом и тягла и коровы значило пойти по миру. «Плохо жить без бога, — шепчет мне бабка в перерывах между молитвами. — На кого теперь опереться? На кого надеяться? На людей? И думать нечего. Только один Аллах — опора и защита. В его руках и жизнь и смерть наша!»

Ее уверенность во всемогуществе бога глубоко западала мне в душу, согревала надеждой. «Сотворим молитву, ягненок мой, нашему спасителю и заступнику, — наставляла меня она. — Бог милостив, авось, и простит грехи нам, и вернет то, чего сегодня нас лишил. К тому же ты еще младенец и чист душой и телом перед богом. Твои молитвы быстрей дойдут до всевышнего!»

И вот я впервые молюсь — робко, неумело. «Чем старательнее молишься, — приговаривала бабка, — тем лучше. Ибо Аллах все видит, все слышит».

С этого дня я молюсь вместе с бабушкой. В течение дня пять раз совершаем с нею намаз. А кроме того — молитвы перед едой, после еды, перед сном и после сна.

В редкие минуты, свободные от обращений к Аллаху, бабушка рассказывает о судном дне, о загробной жизни, о том, кому уготовано на том свете райское блаженство, а кому — адские муки за грехи. Она не жалеет красок, рисуя картины ада, и страх, порожденный этими рассказами, потом долгие годы преследовал меня. Помню, что в детстве боялся и сторонился людей, которые, как мне казалось, недостаточно почитали бога. «Чем дальше от людей, тем ближе к Аллаху» — я свято придерживался этого бабушкиного наставления.

Бабушка была довольна и расхваливала при случае соседкам мое усердие в молитвах.

Между тем в нашей жизни ничего не менялось. По-прежнему отец, не разгибая спины, с утра до ночи работал на богатеев за мерку хлеба. И по-прежнему мы голодали, болела мама.

Иногда я позволял себе обратиться к Аллаху с вопросом: «За какие грехи, великий, ты нас так мучаешь? Неужели я еще не все тебе отмолил?»

Трудно сказать, сколько бы длилось для меня это божье испытание, если бы не подружился я с кузнецом Александром — единственным иноверцем в нашем селе. Мне, слабому мальчишке, очень нравился этот сильный, веселый работник, добрый и приветливый. Он всегда был занят делом, в свободное от кузницы время плел из прутьев лукошки, корзины. В каждом доме в нашем селе было что-то сделанное его руками. Он и меня стал учить ремеслу. «Очень ты способный малый! — говорил Александр, когда я приходил к нему и пробовал делать из прутьев простенькие вещицы. — Занимался бы всерьез, вышел бы из тебя хороший мастер. И отцу твоему была бы помощь. А то, бедный, никак из нужды не выбьется». Надо сказать, что бегал я к нему тайком от бабушки. «Дружба с неверным — это великий грех», — твердила она, ссылаясь на Коран, ибо там сказано, что нельзя брать в друзья неверных...

Я верил бабушке, верил в святость Корана. Но поделать с собой ничего не мог. Невозможно было отказаться от дружбы с Александром. Как радостно было, что благодаря ему руки мои становятся умелыми, я уже кое-что мог сплести из прутьев не хуже его. Я теперь мечтал помогать отцу не только молитвами.

Александр никогда не заводил со мной речи о религии. Словно сговорившись, мы вообще не касались этой темы. Прошло еще два года. Я, как и прежде, чтил Коран, верил в Аллаха, но в моих молитвах уже не было прежнего рвения, да и радости от исполненного долга после намазов я уже не испытывал. Простые разговоры с Александром о труде, о земных делах, о друзьях, о природе нравились мне куда больше бабушкиных рассказов о рае и аде. Во мне происходила какая-то перемена.

Как-то ранней весной, когда на реке только сошел лед, с гор обрушились водопады. Вода поднималась катастрофически. Нижнюю улицу могло затопить. Тамошние жители поспешно покидали дома, захватив кое-какой скарб, уводили скот. И вот случилось страшное. С грохотом прорвав дамбу, поток воды хлынул на улицу, одна женщина, спешно покидая жилище, упала и выронила из рук ребенка. Малыша понес поток. Мать бросилась за ним, схватила. Она как-то держалась на воде, но, видно, силы ее были на исходе.

На берегу были женщины с детьми да старики, мужчины работали в поле. Как спасать несчастных? Лодки ни у кого не было, а лодка муллы Тулумбая покачивалась на волнах под пудовым замком. К счастью, тут появился сам Тулумбай. Все бросились к нему. «Лодку? — переспросил хазрет. — Что вы, спятили? Хотите и лодку погубить и себя?» «Хазрет, ведь люди погибнут». Он и слушать не хотел: «Аллах захочет — сами выберутся, нет — значит, богу так угодно. На все воля Аллаха!» Сказал и удалился.

Я был потрясен услышанным, ведь это был самый почитаемый в селе человек. В полной растерянности стоял я на берегу ревущего потока, в который превратилась Нижняя улица. Но тут я увидел: с Верхней улицы, сбрасывая на ходу фартук и рубашку, бежал Александр. Не раздумывая, бросился он в воду. Разрезая грудью мутный поток, кузнец подплыл к уже выбившейся из сил женщине, взял у нее ребенка, добрался до берега и, передав малыша стоящим здесь людям, бросился спасать мать. Это произошло быстро, никто и опомниться не успел. Все хлопотали вокруг спасенных, а Александр незаметно ушел домой.

Конечно, я еще молился после этого Аллаху, но без всякого убеждения, както механически, а скоро и вовсе перестал. Дружбы с Александром я уже не боялся. И даже бабушка не осудила меня, когда я сказал ей однажды, что иду к нему в мастерскую. Религиозная вера ушла из моей жизни.

А еще позже, когда уже стал учителем, я понял, что мало самому избавиться от неверных представлений о мире. Если считаешь свои убеждения правильными, надо передать их и другим. Один из моих учеников едва не умер от заражения крови после обряда обрезания. Родители не хотели показывать его врачам-иноверцам, а доверили ребенка «воле Аллаха». Потом одумались, родительская любовь превозмогла предрассудок. Вот после этого случая я и провел первую беседу с родителями моих учеников о том, что значит истинная верность национальным традициям и обычаям. Я задавал им много вопросов, тщательно продуманных, слушал, что они отвечают, хотел лучше узнать их мысли о том или ином обычае, явлении. Потом уж рассказывал об этом сам, приглашая моих слушателей поразмышлять. С тех пор я беседую с людьми о религии и стараюсь помочь им прийти к истине. Сначала односельчане спрашивали меня, когда следующая лекция, о чем я собираюсь рассказать, потом сами стали темы подсказывать.

Конечно, я понимаю, что переубедить верующего не смогут даже десятки лекций и атеистических вечеров. Но если они заставят задуматься, вызовут сомнение в вере — это уже начало пути к истине. Главное, без чего невозможна работа с верующими, — это такт, терпение, уважение к личности. Сейчас, в наше время, пропагандистам атеизма помогает в их работе весь наш образ жизни.

г. Стерлитамак
Башкирской АССР

Информация, хроника

Издательство «Художник РСФСР» выпустило фотоальбом «К обществу, свободному от религии». Он станет хорошим помощником лекторам и организаторам атеистической работы при проведении лекций, бесед, выставок.

●

В городе Новочеркасске Ростовской области успешно ведет работу двухгодичная школа организаторов атеистической пропаганды. Перед слушателями выступают партийные работники, ученые, лекторы местного планетария.

И СТАЛА В ИХ ШЕРЕНГУ

Н. АЛЬТОНСКАЯ,
учительница

Замерли в почетном карауле у портрета Лизы Чайкиной лучшие пионеры дружины. Восхищенно смотрят на них третьеклассники: скоро и они будут носить красный галстук. Из строя шестиклассников выходит девочка и рассказывает о жизни и подвиге Героя Советского Союза Елизаветы Ивановны Чайкиной, чье имя носит пионерская дружина школы № 42 станции Прохладная Северо-Кавказской железной дороги. Она говорит так живо и интересно, будто сама знала Лизу, вместе с ней прошла дорогой ее подвига. Волнение девочки передается всем. Но есть в школьном зале, где идет торжественная линейка, человек, который волнуется больше всех, классный руководитель 6-го «Б» Раиса Ивановна Хорошилова. Слушая свою воспитанницу, она радуется: хорошо, что именно Валя выступает на этом торжественном сборе. Ведь еще недавно такое себе и представить было нельзя. Нелегкий и нескорый путь привел ее к сегодняшнему выступлению на пионерском сборе.

Трудно начиналась школьная Валина жизнь. Девочка из баптистской семьи была молчалива, держалась особняком. Всегда нахмуренное лицо, взгляд исподлобья. В третьем классе наотрез отказалась вступать в пионеры. Но училась прилежно, была пытливой и любознательной. С классом Вале, что называется, повезло — ребята дружные, трудолюбивые, активные. Летом работали в колхозе, жили интересно и весело. С большим тактом относились к девочке одноклассники и учителя, всегда были к ней внимательны и добры. Постепенно и девочку захватил поток забот и увлечений ее товарищей — они всегда предлагали ей участвовать во всех своих делах.

Чаще стала Валя появляться и в пионерской комнате. Старшая пионервожатая Ирина Владимировна Щербакова встречала ее приветливо — то покажет новую игру, то расскажет об интересной книге или посоветует прочитать в «Пионерской правде» статью. Потом начала давать ей поручения. Девочка выполняла их охотно и хорошо. А классная руководительница не упускала случая говорить с Валей по душам. Нередко после уроков Раиса Ивановна просила:

— Валя, не поможешь ли мне выставить оценки в дневники?

А когда работа подходила к концу, начиналась доверительная беседа. Бывало, разговор заходил и о жизни баптистской общины:

— А дети ходят в молитвенный дом? — спрашивает учительница у Вали.

— Конечно, — отвечает она.

— И разве им там интересно среди пожилых людей?

— Интересно.

— Почему же?

— Ну, там хорошо поют, играют на разных музыкальных инструментах.

— И дети играют?

— Да. — И добавляет: — Там всех слушают.

В ее голосе Раиса Ивановна улавливает затаенный упрек, и она делает для себя вывод: «Мы еще не ко всем внимательны. В школе немало кружков — хоровой, умелые руки, железнодорожного моделирования. А все-таки некоторые ученики выпадают из нашего поля зрения. Чем они занимаются в свободное время, какие у них увлечения?»

Беседы учительницы и ученицы помогали им лучше понять друг друга. Исчезла былая настороженность, отстраненность Вали от всех школьных дел. Теперь ее по-настоящему интересовала жизнь класса и школы. И вот в начале учебного года, когда избирали пионерский актив, кто-то из ребят предложил: «Давайте Валю выберем звеньевой!» Раиса Ивановна вздохнула: «Нельзя. Валя — не пионерка».

По склоненной голове, по сжатым рукам поняла Раиса Ивановна, как волнуется девочка.

В тот день учительница надолго задержалась после уроков, а когда выходила из школы, услышала тихий голос:

— А я вас жду, Раиса Ивановна!

— Ну что ж, пойдем домой вместе.

По дороге они заговорили о сборе. Валя откровенно призналась:

— Мне обидно, что не избрали звеньевой. Ребята хотели...

И тогда Раиса Ивановна решила сказать ей то, что раньше говорить избегала:

— Ты уже большая, Валя, и можешь решать, как тебе жить дальше. Скоро твои товарищи будут вступать в комсомол. У них будут интересные комсомольские дела, заботы. А у тебя? Один молитвенный дом?.. Тебе действительно хочется там бывать или это просто привычка? Ты сама видишь: твои товарищи любят и уважают тебя и им хочется, чтобы ты всегда была с ними вместе — и в пионерской организации, и в комсомоле. Тебе решать.

С этого дня Валя часто ждала учительницу после уроков. Они больше не говорили о молитвенном доме, но Раиса Ивановна видела, что девочку одолевают сомнения и среди них главное: существует ли бог? В книгах по истории и естествознанию не все было понятно Вале, а учительница говорила об этом просто, терпеливо объясняла неясное.

Шли дни за днями. В апреле в школе был конкурс на лучшее чтение стихотворений о Ленине, Коммунистической партии, Родине. Валя тоже выступала, жюри отметило и ее. А потом началось горячее время: класс готовил подшефных третьеклассников к вступлению в пионеры. Кто-то из подружек сказал:

Класс, в котором учится Валя.

— Послушай, Валя, может быть, и тебе вместе с ними?

Девочка грустно покачала головой:

— Нет, не могу...

И Раиса Ивановна и ребята обратили внимание на то, что Валя теперь не сказала, как три года назад, категорически «не хочу».

В дни перед торжественной линейкой, на которой Валя охотно согласилась рассказать о Лизе Чайкиной, девочка ходила грустная, на уроках была рассеянной. Раиса Ивановна знала, что родители — члены баптистской общины могут не разрешить ей выступить на сборе, и опасалась, что это причинит девочке боль, которая долго не утихнет. Валя даже стала как бы избегать учительницу — последние несколько дней они не беседовали после уроков. Раиса Ивановна понимала: Валя хочет самостоятельно что-то решить для себя.

И сейчас, слушая Валин рассказ на торжественной линейке, учительница с радостью отмечала, как крепнет ее звонкий голосок, — чувствовалось, что девочка не только рассказывает о героине, но и делится своими сокровенными мыслями. «Вот о чем она размышляла все эти дни», — подумала Раиса Ивановна. Но, видно, не только об этом думала Валя...

Когда под звуки горна и дробь барабанов пионеры вынесли знамя дружины и отдали рапорт старшей вожатой, а третьеклассники замерли перед тем, как произнести слова торжественного обещания, Валя вышла вперед. Ни на кого не глядя, стала в их шеренгу.

Подружки ее на миг растерялись, а потом засуетились, заволновались, ведь нужен был пионерский галстук — повязать Вале после того, как она вместе с младшими ребятами скажет слова клятвы. И тут одна из них спокойно достала из портфеля, стоявшего рядом, пакетик с ярким, отутюженным галстуком — то ли сговорились они с Валей, то ли девочка взяла галстук в надежде на то, что Валя решится.

...Прошло полтора года с той торжественной линейки. Нелегко далось Вале ее решение, непросто идет ее жизнь с тех пор, как стала она пионеркой, — родители этот ее шаг приняли без восторга. Валя как-то сказала, что теперь особенно тяжело переживает, если кто-то из пионеров совершает некрасивый поступок. Тогда ее дома могут упрекнуть: «Вот видишь...» Но, очевидно, и в этой семье уже понимают, что вопрос свободы совести каждый должен решать для себя сам, даже в юном возрасте.

г. Прохладный
Кабардино-Балкарской АССР

В СПОРАХ РОДИЛАСЬ «ИСТИНА»

Р. ДАНИЛЬЧЕНКО,
доцент кафедры философии Московского института стали и сплавов, кандидат философских наук

Атеистический клуб «Истина» существует в нашем институте вот уже пять лет. Во главе его стоит президент. Нас спрашивают: «Почему президент, а, скажем, не председатель или староста?» А мы в ответ задаем такой вопрос: «А вы когда-нибудь были президентом?» Ребята гордятся своей должностью, хорошо работают. Очень старательным был наш первый президент — А. Виноградов, позже прекрасно работали Л. Филиппов, В. Попок. Сейчас «Истину» возглавляет Л. Роберман.

У клуба есть устав, в котором говорится, что членом клуба может стать каждый студент нашего института. Им предоставляется право участвовать во всех мероприятиях, избирать и быть избранным в совет клуба, вносить предложения по улучшению его работы. Каждый обязан соблюдать устав, широко пропагандировать атеистические знания. В частности, обязан подготовить лекцию на атеистическую тему. Ее можно прочитать в группе, на летней практике, на научных конференциях, на предприятиях Октябрьского района столицы. Кроме того, активисты клуба должны организовать какое-либо мероприятие: экскурсию, конференцию и т. д.

В клубе есть художники, фотографы — словом, каждый вносит посильный вклад в общее дело. Например, студент из Армении М. Абгарян вместе с группой ребят создал галерею портретов атеистов разных времен. Скоро она украсит студенческую аудиторию. С большой ответственностью работают фотографы во главе со студентом С. Булавиным. Они создают летопись клуба. Два года назад под руководством главного художника клуба студента из Казахстана С. Ильясова для методического кабинета Октябрьского райкома КПСС был сделан стенд «Атеистический клуб «Истина» и подготовлен альбом с описанием опыта его работы.

Главная цель клуба «Истина» — формирование атеистических убеждений у студентов. Для них лекции читают преподаватели нашего института, других вузов Москвы. Студенты встречались, например, с доцентом кафедры истории и теории научного атеизма Московского университета, кандидатом философских наук З. Тажуризиной, которая прочитала им лекцию по актуальным проблемам атеизма.

Для нас важно, чтобы в студенческой среде были изжиты элементы индифферентного отношения к религии, суеверия, мировоззренческая непоследовательность. Работая в институте все эти годы, я могу сказать, что студенты — народ неверующий, а вот вера в приметы, в случай, интерес к гороскопам еще бытуют. Как-то на лекции мне подали записку и составленный гороскоп. Студент просил меня разобрать его: «Я родился в созвездии Скорпиона, а моя невеста — Рыбы. Говорят, что это плохое сочетание. Жениться нам или подождать?» В конце лекции я подробно объяснила принцип составления гороскопов, а потом сказала: «Давайте сравним людей, родившихся в одном месяце. Если следовать гороскопу, то у всех у них должен быть одинаковый характер». Оказалось, что среди таких людей встречаются сварливые и жизнерадостные, счастливые и несчастные, честные и жулики и т. д. На формирование личности оказывают влияние многие факторы, в частности окружающая обстановка, семья, определенные жизненные воззрения и т. п. Стало быть, не от расположения звезд зависит счастье семьи, а от того, насколько каждый подготовлен к этому серьезному шагу.

Самое важное — научить студента думать, размышлять, сравнивать — словом, искать, творчески относиться к тем проблемам, которые мы обсуждаем в клубе. Правда, при этом я всегда говорю студентам, что свободно рассуждать о предмете можно лишь тогда, когда ты хорошо усвоил основные положения, которые его характеризуют. Применительно к атеизму дискуссия может быть плодотворной лишь тогда, когда ее участники располагают устойчивыми знаниями не только в области научного атеизма, но и в марксизме в целом.

Вообще диспуты, обсуждения в клубе очень популярны. Причем мы, как правило, не рассматриваем вопросы, связанные только с религиозной идеологией, с ее критикой, а выбираем темы, которые волнуют всех: «О смысле жизни», «Как я понимаю свое счастье», «О любви» и т. д. При этом мы обязательно сравниваем, как решает данные вопросы марксизм и какое истолкование предлагает религиозная идеология.

Наиболее близки нашим студентам такие темы, как «Мистика в свете современной науки», «Наука и чудеса», «Таинственные явления человеческой психики и наука». По ним чаще всего проходят дискуссии, конференции, пишутся доклады и рефераты.

Следует отметить еще одно обстоятельство, способствующее успеху нашего дела. Мы обращаем большое внимание на воспитание научного мировоззрения художественными средствами. Так, только в том году студенты посмотрели фильмы «Отец Сергий», «Костер бессмертия», «Исповедь», «Грешница», «Происхождение сознания», «Под знаком Иуды». Они много спорили как о чисто художественных достоинствах кинокартин, так и об их атеистическом звучании.

Ежегодно мы подводим итоги деятельности клуба, подсчитываем количество прочитанных студентами лекций, приготовленных рефератов и т. д. Например, в прошлом учебном году члены клуба «Истина» выступали 200 раз. Но для нас более важно удовлетворение от того, что у студентов появился интерес к атеистической проблематике, что заложена основа для дальнейшего формирования их научно-атеистического мировоззрения. Главный же итог тот, что общение сблизило студентов, каждый почувствовал себя частицей коллектива, живущего одной идеей, занимающегося одним делом.

ПРИРОДА И РАЗУМ

Изучение биосферы, выход людей в Космос заставили нас по-особенному взглянуть на нашу прекрасную планету, по-иному увидеть восходы Солнца, заново ощутить животворную силу земли. Эти идеи выразил в своей картине бельгийский художник-сюрреалист Рене Магритт.

А. АДО,
академик Академии медицинских наук СССР

К отраслям знания, получившим в последнее время особенно бурное развитие, относится и экология человека — молодая наука о взаимоотношениях человека и окружающей среды. Она — часть общей экологии, изучающей взаимоотношения со средой всего живого на Земле. Выделение экологии человека объясняется сложностью взаимоотношений его и природы — здесь не столько биологическое взаимовлияние, сколько социальное воздействие, так как человек, живя на Земле, воздействует на природу, переделывает ее. В докладе на XXV съезде КПСС товарищ Л. И. Брежнев говорил: «...Использовать природу можно по-разному. Можно — и история человечества знает тому немало примеров — оставлять за собой бесплодные, безжизненные, враждебные человеку пространства. Но можно и нужно, товарищи, облагораживать природу, помогать природе полнее раскрывать ее жизненные силы... Это наш, социалистический путь».

В совершенно ином свете видят результаты взаимоотношения человека и природы некоторые исследователи в капиталистическом мире. Так, западногерманский философ Г. Кёлер, выступивший на международном философском конгрессе в Варне в 1973 году, в своем докладе нарисовал чуть ли не апокалипсическую картину: опустошение земли, уничтожение растительного и животного мира, загрязнение водоемов и воздуха. Эти глобальные природные процессы усугублены серьезными социальными катаклизмами: в технически развитой стране образуется своеобразный вакуум свободного времени и как следствие этого — рост преступности, наркомании, алкоголизма. Полное духовное обнищание и разложение человечества закончится его гибелью, предсказывает Г. Кёлер. Выход пока еще есть, провозглашает он, — это господство избранной нации при уничтожении всех других народов. По существу, это типичная фашистская идеология.

К счастью, люди на нашей планете реалистически оценивают так называемый экологический кризис. Во всем мире сейчас организуются важнейшие мероприятия по охране природы как в глобальном, планетном масштабе, так и в плане согласованной работы некоторых государств. В Советской стране, как известно, вопросам охраны природы придается исключительное значение. Решениями XXV и XXVI съездов КПСС, сессий Верховного Совета СССР (сентябрь 1972 г. и июль 1975 г.) предусматриваются конкретные мероприятия по охране и воспроизводству ресурсов окружающей среды, предупреждению загрязнения водного и воздушного бассейнов, охраны почв, лесов и т. д. Верховный Совет СССР принял законы «Об охране атмосферного воздуха» и «Об охране и использовании животного мира». Заключен ряд договоров с другими странами — о запрещении ядерных испытаний в атмосфере, в Космосе и под водой, о сотрудничестве в охране окружающей среды, обеспечении чистоты некоторых морей и т. д.

Как понимать сегодня наши взаимоотношения с окружающей средой? Можно ли согласиться с мнением буржуазных ученых о том, что миллионы людей в эпоху научно-технической революции не имеют жилья и работы потому, что наступил экологический кризис, а не потому, что они живут в условиях жестокой капиталистической эксплуатации? Именно в этом, в социальных факторах, заключаются основные проблемы экологии человека.

ЭКОЛОГИЯ ЧЕЛОВЕКА И БИОЛОГИЗАЦИЯ

Если обратиться к истории этого вопроса, то можно отметить: еще один из основателей экологии Э. Геккель рассматривал ее как часть философской системы, ставящей человека, его биологическую сущность в центр всего окружающего. Известный ученый не принимал во внимание влияние на мир социальных процессов и поэтому биологизировал экологию. Под экологией мы понимаем общую науку об отношениях организма к окружающему внешнему миру, писал он, который мы можем рассматривать как условия существования в широком смысле. Ошибочные взгляды знаменитого биолога-дарвиниста послужили посылками в концепциях некоторых современных западных теоретиков.

Следует, однако, заметить, что в эпоху борьбы за дарвинизм против религиозных объяснений происхождения человека идеи Э. Геккеля имели прогрессивное значение, а его труды сыграли исключительную роль в развитии материализма. «Скорее необходимо сделать поворот в сторону природы (от бога и религии.— А. А.),— писал он, — но делать это нужно при учете только биологических законов жизни людей как животных сообществ».

Тем не менее биологизированный, далекий от социальных проблем, подход к экологии человека активно развивают сегодня западные ученые. Кто-то из них считает движущей силой взаимоотношения системы «человек — окружающая среда» конкуренцию, напоминающую дарвиновский естественный отбор; кто-то уверен, что экология человека должна заниматься лишь биологическим изучением человеческих популяций в замкнутой среде обитания; кто-то видит главное в исследовании вредных влияний урбанизации... При этом все такие авторы «не замечают» социального устройства общества и его закономерностей, «не обращают внимания» на влияние капиталистической системы на условия жизни трудящихся, а по аналогии с жизнью общественных животных (крыс, пчел, муравьев) пытаются экстраполировать их экологию на человека. Характерно, что наиболее воинственные из таких исследователей, например американский ученый Е. Одум — в монографии «Основы экологии» (1971 г.), обращаются к небезызвестному Т. Мальтусу как наивысшему авторитету. Так, по мнению того же Е. Одума, судьба человечества — это «дорога мира и войны».

Биологизация экологии человека особенно ярко проявляется в таком важном разделе, как медицинская экология. Американский исследователь Ж. Май, например, считает, что болезни человека надо рассматривать в сфере экологии существа, живущего и болеющего вне опосредования биологического социальным. Люди, по Ж. Маю,— высшие животные, на которых технический прогресс, науки, искусства, транспорт, связь, урбанизация и все остальное, что в целом называют «культура и цивилизация», влияют вне связи с тем, в какой конкретной социальной системе действуют данные факторы окружающей среды.

ЭТОЛОГИЯ И ЭКОЛОГИЯ

В связи со стремлением буржуазных ученых подменить в экологии человека социальные закономерности развития общества биологическими законами на

Западе намечается сближение экологии и науки о поведении животных, их взаимоотношениях друг с другом и со средой — этологии.

Сторонники этого направления пытаются объяснить все происходящее в человеческом обществе чисто биологической, поведенческой реакцией людей. При этом они обосновывают такие взгляды тем, что человек в своих физиологических проявлениях относится к миру животных. Вопреки громадному опыту развития человеческого общества, обобщенному в положении марксизма-ленинизма об определяющем влиянии на его жизнь социальных законов, сторонники подобных теорий развивают идеи об инстинкте агрессии как об определяющем факторе в жизни народов, наций, государств.

Справедливости ради следует сказать, что многие современные западные этологи — Р. Шовен, Р. Хайнд, Д. Дарелл и некоторые другие известные ученые плодотворно работают над изучением поведения животных разных уровней организации — «от пчелы до гориллы», по выражению Р. Шовена. При этом они не стремятся распространить свои выводы на человека и его поведение в обществе, а делают полезное для науки дело, помогая понять жизнь животных, способствуя разумному, осознанному отношению людей к их «братьям меньшим». Но об этом особый разговор. Здесь мы обращаем внимание на другие направления в современной этологии — те, которые пытаются перевернуть это плодотворное научное направление с ног на голову. Их адепты, изучая различные аспекты современной этологии и данные сравнительной зоопсихологии, механически переносят свои построения на человека. И тут, пожалуй, наиболее ярко выраженный идеализм (в широком смысле) характерен для взглядов известного исследователя К. Лоренца. Он в своих изысканиях особое значение придает инстинкту агрессии в процессе внутривидовой борьбы, выживания потомства и организации жизни сообществ животных, в том числе, как он считает, и человека.

К. Лоренц видит смысл инстинкта агрессии в отборе наиболее сильных индивидуумов, в охране потомства от нападения, в организации своеобразного баланса, необходимого для существования различных сложных комплексов животных и растений в той или иной сфере обитания (экологической нише). Он считает, что этот инстинкт у каждого вида животных — важнейшая и необходимейшая часть общего «жизнесохраняющего» инстинкта. Свои выводы он доказывает в основном примерами из жизни крыс.

Приводя примеры «социальной» организации крысиного сообщества и факты агрессивной реакции этих животных на появление «чужой» крысы, К. Лоренц подчеркивает, что у них, как и у других животных, весьма развиты процессы подавления инстинкта агрессии по отношению к особям своего клана. Крысы одного клана не нападают на своих собратьев. Однако все эти интересные исследования, к большому сожалению, совершенно теряют смысл и значение, как только ученый начинает механически переносить свои наблюдения над животными на общественные отношения людей. Его утверждение, что социальная организация людей повторяет таковую у крыс, не может не вызвать у каждого здравомыслящего человека чувства недоумения и возмущения.

Нужно ли напоминать, что инстинкты у крыс, да и у всех других животных, кроме человека, полностью определяются генетическими программами, что ни одно животное не обладает «умозрительным мышлением», речью и способностями к творческому труду с его бесконечными возможностями. Игнорирование К. Лоренцом социально-классовых мотивов поведения людей в разных ситуациях их общественного бытия поразительно. Он полагает, например, что индейцы США, находящиеся в резервации, страдают от того, что не могут подавить свой инстинкт агрессии. И не видит, что истинной причиной их страданий является отнюдь не это, а расовая политика правящих кругов США, загнавшая этот народ в резервации, эти своеобразные концентрационные лагеря.

Стоит сказать несколько слов еще об одном «парадоксе» К. Лоренца. По его мнению, приобретя когда-то инстинкт агрессии, человек, став Человеком, не развил у себя инстинкта торможения агрессии, как это имеет место у большинства животных по отношению к своему виду. И это, якобы, объясняет существование различных противоречий между требованиями отдельных индивидуумов и законами общественного устройства. Вот, оказывается, почему происходят войны, революции, совершаются преступления.... Такая, с позволения сказать, «теория» делает понятной и то, почему ее создатель оправдывает агрессивные инстинкты у людей и считает их основой законов современного общественного устройства. «Мы — дети Каина, — заявляет Лоренц вслед за другим этологом С. Арди.— Мы — убийцы!..»

Даже в западной литературе имеется немало возражений против подобных высказываний. Но критика там чаще всего идет не по существу, а по частностям — мол, агрессивные действия человека не укладываются в рамки понимания инстинктов вообще и инстинкта агрессии в особенности, изучение истории человечества не дает доказательств агрессивных действий и войн у доисторического человека и т. п. Эти дискуссии выглядят наивными и в какой-то мере надуманными, если в понимании сущности человека исходить из методологии диалектического материализма. Ведь в действительности вся наша жизнь, вся общественная практика неопровержимо подтверждает основные положения марксизма именно о социальной сущности человека.

БИОЛОГИЧЕСКОЕ И СОЦИАЛЬНОЕ

К. Маркс писал в «Капитале»: «Труд есть прежде всего процесс, совершающийся между человеком и природой, процесс, в котором человек своей собственной деятельностью опосредствует, регулирует и контролирует обмен веществ между собой и природой... Воздействуя... на внешнюю природу и изменяя ее, он в то же время изменяет свою собственную природу...» [1]

Человек, являясь существом социальным, общественным, занимает особое место в природе. Его жизнь не только, вернее, не столько подчиняется общим биологическим законам, сколько управляется социальными закономерностями, оказывающими существенное влияние на все физиологические процессы в организме. Значит, даже проблему здоровья и болезней человека следует раскрывать, исходя лишь из такого понимания процессов опосредования и «снятия» биологического социальным. При болезнях у человека нарушения этих процессов развиваются в зависимости не только от конкретного заболевания, но и от вызвавших его причин и условий жизни.

Глубокому социальному опосредованию подвержена у человека также наследственность. Сейчас уже признается «социальное наследование» всего предыдущего опыта человечества; говорится о воспитании как важном его элементе. Биологическая сторона этого процесса составляет основу свойств человека как животного вида, но ее совершенно недостаточно для окончательного формирования его как члена общества, как разумного существа, как личности. Животные, даже высшие, рождаются со всеми инстинктами их индивидуального поведения. Эволюция животных видов привела к строгой специализации их функций, соответствующих задачам приспособления к той среде, в которой они живут. Да, отдельные виды животных (пчелы, муравьи, бобры и др.) способны выполнять строительные работы, но по строго наследственному, закрепленному в их организме плану. Все их действия регулируются наследственными формами реактивности — инстинктами, прочно связанными с видовыми свойствами каждого животного. Изменение условий существования способно привести и часто приводит к гибели не только отдельное животное, но и вид.

У человека подобной узкой специализации нет, он универсален. В процессе эволюции его мозг получил исключительное по сравнению со всеми животными развитие, у него выработалась способность к труду, производству орудий и средств производства, с помощью которых он переделывает природу согласно своим потребностям. Все это и выражает собой опосредование наследственности у человека.

Глубокими нарушениями социального опосредования наследственных склонностей человека являются дефекты воспитания в семье, школе, в производственном коллективе. Плохие примеры, неоправданные надежды, разочарование в окружающих людях, различные пороки «микросоциальных» отношений способны глубоко нарушать процессы социального опосредования наследственных свойств человека.

Важнейшим аппаратом опосредования биологического социальным у человека является нервная система, особенно высшая нервная деятельность, а само опосредование формирует психические функции через общение людей между собой в процессе труда. Именно здесь, при исследовании роли высшей нервной деятельности в процессе опосредования человеком биологического социальным, определилась наиболее четкая граница между идеалистическими построениями и материалистическими выводами. Даже крупнейшие западные ученые-нейрофизиологи, такие, как Ч. Шеррингтон и Дж. Экклз, мировоззрение которых можно назвать идеалистическим, не смогли с позиций биологизации социального объяснить механизм возникновения про-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 188.

извольных движений и вынуждены были допустить существование духа для управления ими. Дж. Экклз предположил даже, что в мозгу существуют особые мельчайшие рецепторы (их никто еще не обнаружил), которые якобы способствуют восприятию действия духа на нервные клетки в мозгу.

Материалистическая наука, в частности советские психологи, в этом вопросе придерживается противоположной точки зрения. Да, признает она, биологическое (рефлексы) сохраняет у человека свои физиологические свойства и механизмы, но при этом опосредуется социальными, общественными процессами. Так, речь, трудовые навыки, письмо — все это рефлекторно по своим физиологическим механизмам. Однако эти механизмы опосредуются социальным опытом людей в форме обучения и запоминания (письменных знаков, слов, фраз и т. д.) и их применения в различных жизненных ситуациях.

Вторая сигнальная система, или система слов и письменных знаков, доставляет нам бесчисленные примеры разнообразных социальных влияний на жизнь и здоровье человека. Так называемые микросоциальные отношения между людьми на работе, в семье, в театре, на транспорте и во многих других ситуациях могут стать при определенных обстоятельствах источником тяжелейших неврозов, гипертонической и язвенной болезней, аллергических и других заболеваний. Более того, известны примеры смертей даже под влиянием положительных эмоций, вспомним хотя бы смерть Софокла во время удачной премьеры его пьесы. А появление новых болезней, прямо связанных с социальной жизнью человека, — например, заболеваний у детей, вызванных неправильным обращением с ними родителей или педагогов! Классическое описание невротического состояния у ребенка, возникшего от тяжелых впечатлений захолустной больницы, дано в рассказе А. П. Чехова «Беглец». Советский психолог А. Р. Лурия описал такую ситуацию. Однажды врач в присутствии пациента случайно сказал, что у того «нет селезенки». Это замечание произвело на больного настолько сильное впечатление, что его состояние резко ухудшилось. На самом же деле речь шла о том, что у данного человека врач не прощупал селезенку, и этот факт свидетельствует об отсутствии у него предполагаемого заболевания. Разъяснение больному, что с его селезенкой все обстоит благополучно, ликвидировало возникшее недоразумение и способствовало улучшению его общего состояния.

Как видим, различные изменения процессов опосредования биологических (физиологических) процессов социальными — важнейшее и обязательное звено в жизни человека. А современные буржуазные ученые не хотят (или не могут) видеть эти процессы, утрируют природные особенности нашего организма и тем самым, по сути, приходят к идеализму, даже к мистике.

ЭКОЛОГИЯ ЧЕЛОВЕКА

Мы не оговорились, упомянув в начале статьи об экологии человека. Да, уже существует такая отрасль науки. Имеются и различные методологические подходы к оценке как самого этого понятия, так и форм его использования для толкования процессов взаимосвязи здорового или больного человека с окружающим его миром. Советские ученые считают, что термин «экология» применительно к человеку следует использовать весьма осторожно. Они согласны с тем, что экология человека должна включать в себя такие частные медицинские науки, как гигиена, краевая патология, курортология, медицинская география и некоторые другие. Кроме того, медицинские аспекты этой проблемы, естественно, охватывают и вопросы профилактики различных «болезней цивилизации» — неврозов, сердечно-сосудистых, профессиональных, аллергических болезней.

Нередко можно услышать, что экология человека стала одной из актуальных проблем всего человечества и не зависит от социального строя той или иной страны. Однако основные практические подходы в решении ее оказываются совершенно различными в странах капитализма и в социалистических странах. В государствах социалистического содружества все подчинено одной задаче — обеспечению здоровой и счастливой жизни людей. Четкое подтверждение влияния социального строя на здоровье человека дает сравнительное изучение картины и механизмов болезней человека и животных (даже высших млекопитающих — обезьян).

Следует отметить: полное, адекватное моделирование болезней человека на животных невозможно. Мы можем смоделировать лишь отдельные проявления болезней человека, отдельные симптомы и синдромы, но не в состоянии воссоздать на животном человеческую болезнь в целом. Ведь организм людей во много раз сложнее организма любого животного. Связи людей, особенно социальные, с окружающей их средой существенно отличаются от всех подобных форм связи у животного. В результате и большинство болезней человека возникает и протекает иначе, чем у животных, хотя они вроде бы и одинаковы.

Кроме того, есть такие сугубо человеческие болезни, которые вообще в естественных условиях и в полном объеме у животных отсутствуют. Так, известно, что среди обезьян, в том числе человекоподобных, опухоли встречаются значительно реже не только по сравнению с людьми, но и по сравнению с животными, стоящими значительно ниже их на эволюционной лестнице. У домашних животных, особенно у собак и лошадей, это заболевание встречается чаще, чем у диких. И именно это свидетельствует о существенном влиянии на организм животных социализированной среды. Многие наиболее тяжелые болезни человека — гипертония, инфаркт миокарда, бронхиальная астма встречаются у диких животных очень редко и протекают иначе. Более того, при попытках вызвать эти заболевания у животных требуется применение сравнительно грубых приемов, нарушающих естественные условия их существования в окружающей среде.

По-видимому, более частая заболеваемость «человеческими» болезнями домашних животных (по сравнению с дикими) объясняется влиянием на них искусственного отбора, выведением генетически обусловленных видов, обладающих низкой сопротивляемостью к какой-либо болезни. Жизнь в диком состоянии, вероятно, быстро привела бы к вымиранию этих генетически неполноценных для таких условий особей.

Социальное опосредование жизни человека находит свое практическое отражение в строительстве жилищ, школ, кино, театров, клубов, средств транспорта, больниц, поликлиник, санаториев, курортов, аптек, профилакториев, в изготовлении одежды и т. п. Иначе говоря, в создании искусственной среды обитания, обеспечивающей физиологическую и, что еще более важно, духовную жизнь и полноценное здоровье людей.

Человечество волнуют многие вопросы, связанные с его экологией. Как изменится наш облик в недалеком будущем? Какие новые моральные и этические нормы поведения несет с собой научно-технический прогресс? Какие новые болезни возникнут? Как только мы пробуем рассмотреть эти вопросы глубже, так сразу же вырастает пропасть между различным пониманием социальной экологии в капиталистических и социалистических странах.

Большинство ученых буржуазных стран в своих трудах по экологии человека рисуют мрачные перспективы нарастающего ухудшения условий жизни: загрязнение городов, исчезновение природных ресурсов. В то же время они, как правило, ничего не говорят об основных социальных причинах отрицательных сторон научно-технического прогресса. Значение экологии как биологической проблемы для человека они расценивают так же, как и для стада каких-либо животных. Социальная сущность при этом выпадает из их поля зрения.

Другим примером вопиющего несоответствия выводов буржуазных ученых с действительностью может служить экология имущих и неимущих классов при капитализме. С одной стороны, невероятное богатство, роскошь эксплуататоров, с другой — голод, психозы, эпидемии среди людей, не имеющих постоянной работы, жилища, медицинской помощи, вымирание индейцев в резервациях, безжалостная эксплуатация и расовая дискриминация людей цветной кожи. Прямая противоположность этому — положение человека в нашей стране. Здесь экология человека — важнейшее и весьма эффективное выражение процесса опосредования биологического социальным.

Таким образом, отношение современного человека к окружающей среде целиком определяется тем, в какой форме это опосредование реализуется для каждого в отдельности, для каждой семьи, каждого трудового коллектива, для учащихся, людей всех специальностей, общества в целом.

Каковы же перспективы экологии человека? Где основная «горячая точка» противоречий в подходах и оценке путей организации борьбы за оптимальные условия окружающей его среды, для жизни людей на Земле? Из всего нами сказанного следует, что такая «точка» — это противоположный подход к решению проблемы окружающей среды в обществах с различными социальными системами.

В условиях капитализма решение этой проблемы пытаются растворить то в глобальных вопросах «всеобщего экологического кризиса» на всей планете, то в возвращении к «золотому веку», будто бы предшествовавшему современному

«смутному» сосуществованию человека и природы, то в сохранении на Земле «избранных» народов и уничтожении остальных. Предлагают также заменить «устаревшую» религию еще более старой, но экологически «более удобной». Социализм же смотрит на это иначе — сознательно и планомерно создаются реальные возможности для конкретного положительного решения основных проблем загрязнения окружающей среды, истощения природных ресурсов, сохранения лесов, для создания новых источников продуктов питания — в общем, для улучшения жизни всех людей. Научно-технический прогресс, который в условиях капитализма становится орудием разрушения природы и человека, при социализме помогает созиданию, ускоряет его, а человек трудовой выступает таким хозяином природы, который защищает ее от гибели и разрушения. Именно такова позиция советского народа. Она получила четкое отражение во многих партийных и государственных документах, в том числе и в решениях партийных съездов.

«БОЖЕСТВЕННЫЕ» РАСТЕНИЯ: ПРАВДА И ВЫМЫСЕЛ

СВЯЩЕННОЕ ДЕРЕВО БО

В. АСТАХОВА

Между Бенаресом, предгорьями Гималаев и средним течением реки Коганы лет за 500 до нашей эры жило арийское племя сакиев — «могущественных». Предания рассказывают, что в семье богатого сакийского землевладельца (по другим источникам — вождя племени) Судгодана родился сын Сидгарта. В 29 лет Сидгарта, который к тому времени был женат, имел сына и назывался Сакья-Муни (сакья-мудрец), сбрил волосы и бороду, надел желтое платье, покинул свой дом и сделался странствующим аскетом. С тех пор он получил известность под именем Гаутамы.

Странствие продолжалось семь лет. Гаутама слушал проповеди выдающихся учителей и искал духовного просветления. Не получив нравственного удовлетворения, он отправился в царство Магадхи и дошел до города Урвелы. Там в прекрасном лесу он провел много лет в самоистязаниях, умерщвлении плоти, в ожидании просветления. Ничто не помогало — ни пост, ни самобичевания. Наконец наступил великий перелом. Как-то раз, сидя под деревом бо (смоковницей), он познал тайну переселения души и четыре священные истины. Они гласили: страдание — общий удел мира, причина его — желание или привязанность, оно оканчивается в нирване, этого состояния можно достигнуть. И тогда Гаутама сделался Буддой, то есть «пробужденным», «просветленным». А дерево бо, под которым сидел Гаутама, стало предметом поклонения тех, кто исповедует буддизм, получило название «священное дерево» — «Ficus religiosa». На острове Шри Ланка растет самое древнее дерево бо. Оно имеет интересную историю, которую записал в свое время известный русский ботаник, географ и путешественник, профессор А. Н. Краснов, объехавший полсвета и основавший в Батуми ботанический сад:

«Это дерево — есть одно из величайших деревьев в мире, время посадки которых помнит человечество. Оно было принесено из местечка Гайи, близ Патны, в Индии, принцессою Сангамита, сестрою миссионера Магинда, в 245 г. до н. э., в царствование царя Тиссы. По совету упомянутого миссионера, было послано посольство в Патну тамошнему королю с просьбой привезти на Цейлон веточку священного дерева, под которым происходило искушение Будды. Просьба эта привела двор в большое смущение, так как дерево Будды тогда уже боготворилось и его ветви и листья считались неприкосновенными. Созван был целый консилиум монахов, и они наконец после долгих прений разрешили срезать ветку бо. Изготовлен был золотой горшок в 4 фута в диаметре и, говорят, при громадном стечении народа, при звуках музыки на украшенном знаменами и драгоценностями дереве произошло чудо. Ветка, предназначенная для черенка, была золотою нистью обведена красной краской, со словами: «Если этой ветке дерева бо предопределено отправиться в страну Ланка, да пересадится она сама собою в этот золотой горшок». И, как рассказывает легенда, ветка исполнила пожелание, король наметил на ней место, откуда должны были пойти главный и побочный корни, и они выросли при громких криках «Саду!» изумленного народа. Дерево, сопровождаемое многими фанатиками и вызывавшее на пути чудеса, было отправлено вниз по Гангу, помещено на корабль и благополучно прибыло на Цейлон, где его торжественно встретил король, стороживший дерево все время, пока оно не было посажено. Золотые и серебряные сосуды со священною водой Ганга были присланы для его поливки. Дерево с почестью было перенесено на место, где оно теперь находится. Предание говорит, что оно быстро само пустило корни и вогнало в землю ту громадную золотую вазу, в которую было посажено. Боги послали обильные дожди для его орошения, и дерево стало давать плоды, от которых ростки распространились около храмов по всему острову... Нет буддистского храма на Цейлоне, где бы вы не увидели хотя бы молодой «Ficus religiosa».

Фикус религиозный... Знаменитое дерево бо, самое древнее на острове, как писал о нем А. Н. Краснов, превосходит по величине деревья того же вида. Ветви его раскинулись далеко за пределы загородки, и кора их основательно поистерлась от многочисленных поцелуев. Ни один смертный не смеет сорвать листика с этих ветвей. Они постоянно колышутся от ветра, листья шелестят в знак симпатии к великому Будде. Дереву воздают знаки почтения, пораненные части ствола покрывают золочеными листочками или гирляндами из цветов.

Очевидно, у священной смоковницы — дерева бо — есть совершенно уникальные природные особенности, делающие его, если можно так сказать о дереве, яркой индивидуальностью в растительном мире. Есть у этого дерева еще одно название — баниан. Следует вспомнить первое ботаническое описание этого дерева, сделанное великим ботаником Древней Греции Теофрастом (372—287 гг. до н. э.). Теофраст сопровождал Александра Македонского в его походе в Индию и был поражен видом фикуса-баниана.

Вот что он писал: «Это могучее дерево с круглой кроной и чудовищного диаметра, оно прикрывает своей тенью пространство в две стадии (300 метров). Окружность ствола обыкновенно 40, а иногда 60 шагов; листья по величине и виду равняются щиту. Из огромных горизонтально распростертых веток ежегодно спускаются в почву корни, которые отличаются от сучьев только жестким волосяным покровом, более бледною окраскою и отсутствием листьев; они сами постепенно обращаются в стволы и образуют как бы искусственно посаженный крытый зеленый ход вокруг главного ствола. Под тенью их мог бы расположиться лагерем целый отряд конницы».

Сейчас известен баниан с главным стволом окружностью в 10 метров. Вокруг него растут 1300 придаточных стволов и 3000 воздушных корней — настоящий лес из одного дерева, которому 3000 лет.

У баниана есть корни, растущие не вниз, а вверх, располагающиеся вокруг веток и ствола. Может быть, поэтому барельефы индийских храмов изображали эти деревья так странно, корнями вверх. Баниан бенгальский начинает свою жизнь паразитически, как эпифит, то есть он прикрепляется к ветвям какого-нибудь другого дерева, раскидывает свою крону над кроной дерева-хозяина, лишая его света. Тонкий ствол баниана дает многочисленные воздушные корни. Они свешиваются вниз, доходят до земли, укореняются и сильно ветвятся в почве. Та часть корней, что осталась на воздухе, утолщается, превращаясь в крупные стволы. Одновременно быстро растут и увеличиваются в окружности ветви. Баниан в возрасте около 150 лет имеет крону 300 метров в окружности. Баниан бенгальский в Индии считается не менее священным, чем баниан религиозный.

Плоды обоих видов баниана съедобны. Фикусы (смоковницы или баниана) состоят в родстве с шелковицей, бумажным и хлебным деревом, ядовитым анчаром и относятся к одному и тому же семейству тутовых. К роду фикусов принадлежит свыше 600 видов, растущих главным образом в тропиках.

На юге нашей страны с древнейших времен культивируется родственник индийских фикусов — инжир. Его родина — Средиземноморье, Иран, Юго-Запад Малой Азии (Кария). Это дерево быстро растет, оно выносливо и долговечно — живет до 150—200 лет, а на родине лет до 300 и больше.

В далеком прошлом в обыденном сознании почти все непонятное, удивительное, необычное, так же как и полезное, получало сверхъестественное объяснение. Нередко только странная форма или особенности роста и размножения растения давали основания для того, чтобы о нем возникали легенды и рождались суеверия. То же произошло и с банианом, в жизненном цикле которого, как оказывается, нет ничего таинственного и мистического.

ОЧЕРЕДНОЙ КОМПРОМИСС

И. АНИЧАС,
доктор исторических наук

В статьях, напечатанных в № 2 и 10 нашего журнала за прошлый год, на примере католической церкви Литвы анализировались те изменения, которым под влиянием социалистической действительности подверглись социально-политическая доктрина и социально-этические концепции католицизма. В публикуемой статье речь идет о литургической реформе в литовской католической церкви.

В ОБНОВЛЕНЧЕСКОЙ деятельности католической церкви важное место занимает реформа культа — этого наиболее консервативного элемента любого вероисповедания.

Привычка совершать религиозные обряды, отмечать церковные праздники — стереотип повседневной жизни верующего. Совершая те или иные культовые действия, он обычно не задумывается над соответствующими теологическими проблемами. Самое важное для него при этом — преданность традиции. И именно эту черту культа все церкви стараются использовать для укрепления религиозности. Как правило, в церковной общине и верующей семье культ выполняет своеобразную роль главного морально-психологического фактора, способствующего закреплению и воспроизводству религиозности.

В то же время консервативность культа ведет к тому, что отдельные его элементы со временем как бы стираются и перестают влиять на чувства верующих. Это обычно происходит в связи с изменениями условий жизни. Такие устаревшие элементы культа теряют у новых поколений значение религиозных ценностей. В результате церкви приходится заботиться о модернизации культа. Об этом прямо говорится в материалах II Ватиканского собора и других документах католической церкви.

Многие католические идеологи кризис религии пытаются объяснить тем, что сформировавшаяся в далеком прошлом литургия перестала соответствовать требованиям жизни. По их мнению, строго регламентируемые религиозные обряды, особенно те, где верующий всегда был лишь пассивным наблюдателем, утомляющие посты, непонятная рядовым верующим латынь, на которой проводятся богослужения, способствуют углублению процесса секуляризации. В этом объяснении есть определенная доля правды. И недаром II Ватиканский собор наметил программу «аджорнаменто» и в области культа.

Из всей ватиканской программы «обновления» в католической церкви Литвы наиболее полно осуществляется реформа литургии. Для этого из руководителей литовских епархий была в начале 1965 года создана коллегия ординаров, а для практического проведения реформы — литургическая комиссия. Они подготовили необходимую литературу: «Римско-католический обрядник для епархий Литвы», «Литургический молитвенник», сборник конституций, декретов и деклараций II Ватиканского собора, несколько писем и циркуляров для духовенства и верующих.

Как же осуществляется реформа литургии в католической церкви Литвы, что составляет ее содержание, каковы специфические черты применительно к местным условиям?

Главная цель этой реформы — активизировать религиозную жизнь, сформировать у верующих более активное отношение к соблюдению католических обрядов и праздников, укрепить религиозные традиции и вообще позиции церкви. Идеологи католицизма хорошо понимают, что религиозные обряды лучше действуют на умы и сердца людей тогда, когда верующие так или иначе находят свое место в совершаемой церемонии.

В усилении психологического воздействия религиозных обрядов большую роль играет язык, на котором они совершаются. Руководители католической церкви Литвы деятельно осуществляют указание II Ватиканского собора об использовании в богослужении родного языка данного народа. Литургическая литература издана на литовском языке. После завершения литургической реформы латынь останется в костелах тех приходов, где верующие говорят на разных языках. Следует, однако, отметить, что использование в богослужении национального языка одобряется далеко не всеми служителями культа. Некоторые из них не без основания считают, что понятная всем служба может снять у верующих ощущение мистической тайны, непостижимости божественного. А это в свою очередь приведет к снижению религиозных чувств и переживаний.

Особое место в литургии католической церкви, как известно, занимает месса (обедня). Это целый комплекс максимально театрализованных действий, при которых употребляется различная церковная атрибутика, используются разные виды искусства (музыка, пение, предметы изобразительного искусства). Основная идея мессы — «пресуществление» хлеба и вина в тело и кровь Христа. Этот мистический момент («тайна мессы») призван возбуждать и укреплять у верующих представление о сверхъестественном, усиливать религиозное настроение. Цель современной реформы мессы — завладеть вниманием верующих с начала до конца богослужения, приучить их активно участвовать в нем вместе с ксендзом.

Литургическая конституция, принятая на II Ватиканском соборе, требует, чтобы верующие при этом не были посторонними и немыми наблюдателями, но чтобы, «хорошо понимая обряды и молитвы, сознательно, набожно и активно участвовали в святых действиях».

Реформу мессы в Литве сопровождали попытки священнослужителей осуществить эффективное «литургическое обучение» верующих. С этой целью в письмах ординаров, в «Литургическом молитвеннике», в проповедях подробно прокомментированы обряды и церемонии. Например, наставлению, как участвовать в мессе, посвящен раздел «Литургического молитвенника», названный «Литургическое участие в святой мессе». Здесь требуется, чтобы все верующие молились вместе с ксендзом, одновременно преклоняли колени, участвовали в церковных песнопениях. Последнему моменту уделяется особое внимание. Не зря старое церковное правило гласит: кто участвует в песнопении, тот молится вдвойне. Ведь песнопение, как правило, эмоционально и подогревает религиозные чувства. Поэтому теперь «постоянные части мессы», которые выполнялись только церковным хором или органистом, заменены доступными, исполняемыми на литовском языке песнопениями для массового исполнения.

Наряду с литургическим обучением верующих проводится и их «теологическое просвещение»: раскрывается смысл отдельных составных частей мессы, а также других церковных обрядов и церемониалов. Пояснениями сопровождаются все описываемые в «Литургическом молитвеннике» обряды и молитвы. Главное назначение «литургического обучения» и «теологического просвещения» — систематизировать существующие в сознании верующих хаотические религиозные идеи и представления.

В литовском варианте реформы литургии обновляется и молитва — один из важнейших элементов участия в богослужении. Созданы так называемые общие молитвы, посвященные всем важнейшим церковным праздникам и другим событиям в жизни верующих. Принцип их создания прост. Основную часть молитвы читает руководящий (духовник), верующие же хором подхватывают, например, такие слова: «Выслушай нас, господи!», «Помилуй нас, гос-

поди!», «Молитесь за нас!» и т. д. На литовском языке появилось много молитв и церковных песен, посвященных важным моментам жизни человека. Существенно отредактированы традиционные молитвы: устранены архаизмы, смысловые противоречия и т. д.

Немало модификаций претерпели таинства, известные в католическом культе под названием сакраментов. В католицизме их семь: крещение, причащение (евхаристия), покаяние, брак, священство, миропомазание (конфирмация), соборование. Это сложные и торжественные церемониалы, эмоционально воздействующие на верующих. Главное в модернизации таинств — изымание наиболее архаичных элементов. Например, в крещении устранено «дуновение» ксендза на ребенка, «помазание» его слюной, «скормление» солью. Все таинства теперь исполняются на родном языке.

Священнослужители хотели бы внедрить в быт верующих уже исчезнувшие или исчезающие религиозные традиции, которые церковь насаждала в условиях классово-антагонистического строя. В костелах усиленно пропагандируются «католические обычаи нашего края», преподносящиеся как национальные.

В реформе литургии ясно выражена тенденция оживить и обновить почти исчезнувшие семейные традиции, сформировавшиеся тогда, когда костел регламентировал всю жизнь человека от рождения до смерти. В литературе, предназначенной для реформы литургии, проглядывает мысль о том, что семьи верующих должны стать своеобразными филиалами церкви.

Утверждая, что празднование главных церковных праздников, таких, как пасха, рождество, — национальная традиция литовцев и в первую очередь семейная традиция, церковь апеллирует к чувствам человека, воспитанного на религиозных семейных традициях, тесно связанных с взаимоотношениями членов семьи, а потому очень живучих. Нередки случаи, когда в семьях, где религия уже утратила свое влияние, еще долго сохраняется традиция участия в религиозных праздниках. Объявляя религиозные праздники национальными, духовенство прилагает много усилий, чтобы оживить с их помощью религиозные чувства и настроения.

Церковь хотела бы, используя литургическую реформу, не только сохранить и укрепить религиозные семейные традиции, связанные с важнейшими моментами жизни человека, но и придать религиозный характер новым гражданским традициям, входящим в быт советских людей. Церковь стремится взять под свою опеку и такие семейные праздники, которым раньше она не уделяла внимания. Например, теперь верующим рекомендуется торжественно, с церковными обрядами отмечать дни рождения и именины, серебряные и золотые юбилеи и т. д. Для этого детально разработан специальный церемониал, созданы специальные молитвы.

Особое внимание в литургической реформе уделено ритуалам, связанным со смертью человека. В католической литературе Литвы раньше не было такого подробного описания похоронного обряда, какое есть в «Литургическом молитвеннике». Церковь учит верующих, чтобы квартира, где проводится отпевание умершего, стала своеобразной часовней. Кроме предназначенных для этого случая молитв, даны подробные пояснения, как верующие должны вести себя в момент кончины члена семьи, как обрядить покойного, как проводить его в последний путь, как организовать поминки.

Характерной чертой модернизации католицизма в Литве стало предоставление верующим большого числа различных послаблений. Не секрет, что современные католики не соблюдают многих религиозных запретов. Например, во время великого поста не соблюдается запрет слушать и смотреть передачи радио и телевидения, ходить в театры, кино, на концерты, участвовать в самодеятельности, учиться музыке и танцам. Поэтому церковь была вынуждена пойти на компромисс и узаконить то, что практически давно бытует в жизни паствы. По существу, аннулировано и требование соблюдать посты, поскольку большинство верующих по различным причинам от них отказались.

В буржуазной Литве церковь, имея неограниченные привилегии, по-своему трактовала смешанные браки (т. е. когда один из новобрачных некатолического вероисповедания). Новобрачному некатолического вероисповедания церковь, опираясь на силу буржуазного закона, не оставляла ни морального, ни юридического права воспитывать своих детей в духе другого вероисповедания и тем более в безрелигиозном духе. В «Новых правовых нормах смешанных браков», принятых коллегией ординаров католической церкви Литвы в 1970 году, от новобрачного некатолического вероисповедания не требуется письменное обещание крестить детей. Требование воспитывать детей в католической вере сопровождается оговоркой «поскольку это возможно».

Важный элемент программы обновления — усиление эстетического воздействия культовых зданий и обрядовых принадлежностей. Приведение в надлежащий вид храмов объявляется не только частью церковной деятельности, но и одним из способов пропаганды религии. Руководство католической церкви и духовенство уделяют большое внимание внешнему виду и внутреннему убранству костелов, состоянию культового имущества.

Литургическая реформа свидетельствует о том, что католическая церковь Литвы, сохраняя в неприкосновенности догматы и принципы вероучения, ищет новые приемы для воздействия на верующих, чтобы сохранить и оживить религиозные чувства и настроения. И несмотря на то, что литургические новшества пока не принесли желаемых плодов (более того, некоторые служители культа оценивают их как «несвоевременные для нашего края и наших дней»), богословы продолжают попытки придать религии более привлекательную форму, которая соответствовала бы вкусам, интересам, культурному уровню современных верующих, стремятся использовать при этом более тонкие и усовершенствованные средства, призванные усилить влияние религии, то есть способствовать тем процессам, которые В. И. Ленин образно назвал «подновлением» и «подчищением» религии *.

Поэтому пропагандистам атеизма следует раскрывать смысл и назначение нововведений. Те изменения, которые претерпевают католическое вероучение и культ, должны учитываться при выборе средств атеистического воспитания населения. А поскольку церковь возлагает особые надежды на подновленную религиозную обрядность, направляющую жизнь семьи, важное место должна занять пропаганда новой, советской обрядности.

---

* В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 27.

г. Вильнюс

Вы нас спрашивали...

КТО ТАКАЯ ЛИЛИТ?

Образ Лилит — весьма древнего происхождения. Ее имя встречается еще в ассиро-вавилонской мифологии, причем в трех формах — Пулу, Лилит и Ардат Лилит. Так называли злого демона женского рода, ведущего ночной образ жизни.

В Ветхом завете об этом упоминается один раз — в книге Исаии (гл. 34, ст. 14). Описывая ужасы дня мщения Яхве, пророк говорит о неком «ночном привидении». Так звучит текст в русском переводе Библии, а в древнееврейском подлиннике привидение названо именем — Лилит (видимо, от «лайл» — «ночь»).

В послебиблейской иудаистской литературе (Талмуд, Кабала) Лилит, враждебная людям дьяволица, занимает свое место в общей системе иудейской демонологии: духи, черти и «лилин». В средневековой раввинистической традиции с этим образом связан ряд сказаний и фантастических представлений. Лилит, крылатая женщина с длинными распущенными волосами, летает ночами и в виде совы. Ее козни направлены прежде всего против детей: она их похищает, а зачастую в грехе убивает. Однако в субботнюю ночь или в новолуние она настроена более благодушно: если ребенок смеется во сне, значит, Лилит с ним играет. Чтобы отогнать опасную посетительницу, надо легонько щелкнуть ребенка по носу и прочесть молитву. Порой Лилит является мужчинам во сне и склоняет их к греху. Ее дети пополняют собой армию чертей.

В некоторых талмудических трактатах Лилит выступает как мать злого бога Аримана или Анхра-Майнью — это явное влияние древнеперсидской религии.

Некоторые предания связывают Лилит с именем праотца Адама. По одной версии, она была с ним в течение тех 130 лет, когда Адам (по талмудическому же преданию) после грехопадения в раю должен был воздерживаться от близости с Евой. По другой версии, Лилит была женой Адама задолго до сотворения Евы. Бесчисленное множество детей Лилит — это якобы и были упоминаемые в Ветхом завете исполины.

Особо набожные иудаисты и в настоящее время оберегают себя от козней демонов вообще и Лилит в частности. У входа в жилище, в комнаты, особенно в те, где спят дети, прибивают и подвешивают к стенам бумажки или куски пергамента с начертанными на них молитвами-оберегами.

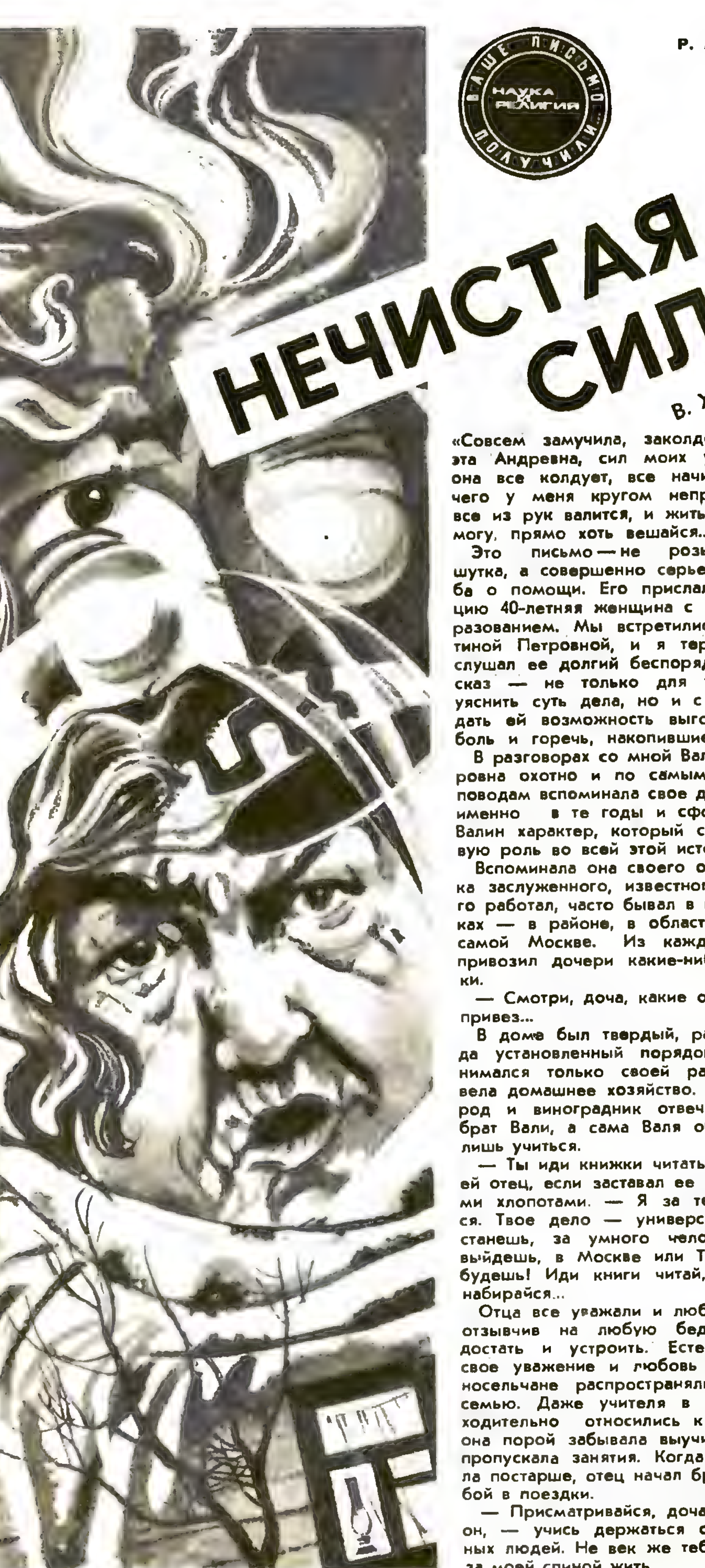

Рисунок Р. Авотина.

НЕЧИСТАЯ СИЛА

В. ХАРАЗОВ

«Совсем замучила, заколдовала меня эта Андревна, сил моих уже нет, а она все колдует, все начитывает, отчего у меня кругом неприятности и все из рук валится, и жить дальше не могу, прямо хоть вешайся...»

Это письмо — не розыгрыш, не шутка, а совершенно серьезная просьба о помощи. Его прислала в редакцию 40-летняя женщина с высшим образованием. Мы встретились с Валентиной Петровной, и я терпеливо выслушал ее долгий беспорядочный рассказ — не только для того, чтобы уяснить суть дела, но и с тем, чтобы дать ей возможность выговорить всю боль и горечь, накопившиеся в душе.

В разговорах со мной Валентина Петровна охотно и по самым различным поводам вспоминала свое детство. Ведь именно в те годы и сформировался Валин характер, который сыграл роковую роль во всей этой истории.

Вспоминала она своего отца, человека заслуженного, известного. Он много работал, часто бывал в командировках — в районе, в области, а то и в самой Москве. Из каждой поездки привозил дочери какие-нибудь подарки.

— Смотри, доча, какие обновки тебе привез...

В доме был твердый, раз и навсегда установленный порядок: отец занимался только своей работой, мать вела домашнее хозяйство. За сад, огород и виноградник отвечал младший брат Вали, а сама Валя обязана была лишь учиться.

— Ты иди книжки читать, — говорил ей отец, если заставал ее за домашними хлопотами. — Я за тебя напахался. Твое дело — университет, ученой станешь, за умного человека замуж выйдешь, в Москве или Тбилиси жить будешь! Иди книги читай, ума-разума набирайся...

Отца все уважали и любили. Был он отзывчив на любую беду, все мог достать и устроить. Естественно, что свое уважение и любовь к нему односельчане распространяли и на его семью. Даже учителя в школе снисходительно относились к Вале, когда она порой забывала выучить урок или пропускала занятия. Когда девочка стала постарше, отец начал брать ее с собой в поездки.

— Присматривайся, доча, — говорил он, — учись держаться среди солидных людей. Не век же тебе в деревне за моей спиной жить...

Вале очень нравились эти поездки — мягкие вагоны, нарядные гостиничные номера, обеды и ужины в ресторанах, общество известных людей, которые и к ней, Вале, относились столь же уважительно, радушно и дружески, как и к ее отцу.

До предела занятый своими делами, отец тем не менее всегда поддерживал Валины увлечения, вместе с нею строил захватывающие планы на будущее. Стоило Вале обронить, что она хотела бы научиться играть на пианино, как в доме появилось пианино, а с ним и преподавательница из районной музыкальной школы. Однако через несколько месяцев Вале наскучили бесконечные гаммы и нудное сольфеджио и она категорически заявила, что музыка ей не нравится, что ей больше хочется рисовать. На смену преподавательнице музыки появился местный художник. Потом было увлечение театром, балетом... Отец всякий раз огорчался, когда очередное увлечение проходило, но тут же загорался новыми планами. Трезвый и рассудительный в производственных делах, здесь он словно забывал весь свой жизненный опыт.

Нет, не могла Валентина Петровна в ту пору пожаловаться на свою жизнь. И лишь одно беспокоило ее — чем старше становилась она, тем труднее складывались ее отношения с одноклассниками, да и со сверстниками вообще. Как-то сторонились ее и ребята и девчонки. Когда она рассказывала о своих поездках с отцом, о том, с кем там общалась, ее выслушивали с явной неприязнью, а то и с насмешками. Тогда и она стала смотреть на одноклассников свысока и даже мстить им за их неприязнь при каждом удобном случае.

Выпускной бал разделил судьбу Вали на две части — легкое, веселое, беззаботное детство осталось позади, началась сложная и мучительная жизнь.

— Ну, доча, — спросил на другой день отец, — что будем делать, куда поступать?

Этот простой вопрос привел Валю в уныние. Надо было обязательно куда-нибудь поступить и так, чтобы утереть нос всем остальным выпускникам школы. Иначе в село не показывайся — при ее отношениях с одноклассниками засмеют. Но куда, куда?

Раньше Валя всерьез о будущем не задумывалась. В мечтах она представляла себя обязательно известной и знаменитой, но кем именно — не думала. И свою дальнейшую жизнь видела она такой, как поездки с отцом: мягкие вагоны, гостеприимные люксы, рестораны, общество известных людей.

На семейном совете было решено, что Валя пойдет по стопам отца — будет поступать в сельскохозяйственную академию в Москве. Вступительные экзамены она сдала неважно. Пришлось отцу срочно ехать в столицу и вести сложные переговоры, в результате которых Валя все же стала студенткой.

Будущую свою специальность она не любила и на первой же практике твердо решила, что агрономом работать не будет. Тянулась с курса на курс на спасительных «троечках», хваталась за учебники и конспекты лишь

перед самой сессией. С однокурсниками, как и со школьными товарищами отношения сложились неприязненные. В группе ее упрекали за то, что она, не любя своей будущей профессии и не желая учиться, занимает чужое место. Одним словом, в Москве ее жизнь не была ни легкой, ни красивой. Стипендии она не получала, а того, что каждый месяц посылал ей отец, хватало ненадолго, и она злилась, когда деньги кончались.

Приближалось распределение, вновь отец все уладил и увез дочь в родное село. Но ни жить в селе, ни работать агрономом Валентина Петровна не захотела. И снова отец устроил ее в областном городе инженером-технологом на консервный завод и даже дом ей купил — не мыкаться же дочери по частным квартирам.

Отношения с сослуживцами у Валентины Петровны почти сразу не сложились. Она в штыки принимала каждое критическое замечание в свой адрес, была болезненно самолюбива. В результате друзей на работе у нее не было.

Когда Валентина Петровна влюбилась горячо и, как ей показалось, безнадежно, опять же отец вмешался, поговорил с родителями парня и все устроил — Валя стала женой своего избранника. Однако счастья это не принесло. Вскоре после рождения сына муж покинул Валентину Петровну. Она осталась одна с ребенком.

— Да я и сама к тому времени разлюбила его,— желчно говорит она. — Что это за жизнь на 160 рублей? Почему я обязана во всем себе отказывать? А он сразу заявил, что жить, дескать, надо на свои заработки. Когда я что-нибудь покупала на отцовские деньги, он буквально зверел. А почему я должна была обижать отца, он ведь помогал от чистого сердца...

И без мужа Валентина Петровна заботами отца была устроена совсем неплохо. Но отец вскоре скончался от инфаркта (мать умерла еще раньше), и Валентина, получив наследство, осталась, как говорится, один на один с жизнью. Вот тут-то и начались злоключения, о которых она написала в редакцию.

У Валентины Петровны заболел сын. Его стали мучить припадки, он бился в судорогах, синел, задыхался. И всякий раз молодой матери казалось, что ребенок умирает. Валентина Петровна бросилась к медицинским светилам. Те собирали консилиумы высказывали рекомендации. Но ее решительно не устраивало длительное и канительное лечение. А тем временем Валентина Петровна прослышала от соседок, что в соседнем областном центре живет старушка, которая излечивает от чего угодно, которая всю твою жизнь — и прошлую и будущую — как по книге читает. Валентина Петровна стала допытываться, как к той старушке попасть. Через три недели под большим секретом ее наконец снабдили адресом «одной знакомой, которая, может, отведет тебя к ней».

Валентина Петровна в тот же день села с сыном в поезд. «Знакомая», выслушав условную фразу, окинула гостью внимательным взглядом. Потом они долго шли по узким безлюдным проулкам и проходным дворам. Валентина Петровна от усталости и волнения уже еле держалась на ногах, когда ее провожатая внезапно остановилась в невзрачном дворике и, постучав в тускло светящееся оконце, сказала:

— Сама просись...

Свет в оконце, мигнув, погас, занавеска отодвинулась — из глубины комнаты кто-то рассматривал Валентину Петровну. Ей стало не по себе. Она вдруг поняла, что стоит одна с ребенком в совершенно незнакомом городе, что надвигается ночь, что она даже не знает, как выбраться отсюда на людную улицу. Внезапно вспомнила о крупной сумме денег в сумочке, и страх обжег ей сердце...

За дощатой дверью раздался низкий женский голос:

— Кого бог послал?

— Я, — заторопилась Валентина Петровна, — я за помощью к вам.

Дверь распахнулась. В глубине темного коридорчика смутно виднелась человеческая фигура.

— Чего надобно-то? — грубо спросили из темноты.

— Да вот сын у меня... Помогите, сделайте милость...

— Лечить никого не лечу, только богу молюсь. Зря ехала, ступай с богом восвояси.

— Я заплачу... Я...

— Я божий человек, мне дьявольские бумажки ни к чему. Ступай с богом, пока порчу не напустила.

В коридорчик вышла еще одна женщина.

— Полно тебе, Андревна, — обратилась она к обладательнице низкого голоса, полной сутулой старухе, — пусти в дом, видишь, божий человек за помощью пришел.

— Если бы божий, то и был бы гожий, — пробормотала та, которую назвали Андревной. — Заходи уж... — буднично добавила она и побрела в комнату, тяжело волоча ноги.

Женщина, стоявшая на пороге, помогла Валентине Петровне и ее сыну раздеться, дала валенки — согреть промокшие ноги.

Тусклый свет керосиновой лампы скупо освещал небольшую продолговатую комнату. Дальний угол был густо увешан иконами в почерневших окладах. Справа стояла старая тахта, перед ней — обеденный стол. Слева — комод, на нем швейная машина, рядом — объемистый старинный сундук, покрытый домотканой скатертью, да несколько колченогих стульев.

Андревна, с трудом протиснувшись между столом и тахтой и что-то бормоча, села в угол под иконы. Мутные, ничего не выражающие ее глаза уставились куда-то в пространство.

Вместе с теплом на Валентину Петровну навалилась страшная усталость. Она хотела было взять на руки притихшего, испуганно озиравшегося по сторонам сынишку, но не смогла, лишь обняла его одной рукой, прижала к себе и без сил опустилась на сундук.

Анюта — так звали вторую женщину — вышла в соседнюю комнату, зазвякала, загремела посудой и вернулась обратно с кружкой.

— Выпей-ка вот чайку горячего с травкой, чай, он сразу и отогреет...

Валентина Петровна отпустила сына, взяла двумя руками горячую кружку. Вкуса чая она не ощутила, его забивали какие-то травы. Но выпила с удовольствием, быстрыми и жадными глотками, обжигаясь, наслаждаясь расходящимся по телу теплом. Усталость и вправду начала постепенно уходить. Чуть заметный звон возник в голове, четче стал восприниматься шум дождя за оконцем. Керосиновая лампа стояла уже не на столе, а сбоку и ниже, на стуле, оттого со стены нависла огромная грозная тень старухи да выражение ликов на иконах изменилось, словно бы насупились они, чем-то очень недовольные. Андревна, не отрываясь, смотрела на нее. Валентина Петровна попыталась отвести взгляд и, цепенея, поняла, что не может. Мутный прежде взор Андревны был теперь тяжелым и жестким, расплывшиеся черты лица подобрались, резко обозначились и приобрели сходство с иконописными ликами...

— Анюта, — крикнула Андревна, не отрывая пристального взгляда от Валентины Петровны, — иконку дай-ка ей чудотворную... А ты не сиди, как в кабинете у начальника, откинься к стене спиной-то, ноги вытяни. Что, удобнее так?

— Удобнее... — робко откликнулась Валентина Петровна.

— Да иконку-то держи двумя руками. Иконка-то чудотворная. От грехов наших тяжелеет. Ты вот думай о грехах перед господом да крепче держи ее — чем больше грехов вспомнишь, тем тяжелее иконка станет. А забудешь какой грех или иконку уронишь, непрощенными грехи останутся. Все вспомнишь да удержишь — грехи-то и отпустятся. Крепче держи. Крепче. Еще крепче!

Повинуясь приказу, Валентина Петровна изо всех сил сжимала икону.

— Теперь положи, — разрешила Андревна.

Валентина Петровна хотела разжать руки — и не смогла.

— Вот-вот! — удовлетворенно сказала Андревна. — Знать, не все грехи припомнила, вот они и держат!

Тут она махнула рукой, что-то повелительно произнесла, и иконка выпала из рук Валентины Петровны на сундук. (Забегая вперед скажу, что даже позже, когда Валентина Петровна рассказывала мне все это, она не могла объяснить, что же с ней происходило. Внушение — предположил я; наверное, так — согласилась она.)

— Все я знаю, — глухо заговорила Андревна, — все мне открыто в божьем мире милостью господа нашего. Слушай меня, гостья приблудная, слушай, кто ты есть и что с тобой было.

Лицо старухи, очертания комнаты — все вдруг начало расплываться, и лишь властный голос Андревны пробивался сквозь эту пелену.

Когда она вновь открыла глаза, было уже светло, Андревна мирно пила чай, а около сынишки Валентины Петровны хлопотала Анюта.

— Вставай, Валюша, чайку выпей, — благодушно пригласила Андревна.

После завтрака Андревна помолчала и, прищурившись, спросила:

— Как спалось? Не тревожило ли что?

Валентина Петровна замялась, не зная, что сказать.

— Кошмары мучили...

— Кошмары, говоришь? — переспросила Андревна и властно приказала:

— О том, что видела здесь, забудь. Будешь делать то, что скажу. А не будешь...

Она тяжело глянула на Валентину Петровну, у той все внутри сжалось от этого взгляда.

— С сыном твоим все будет в порядке. Через полгода как рукой снимет. Дух в нем тягостный от большого сглаза. Будешь каждую неделю приезжать за такой вот бутылкой...

Андревна подошла к шкафу и вынула из него бутылку с зеленоватой жидкостью.

— За неделю должен ее выпивать... Бутылка стоит 30 рублей. Да еще отчитывать его буду по книгам — это 20 рублей в неделю. А к врачам води и процедуры делай — пусть люди думают, что врачи вылечили, мне реклама ни к чему. Да деньги Анюте не забудь оставить.

— Андревна, — робко возразила гостья, — это ведь 200 рублей в месяц. Где же я деньги-то такие возьму, нам ведь и жить на что-то надо...

— Ты смотри у меня, — яростно обернулась к ней хозяйка, — помни, с кем говоришь!

Валентина Петровна побрела в соседнюю комнату, машинально положила на стол пачку пятирублевок, сняла с вешалки пальто и долго не могла попасть в рукав...

Дверь вновь распахнулась, и на пороге появилась хозяйка:

— Счастливого пути, Валюша, не забывай нас, старух, прости, если что не так...

Андревна опять была добра и ласкова, но Валентина Петровна ощущала под этой добротой что-то хищное и насмешливое. Она хотела схватить в охапку одетого Анютой сынишку и опрометью броситься вон отсюда, на улицу, но почему-то первый раз в жизни низко поклонилась, словно кто-то силой согнул ей голову и плечи, и дрожащим, прерывающимся голосом проговорила:

— Спасибо вам, Андревна... Спасибо, милая... Спасибо, родная...

— То-то, — удовлетворенно засмеялась Андревна и приказала Анюте: — Проводи гостью, чтобы дорогу следующий раз не забыла.

Проходным двором они быстро вышли на людную улицу. Валентина Петровна попрощалась с Анютой, поймала такси и удачно попала на проходящий поезд. И чем дальше ехала, тем сильнее зрела в ней решимость никогда больше сюда не возвращаться. Она уже панически боялась Андревну, но надеялась, что все как-нибудь само собой обойдется — она забудет про Андревну и Андревна забудет про нее.

Однако не обошлось...

В ту неделю все валилось у нее из рук и дома, и на работе. Чем ближе подступала суббота, тем больше Валентина Петровна нервничала, не решаясь порвать это знакомство и страшась новой поездки. Она поделилась своими опасениями с соседками. Те покачали головами, поохали и в один голос сказали:

— Ох, смотри, девка, с огнем играешь...

Мысль о возможной мести Андревны вселяла страх. Но тут Валентине Петровне неожиданно пришло в голову, что из дружбы с Андревной можно извлечь немалую пользу. Валентина Петровна часто ссорилась и на работе — с сослуживцами, и дома — с соседями. Ей всюду мерещились недоброжелатели. Она не умела прощать даже малейшую обиду. Естественно, что она часто находилась во взвинченном состоянии. Даже сын порой раздражал Валентину Петровну. Правда, время от времени ее охватывали приступы нежности, особенно когда ребенок заболевал, и тогда Валентина Петровна без всякой меры осыпала его игрушками, сладостями и ласками. Но приступы эти быстро проходили, и мальчик вновь переходил на попечение одной из соседок, которая когда-то взялась за плату сидеть с ним, пока Валентина Петровна была на работе.

Трудно жилось Валентине Петровне. Но меньше всего склонна она была винить в этих трудностях себя, свой характер. И потому в ее воображении стали возникать планы, один заманчивее другого: как с помощью Андревны отомстит она своим недругам, как все вдруг начнут уважать ее и бояться.

С радостным нетерпением ехала она к Андревне и, встретив дружелюбный, приветливый прием, окончательно возликовала. За этой поездкой последовала еще одна и еще...

Они действительно подружились, во всяком случае так казалось Валентине Петровне, для которой Андревна стала поверенной всех тайн и забот. Исповедь перед всему сочувствующей, все понимающей Андревной очищала ее от забот и тревог. Та дымила какими-то травками, кропила святой водой иконы и говорила, что все неприятности от Валюши отведет.

Конечно, для такого бывалого, опытного человека как Андревна, Валентина Петровна не была загадкой. Неприятности, о которых так взволнованно рассказывала молодая женщина, были для нее простенькими шарадами. Она давала Валентине Петровне практические житейские советы, следуя которым та как правило, улаживала свои неприятности. Но делала это Андревна так умело, что у Валентины Петровны каждый раз оставалось ощущение: уладилось все только благодаря чарам Андревны. А поскольку Валентина Петровна не была склонна к анализу житейских ситуаций, то впечатление это, многократно повторяясь, переросло в убеждение, которое Андревна всячески поддерживала.

Еженедельные 50 рублей она, не прерывая разговора, небрежно кидала в ящик старинного буфета.

Впрочем, и Валентина Петровна, для которой собственный душевный покой и здоровье сына были дороже денег, отдавала деньги без сожаления. А сын действительно поправлялся. Через шесть месяцев от его болезни не осталось и следа. Но Андревна на всякий случай продлила курс лечения еще на два месяца, с чем молодая женщина охотно согласилась. Дружба эта была Валентине Петровне необходима, под ее защитой она чувствовала себя почти так же надежно, как когда-то за спиной отца.

Лечение уже закончилось, но Валентина Петровна по-прежнему ездила к Андревне, каждый раз привозя ей какой-нибудь подарок. Время от времени она заставала в доме посетителей, но в таких случаях хозяйка тут же выпроваживала гостью погулять, а от расспросов уклонялась. Валентину Петровну удивляло, что при всем своем могуществе Андревна живет бедновато, ей было даже как-то неудобно за свое материальное благополучие, и она незаметно клала во время каждого посещения 10 рублей в ящичек буфета, куда старуха убирала плату за лечение.

Когда Валентина Петровна приезжала взволнованная очередной ссорой с соседками или сослуживцами, Андревна давала ей бумагу, карандаш и велела писать имена своих обидчиков. Затем Андревна несколько раз прочитывала имена — с начала до конца и наоборот, — долго бормотала что-то себе под нос, брызгала на бумагу водой из бутылки причудливой формы и швыряла бумагу в открытую дверцу печки, пояснив перед этим, что не сами люди обидели Валентину Петровну, а вселившаяся в них нечистая сила.

— Видишь, как горит, как корчится в божьем огне нечисть, рвется из бумаги, мечется, да заговор ее не пускает. Гори, окаянная сила, пропадай пропадом!.. А ты смотри в огонь-то, смотри, не отрываясь, запоминай, как горят, уходят в дым и пепел твои беды...

Смотреть на огонь она заставляла долго, пока не прогорала печка, после чего выгребала золу, и Валентина Петровна выбрасывала щепотку золы в форточку.

Доведись Валентине Петровне присутствовать на подобном сеансе «колдовства» до знакомства с Андревной она только посмеялась бы. Но теперь все ее представления о возможном и невозможном настолько сместились и спутались, что каждое слово и действие Андревны казались ей исполненными особого смысла. А ведь манипуляции Андревны с бумагой, огнем и пеплом были не чем иным, как своеобразным приемом внушения. И Валентина Петровна легко поддавалась ему.

Утром хозяйка спешила быстренько выпроводить гостью, ссылаясь на усталость, на дела, на плохое самочувствие. Валентина Петровна не обижалась. Ей вполне хватало вечернего и далеко за полночь разговора.

Прошло больше года с тех пор, как Валентина Петровна впервые постучалась в квартиру Андревны. За это время она хорошо изучила нрав Андревны и научилась потакать старухе не хуже Анюты. Часто ли, редко ли приезжала Валентина Петровна, но 40 рублей в месяц она регулярно Андревне выплачивала. При этом она сама не могла бы сказать, что именно руководило ею: жалость ли к бедности Андревны и ее наперсницы, или желание задобрить Андревну, не потерять ее расположение и дружбу...

Как-то весной Валентина Петровна особенно долго не могла выбраться к Андревне и потому не очень удивилась, увидев на крылечке своего дома Анюту, которая время от времени заезжала к ней с поручением достать что-то из дефицитных вещей или продуктов. Однако на этот раз Анюта, расспросив о житье-бытье, сказала, что

Андревна заскучала без своей Валюши и наказала звать в гости.

...Андревна встретила Валентину Петровну со всем радушием и лаской, на которые была способна. Даже клубничное варенье поставила на стол, чего за все знакомство ни разу не случалось — чай всегда пили с тем, что привозила Валентина Петровна. Засиделись, как обычно, за полночь, а когда Анюта, прикрывая ладошкой рот и крестя его после каждого зевка, отправилась спать, Андревна, понизив голос, завела разговор:

— Забыла ты меня, старуху, совсем забыла... А я о тебе думаю, молюсь за тебя. Ох, маешься ты, Валюша, одна, как перст, как рябинушка на околице, и некому, кроме меня, старухи, поддержать тебя, горемычную, не на кого тебе опереться. Да и сладко ль, девка, в твои-то годы в холодную постель ложиться... Ох, замуж бы тебя, Валюша, выдать. Тогда и я, старуха, могла бы спокойно помереть — знала бы, что устроена ты в жизни...

В голосе хозяйки было столько сочувствия и искренней заботы, что Валентина Петровна, за минуту до того и не помышлявшая о новом замужестве, вдруг пригорюнилась и с тоской в голосе откликнулась:

— Да ведь где же такого человека-то найдешь, чтобы душу твою понял, чтобы не за деньги, а за сердце полюбил... И стара уж я — за тридцать, да еще с ребенком... Спасибо тебе, Андревна, за ласку твою, за заботу, да, видно, одна ты у меня на свете...

— Ну полно, полно тебе, Валюша, — растроганно сказала Андревна. — Я тут карты раскидывала и кровь черной курицы с кровью белой мешала. Выходит по всему, что есть у тебя суженый! И любить тебя будет и нежить, только опять мешает кто-то твоему счастью, на него начитывает да на тебя, чтобы встреча, назначенная вам, не состоялась, чтобы прошли вы мимо счастья своего...

— Андревна, родная, постарайся,— попросила ее Валентина Петровна. — Кроме тебя-то ведь некому. А я всю жизнь буду перед тобой в долгу неоплатном!

— Ох, девка, — тяжело вздохнула, сдаваясь, Андревна, — ох, боюсь а ну как не справлюсь? И сама измучаюсь, и деньги твои прахом пойдут...

— Да бог с ними, с деньгами, Андревна...

— Ну смотри, — недоверчиво покачала головой хозяйка. — Значит, так. От сего вечера ровно через два месяца и два дня подойдет к тебе на набережной человек. Одет он будет... — она задумчиво пожевала губами, что-то соображая или припоминая, и деловито обрисовала: значит, одет он будет в коричневый костюм, белую рубашку, красный с искрой галстук, коричневые туфли и фетровую шляпу. Над левой бровью — небольшой шрам. Лет ему сорок. Звать... Сейчас скажу. — Она раскрыла старинную книгу и, всматриваясь в черную вязь букв, сообщила:

— Зовут его Николай Егорович Чижов, живет в Харькове, работает на заводе главным инженером.

«Странно как-то, — подумала Валентина Петровна, — все знает — и как зовут, и где живет, и кем работает. Будто анкета перед ней из отдела кадров. И даже во что одет, где шрамик. Странно...»

— Что это я все о делах да о делах, — круто повернула разговор Андревна. — Устала ты, видать, Валюша, по лицу вижу, что устала и нездорова, не жалеешь себя. Я тебе сейчас травки горяченькой дам, травка-то она особая, на росной поляне собрана, на святой водичке настоена...

Зареклась ведь Валентина Петровна пить у Андревны ее травку, а все-таки пила — боялась обидеть отказом. И каждый раз после этого приходила в какое-то странное состояние: всю ночь ее потом мучили кошмары, после которых наутро вставала опустошенная, с тяжестью в голове и во всем теле. Сначала она думала, что травка настоена на спирту — пробуждение было похоже на похмелье, но затем убедилась по вкусу, что спирта в хозяйской настойке нет. Спросить не решалась — Андревна расспросов не любила.

Не смогла Валентина Петровна отказаться от травки и в этот раз. Да ей и не хотелось отказываться: состояние безмятежной легкости манило ее, заглушая страх ночных видений и тяжесть утреннего пробуждения. Но в эту ночь кошмары ее не мучили.

Утром Валентина Петровна поднялась с хорошим настроением. В конце концов, рассудила она, Андревне виднее, что и как. Правда, в глубине души мелькнула мысль о деньгах — шутка ли, Андревна запросила почти тысячу рублей. Но Валентина Петровна тут же загасила искру сомнения.

Два месяца прошли без особых приключений. Валентина Петровна наведывалась к Андревне каждую субботу. В один из таких дней она все же решила сказать Андревне, что та заломила слишком высокую цену. Однако осуществить это намерение не удалось. Андревна вдруг заохала, принялась жаловаться на усталость, тут же принесла свою травку. Валентина Петровна выпила настойку, и ее сразу бросило в сон. «Завтра поговорю», — вяло подумала она.

Утром Валентина Петровна равнодушно отдала Андревне деньги, которые отдавать не собиралась. Анюты в тот раз в доме не было, а хозяйка на вопрос о ней пробурчала:

— Шляется где-то по своим делам...

Больше Валентина Петровна Анютой не интересовалась. Каково же было ее удивление, когда дома сын вдруг сказал, что он хочет карточку.

— Какую карточку?

— Твою... Как у бабы Анюты, которая у бабы Андревны живет...

Валентина Петровна принялась расспрашивать сына. Выяснилось вот что. В субботу, поздно вечером его разбудил стук. Дверь в соседнюю комнату была приоткрыта, и он увидел, как соседка, которая ухаживала за ним, впустила бабу Анюту. Они обнялись и расцеловались. Анюта вошла в комнату, взяла с маленького столика семейный альбом Валентины Петровны и стала листать его.

— Вот как раз то, что нужно, — шепотом сказала она соседке, выдирая что-то из альбома.

— А не заметит?

— Другого выхода нет, — пожала плечами Анюта. — Без фотографии все прахом пойдет.

Они принялись пить чай, и мальчик заснул.

Валентина Петровна схватила альбом. Одной из ее фотографий в нем не было... В ближайшую субботу она отправилась к Андревне с твердой решимостью объясниться. Старуха опять была дома одна.

— А где Анюта? — нервно спросила Валентина Петровна.

— Что это ты, Валюша, встрепанная такая? Не поздоровалась путем, одежу не сняла? — хищно, по-кошачьи Андревна надвигалась на Валентину Петровну.

— Зачем Анюта фотокарточку мою украла?

— А вы не встретились?! — мгновенно переменила тон Андревна. — Я-то думаю, что это вы порознь... Это же я, Валюша, Анюту за твоей фотографией посылала. Думала, вы вместе и вернетесь, а она, видать, припозднилась, вот и не застала тебя, пришлось, без тебя взять. Да ты раздевайся, присаживайся, сейчас я чайку с травкой заварю, за чаем-то и поговорим — новости у меня большие, оттого и фотография твоя срочно понадобилась...

Дальше все пошло привычным путем. Утром, уезжая, Валентина Петровна вспомнила, что не привезла очередную порцию денег.

— Что за беда, — махнула рукой Андревна, — в следующий раз отдашь...

В следующий раз эти деньги она действительно отдала, несмотря на то что вновь готовилась к серьезному разговору. Но прежней решимости в ней уже не было, и каждую субботу она сначала откладывала разговор до удобного момента, а потом, выпив травки, и вовсе забывала про него.

За неделю до назначенной встречи с женихом Валентина Петровна вдруг спохватилась: взяла на несколько дней отпуск за свой счет и бросилась в ателье, по магазинам, в салон красоты... И к назначенному дню выглядела очень хорошо. Валентина Петровна с утра отвела сына к соседке, заперлась у себя в комнате и долго плакала, лежа на тахте. Но к вечеру успокоилась, нарядилась, причесалась, подкрасилась и, не чуя под собой ног, отправилась на набережную...

Штормило, и огромные теплоходы поскрипывали белыми бортами о причалы. Из белых рупоров гремели песни. Из распахнутых дверей многочисленных кафе и закусочных налетали запахи шашлыков и кофе. Ветер раздувал плащи и сметал шляпы многочисленных курортников.

Валентина Петровна несколько раз прошлась по набережной, внимательно вглядываясь в гуляющих мужчин.

И увидела ЕГО! Навстречу ей шел мужчина лет сорока в коричневом костюме, коричневых туфлях, и красный галстук искрился на фоне белоснежной рубашки, и над левой бровью ясно виден был небольшой шрам. И шел он навстречу Валентине Петровне, широко и радостно улыбаясь, словно наконец-то они встретились после многолетней разлуки.

— Николай Егорович Чижов, — поклонившись, представился он, — живу в Харькове, работаю главным инженером

завода. Холост. Вот мы уже наполовину и познакомились. И если вы не возражаете, я вас провожу.

На следующий день, едва Валентина Петровна, закончив служебные дела, вышла на улицу, к ней подошел Чижов и протянул большой букет роз.

— Откуда вы узнали, где я работаю? — настороженно спросила она. Ее подозрительность, вдруг ярко вспыхнувшая, подсказывала, что надо повернуться и уйти, прервав это странное знакомство.

— Случайность, Валюша, счастливая случайность, — весело ответил Чижов, — шел мимо, смотрю, вы выходите...

— И розы тоже случайность?

— А вот розы как раз не случайность. Да берите же, а то вы меня в неудобное положение ставите перед прохожими.

Валентина Петровна подумала и взяла букет.

Они встречались теперь каждый день и подолгу бродили по набережной. Чижов был неизменно галантен, весел и добродушен, Валентине Петровне было с ним легко и радостно. Так прошла неделя, другая, третья... Несколько раз Чижов пытался обнять Валентину Петровну. Она мягко, но решительно уклонялась, и он всякий раз обращал все в шутку.

Как-то она рассказала Чижову про Андревну, как та предсказала их знакомство (про замужество она умолчала). Неясная тень набежала на открытое лицо Чижова.

— Полно тебе, Валюша, — сказал он, хмурясь, — ты ведь умная, образованная женщина, а веришь в такую чепуху.

— Да какая же это, Коля, чепуха, — разволновалась Валентина Петровна, — если все, что она предсказывает, все сбывается. Она же вот и тебя предсказала, откуда же она про тебя-то знала?

— Давай, Валюша, больше об этом не говорить. Не верю я во всю эту мистическую чушь, да и тебе советую забыть о ней.

Он мягко притянул к себе Валентину Петровну и обнял ее. Валентина Петровна хотела было привычно отстраниться, но вдруг сама потянулась к нему.

Утром Николай Егорович попросил Валентину Петровну быть его женой. Она расплакалась, понесла какую-то околесицу о том, что все вокруг — злые, жестокие и бессердечные, и закончила тем, что должна подумать, прежде чем решиться на такой серьезный шаг. Валентина Петровна вновь вспомнила про Андревну, спохватилась, что почти месяц не была у нее. В первую же субботу она предложила Николаю Егоровичу вместе наведаться к старухе.

— Вот увидишь, Коля, — убеждала она жениха, — человек она необыкновенный. И черную магию знает, и белую, и каждому может сказать, что с ним было и что будет.

— Бог знает, что ты, Валюша, говоришь,— с раздражением отбивался Николай Егорович. — Такое дремучее суеверие, что дальше и ехать некуда. На кой ляд нам с тобой эта старуха?

— Ты, Коля, меня не любишь. Стоит мне тебя о чем-то попросить, как ты тут же поперек. Не получится у нас с тобой семья!

— Да ты что, Валюша, — всполошился Чижов. — Разве я тебе в чем отказывал? Ну хорошо, ну поедем, если ты так хочешь, только тогда уже не сегодня, а завтра. Сегодня я никак не могу...

— Чем же это ты занят? — подозрительно уставилась на него Валентина Петровна.

— Понимаешь... — заметался Чижов, — я важную телеграмму жду.

— Ну хорошо, — уступила Валентина Петровна, — к Андревне завтра, а сегодня... А сегодня морская прогулка на «Ракете». Идем скорее, мы уже опаздываем!

— Подожди, Валюша. А когда мы вернемся?

— Вечером, Коленька, часов в семь-восемь.

— Но мне же надо на почту, я же говорил, что жду важную телеграмму...

— Никуда твоя телеграмма не денется! И опять ты, Коля, споришь со мной!

Николай Егорович лишь развел руками...

Но вечером он прямо с причала бросился на почту. Валентина Петровна хотела было пойти вместе с ним, но он решительно настоял, чтобы она подождала его на набережной.

На следующий день они выехали часов в девять утра, достав билеты на скорый поезд. Валентина Петровна была весела, что с ней случалось весьма редко. В отличие от нее Чижов на протяжении этих двух часов, что они ехали, разговор поддерживал рассеянно, словно бы нехотя. Чувствовалось, что мысли его витают где-то далеко. Валентина Петровна вскоре это заметила и обиженно замолчала.

— Ты, Валюша, не обращай на меня внимания, — спохватился он. — У меня на заводе сложная ситуация, вот я об этом и думаю...

Чем ближе подходили они к дому Андревны, тем сильнее нервничал Николай Егорович. И когда Валентина Петровна хотела было постучать, он остановил ее и категорически отказался идти.

— Ты что, Коля, боишься ее, что ли? — удивилась Валентина Петровна. — Ничего плохого она нам не сделает...

— Нет, нет, Валюша! Ты, конечно иди — посиди, поговори со старушкой, а меня уж уволь! Я на море подожду подумаю о своих делах. Да ты не спеши — мне торопиться некуда.

Валентина Петровна озадаченно пожала плечами и постучалась.

— Здравствуй, Валюша, — зарокотала Андревна. — Давненько не заглядывала. Ну да мы не в обиде. Ночная кукушка, говорят, всегда дневную перекукует.

— А мы так поняли, что вы вдвоем приедете, — удивленно сказала Анюта. — Чего же было зря будить среди ночи телеграммой... — и осеклась под пристальным, тяжелым взглядом хозяйки..

— И что же, что разбудила, не велика беда, — подхватила добродушно Андревна. — Это мне вдруг откровение: телеграмма приснилась, что приедут завтра Валюша со своим милым. Вот я Анюту и разбудила, сказала ей. — Она бросила взгляд на Анюту и продолжала: — Значит, вечером-то вдвоем собирались, а утром-то не заладилось, вот ты одна и приехала.

— Да нет, — обеспокоенно возразила Валентина Петровна, — приехали-то мы вдвоем и пришли вдвоем, только Николай Егорович постеснялся к вам зайти.

— Ну и ладно, — подхватила опять Андревна. — Да и то, какой ему интерес с нами, старухами, сидеть!

Возвращались поздно вечером. Николай Егорович всю дорогу был весел, слегка подшучивал над Валентиной Петровной и ее верой в потусторонние силы. А на следующий день она согласилась стать его женой.

Будущее представлялось Валентине Петровне благополучным и счастливым. Она предполагала продать свой дом и на эти деньги купить в Харькове кооперативную квартиру (выяснилось, что Чижов живет в трехкомнатной квартире с двумя своими незамужними сестрами), мебель, машину. Траты эти ее не страшили. Ей уже виделось, что у нее с Николаем Егоровичем будет двое детей — мальчик и девочка. Да еще сынишка самой Валентины Петровны. Трое детей — ну как тут обойдешься без дачи. Этими планами она, конечно же, поделилась с Николаем Егоровичем, и он с энтузиазмом их поддержал...

Валентина Петровна уволилась с работы и переехала с сыном в Харьков. Вскоре, к глубокому ее разочарованию, выяснилось, что детей у них не будет. Однако Чижов уверял ее, что еще не все потеряно — он лечится, и все у них будет так, как задумано.

Зарабатывала Валентина Петровна не меньше, чем прежде, но денег в доме не хватало. Поначалу она еще посылала то 20, то 30 рублей в месяц Андревне, но Николая Егоровича это злило, да и не оставалось у нее теперь свободных денег.

Вечная нехватка денег приводила Николая Егоровича в уныние, а у его сестер вызывала возмущение. Впрочем, оно проявилось не сразу, а лишь после того, как окончились неудачей попытки Николая Егоровича уговорить жену продать дом.

— Ты пойми, Валюша, — втолковывал он ей, — пока ты дом не продашь, нас в кооператив на очередь не поставят.

В Валентине Петровне проснулась былая подозрительность. Чем сильнее настаивал муж на продаже дома, тем решительнее отказывалась она это сделать до рождения ребенка.

— Собственный дом жильцам сдает, а мы тут из-за нее должны жаться, как иваси в банке! — кричала старшая сестра.

— Катя, прекрати! Как тебе не стыдно! — возмущался Чижов.

— И ты тоже хорош! — накинулась на него младшая. — Сколько шума-то было! Как же, богатая невеста, одно наследство чего стоит, дом на море собственный да апельсины с мандаринами...

— Замолчи, дура! — заорал побледневший Николай Егорович.

— А чего молчать-то? Правильно! Все тебе, дураку, устроили, все на блюдечке поднесли, разжевали, в рот положили, а ты даже проглотить не можешь! Что же это за жена, если она деньги от мужа на стороне держит,

над каждой копейкой трясется. Пусть катится. Нам тут и без нее тесно. Ишь, примчалась на все готовенькое...

Чижов вернулся в комнату бледный и растерянный. Но здесь на него, как разъяренная тигрица, накинулась жена.

— Значит, я на все готовенькое примчалась? Богатую невесту тебе подыскали? Кто тебе подыскал, кто? — в исступлении кричала она.

— Валюша, успокойся, ради бога! — умолял Николай Егорович.

— Кто подыскал? Кто? — билась в истерике Валентина Петровна.

— Да глупости это, Валюша, — чуть не плакал Чижов.

— Кто, говори, кто?

— Ну, сестры подыскали, сестры! — с тоской выкрикнул Николай Егорович.

— Как же это они подыскали-то меня? — тихо спросила Валентина Петровна, медленно опускаясь на стул.

— Как, как — устало, с досадой сказал Николай Егорович, — через каких-то старух да через твою же разлюбезную Андревну. Заплатили ей немало и еще обещали. Она и фото твое приспала...

Валентина Петровна зашлась в плаче. Чижов молча смотрел в окно. Отплакавшись, она встала, одела притихшего сына, оделась сама и, ни слова не говоря, ушла из квартиры. Ночь они провели на вокзале, а на следующий день Валентина Петровна сняла комнату и подала заявление о разводе. Получив развод, вернулась к себе в город...

Когда Валентина Петровна перестала посылать Андревне деньги, та писала ей жалобные письма о своем трудном житье, просила не забывать ее. Однако свободными деньгами Валентина Петровна теперь не располагала, к тому же Андревна была далеко и могущество ее в глазах Валентины Петровны заметно потускнело. А после того, как выяснилась истинная цена пророчества о замужестве, в ней поднялась такая злость, что остатки страха перед старухой растворились в этой злости, словно горсть снега в кипятке.

Ох, не надо было Валентине Петровне мчаться к Андревне! Не надо было пылать праведным гневом и представлять, как отомстит она за свои разбитые надежды, за свою горькую, неудавшуюся жизнь, как швырнет в лицо Андревне обвинение в шарлатанстве и вымогательстве. Ей бы сесть спокойно, подумать над своей жизнью и сделать справедливые и разумные выводы. Но, увы, не таков характер Валентины Петровны.

На условный стук открыла Анюта. Отстранив ее, Валентина Петровна ворвалась в квартиру. Все здесь было по-прежнему. Под иконами за столом сидела Андревна. На сундуке притулилась незнакомая пожилая женщина с отечным скорбным лицом. Валентина Петровна, подойдя к столу, громыхнула о него что было силы кулаком. Женщина испуганно охнула, сзади раздался предостерегающий окрик Анюты:

— Валентина!

Но Валентине Петровне сейчас было на все наплевать. Она сама еще не знала, что скажет и сделает, но, чувствуя, как волна безрассудного гнева захлестнула ее, глянула прямо в глаза Андревне, ожидая найти в них растерянность и страх, и отшатнулась — столько презрения и уверенности в своей власти было в них.

— Сядь! — глухо приказала Андревна, и Валентина Петровна послушно опустилась на стул.

— Анюта, погуляй с гостьей, — распорядилась хозяйка, — нам с Валентиной потолковать надо.

Женщина суматошно засуетилась и торопливо выбралась на улицу.

— Ну, — прервала молчание Андревна, — натешилась с молодым муженьком? Забыла все добро, что я тебе сделала? Помирай, мол, с голоду! Вот я за гордыню-то твою и развела вас...

— Ложь! — закричала Валентина Петровна. — Все ложь! Ты — паук, пиявка! Ты сосала из меня деньги! А я, дура, верила тебе!

Она проклинала хозяйку самыми страшными словами, требовала вернуть деньги, угрожала посадить ее в тюрьму... Затем, опустошенная неистовым своим взрывом, нетвердыми шагами добрела до сундука, рухнула на него и зарыдала в голос.

— Дура ты, дура, — презрительно покачала головой Андревна. — Как была дурой, так и осталась. — Она говорила беззлобно, скорее даже сочувствуя.— Ну ладно, потопала, покричала. Как дальше-то жить будешь?

Новая волна бешенства накатила на Валентину Петровну:

— Ты, ты, ведьма проклятая, еще спрашиваешь? Деньги давай сюда, слышишь? Все! До единого рубля!

— Да ведь нет у меня, Валюша, денег-то, — кротко развела руками хозяйка. — Сама видишь, в какой нищете живу!

— Это ты врешь, — с ненавистью сказала Валентина Петровна. — Есть у тебя деньги, есть. Ты и мои-то прожить еще не успела, да ведь я у тебя не одна такая дура.

— Есть, да не про вашу честь, — насмешливо глянула на нее Андревна. — Там, где они есть, ни один угрозыск не найдет, не то что ты, дурочка приблудная.

— Найдут, кому надо, найдут...

— Так ведь если даже и найдут — Андревна вновь стала кроткой и печальной, — так ведь мои деньги-то найдут, а не твои!

— Но там и мои!

— Нет у меня, Валюша, твоих денег, — с сожалением ответила Андревна, — нет и не было никогда. Не давала ты мне ни копеечки. А ведь могла бы подкинуть иногда старухе рублишко-другой за тепло ее, за ласку душевную...

— Как же так? — задохнулась от возмущения Валентина Петровна.

— Да уж так, Валюша. Разве кто-нибудь видел, как ты мне деньги давала?

— Грех тебе, Андревна...

— Под молитвой грех — что пустой орех...

— Ты же в бога веруешь!

— Бог-то он бог, да и сам не будь плох.

Андревна откровенно издевалась над Валентиной Петровной.

— Я про твою аферу с замужеством расскажу!

— Ты-то расскажешь, Валюша, да кто подтвердит?

— А хоть бы и Чижов!

— Ты, Валюша, словно дите малое. Нешто он враг самому себе? Нет, Валюша, некуда тебе идти, некому жаловаться. Только посмеются над тобой, над глупостью твоей. А если хочешь деньги свои вернуть, берись помогать мне, потихоньку все и вернешь. За мной вон и Анюта, и Вероника, ты ее, правда, не знаешь, да еще несколько человек кормятся. Но они бабы темные, неграмотные. А мне такая вот, как ты, помощница нужна — молодая, с дипломом. Договорились?

— Ну нет! — побледнела Валентина Петровна. — Помогать?! Я тебя на чистую воду выведу, кровопийцу! Я тебе...

— Хватит! — оборвала ее, приподнимаясь над столом, Андревна. — Сиди, как сидишь, сиднем сиди, не сходя, запомни, пока сидишь, ты — тлен, прах предо мной, червь земляной, сиди, пока сидишь, не будет тебе теперь ни здоровья, ни удачи ни в чем... Со мной спорить взялась... А ну, вон отсюда! — резко крикнула она и махнула рукой.

Валентина Петровна, словно кто поднял ее с сундука, опрометью вылетела из квартиры.

Слова старухи о том, что не будет у нее теперь ни здоровья, ни удачи в любом деле, прочно засели в памяти.

Вернувшись домой, она не удержалась и рассказала о своем визите к Андревне соседке, когда та привела к ней сына. Вряд ли Валентина Петровна рассчитывала на сочувствие, ей просто необходимо было выплеснуть накопившиеся в душе раздражение, злость и страх.

Соседка, неодобрительно поджав губы, молча наблюдала за беснующейся Валентиной Петровной и, улучив паузу, осуждающе заметила:

— Ой, девка, не тебе тягаться с Андревной...

— А, — закричала Валентина Петровна, — и ты с ней заодно? Я помню, помню, как вы с Анютой мою фотографию из альбома украли. Я все помню! Вон отсюда! Вон! И чтоб ноги твоей в моем доме больше не было!

— Ох, горе-то какое! — насмешливо всплеснула руками соседка. — Да как же я жить-то теперь буду без твоих милостей? Только уж не обессудь — с сынишкой-то сама теперь возись! Так-то вот!

«Как же я теперь с сыном буду?» — растерянно подумала Валентина Петровна. И тут новая мысль сразила ее — вот оно, пророчество-то сбывается!

Теперь каждая житейская неурядица, любая неудача в чем-либо, а их при ее сложном характере и полном неумении строить свои взаимоотношения с окружающими было предостаточно, воспринимались ею как результат «колдовства» и «начитывания» Андревны. С болезненным страхом вслушивалась она в собственные ощущения. И стоило где-нибудь кольнуть, как Валентина Петровна в панике бросалась к врачам. Постепенно она пришла к убеждению, что ее подтачивает какой-то серьезный недуг. Она и в самом деле выглядела плохо — исхудала, дергалась, постоянно жаловалась. Однако врачи никаких болезней у нее не находили. Нервы... Нервы... — таков был единодушный приговор. Валентина Петровна врачам не верила.

Так прошел год. Андревна не подавала о себе никаких вестей.

Между тем Валентина Петровна ре-

шила начать борьбу с Андревной: ходила из одной организации в другую, долго, бессвязно рассказывала о своих взаимоотношениях с сослуживцами, соседями, о врачах, которые убеждают ее, будто бы у нее все болит только на нервной почве, а она серьезно больна... И что все это колдовство и начитывание Андревны.

Если бы Валентина Петровна рассказала об афере с замужеством, о том, как старуха вытягивала у нее деньги, возможно, что милиция и заинтересовалась бы «деятельностью» Андревны. Но ни о замужестве, ни о деньгах Валентина Петровна не упоминала. Все это она считала уже несущественным, для нее было важно одно — чтобы Андревну посадили в тюрьму и тем самым прекратили ее колдовство.

На всякий случай опросили соседок — о них Валентина Петровна сказала, что они могут все подтвердить об Андревне. Соседки, конечно же, ничего не подтвердили. Сказали только, что слышали, ездила Валентина Петровна к какой-то бабке-знахарке, а что и как — знать не знают. На том дело и закончилось.

Передо мной была измученная, издерганная женщина. Требовалось немало терпения, чтобы в горячечных, беспорядочных ее жалобах уловить какой-то смысл, шаг за шагом восстановить историю ее жизни. Мы много беседовали с Валентиной Петровной о суевериях, о народной медицине, издавна использующей такие травы, как, например дурман и черный паслен, имеющие наркотическое действие и способные вызывать галлюцинации, о внушении, применяемом как в народной, так и в профессиональной медицине, о гипнозе и психологических тестах и, главное, о том, почему Валентина Петровна из обычного «клиента» Андревны превратилась в ее жертву.

Побывал я и у бывшего мужа Валентины Петровны. Николай Егорович Чижов лишь усмехнулся, выспушав мои расспросы: да, встретил Валентину Петровну на набережной — отдыхал там. Случайно встретил. Понравилась — вот и познакомились. Ни о каком наследстве не слышал. Андревна? Бывшая жена что-то говорила про знакомую колдунью, но он уже не помнит...

«Могущественную» Андревну я застал разбитую параличом. Анюта на все мои вопросы отвечала одно: знать ничего не знаю и ведать не ведаю. Да, приезжала Валентина Петровна много раз, а о чем они там с Андревной говорили, бог весть.

Сама Андревна отнеслась ко мне настороженно, но потом мне удалось разговорить ее. И вот что она о себе рассказала.

Давным-давно, в самом начале века, мать ее, полуцыганка-полуполька, отстала от табора, влюбившись в студента из состоятельной семьи. Однако студент вскоре исчез, оставив на память о себе лишь будущего ребенка. Табор был далеко, средства к существованию исчезли вместе с возлюбленным, и молодая женщина стала зарабатывать на жизнь единственным способом, который был ей знаком и привычен, — гаданием. Случай свел ее со старой знахаркой — местной знаменитостью, нуждавшейся в молодой и расторопной помощнице. Знахарка пользовала травами, заговорами, внушением и наложением рук, причем не всех подряд, а выбирая больных по каким-то одной ей известным признакам. Многим отказывала, но уж если бралась — то помогала. Свое умение передала она сначала новой помощнице, а потом и ее дочери, оказавшейся на редкость способной ученицей. К маленькой Тане старуха искренне привязалась. Весной, летом и осенью бродила с девочкой по лугам и рощам, собирая травы и рассказывая об их свойствах. Родственников у знахарки не было, и, умирая, она оставила своей помощнице, помимо профессиональных секретов, дом и сбережения...

В отличие от старухи, сердобольно и сочувственно относившейся к пациентам, помощница своих «клиентов» особенно не жаловала. Если старуха придерживалась своеобразной и твердой таксы, с учетом состоятельности клиента, то ее преемница старалась ошеломить и припугнуть больного, чтобы получить с него побольше. С первого же взгляда она привычно определяла, кто перед ней — крестьянин ли, мещанин, купец или обедневший дворянин. По нескольким фразам точно угадывала, откуда пожаловал «клиент», — диалектов и говоров она наслушалась всяких и благодаря хорошему слуху и цепкой памяти умела их различать. Далее следовало несколько как бы случайно оброненных фраз, служивших своеобразными тестами. По таким же мимолетным ответам хозяйка безошибочно узнавала, женат человек или холост, есть ли у него дети, хозяин самому себе или находится у кого-то в услужении, беден или состоятелен, образован или неграмотен, прост или себе на уме. Потом шли в ход карты. Тасуя и раскидывая колоду, хозяйка сыпала присловьями и прибаутками, зорко наблюдая за посетителем. И если для него это было лишь своего рода присказкой, на которую он реагировал машинально, ожидая главного, ради чего пришел сюда, то для хозяйки эти минуты были самыми напряженными — она проверяла и уточняла свои выводы о пациенте.

Удостоверившись в том, что ей было необходимо, хозяйка, опять-таки глядя не столько на карты, сколько на посетителя, ошеломляла его рассказом о том, кто он такой, откуда приехал, какая у него семья и чем болен.

Таня обычно сидела в сторонке, внимательно вслушиваясь и вдумываясь во все, что происходит. В свое время знахарка открывала ей свои «секреты», как по лицу, по дыханию; по фигуре и по жалобам больных отличить одну хворь от другой, как определить, когда еще можно помочь, а когда уже нельзя, каких признаков следует опасаться, а какие свидетельствуют, что дело идет на лад.

После революции «практика» резко сократилась, но совсем не угасла и давала средства к существованию даже в самые голодные годы. Тем не менее своей дочери гадалка хотела дать образование, благо появились для этого возможности. И школьная учеба, и музыка, и в особенности живопись давались девочке легко. Таня успешно окончила школу, уехала в Ленинград и поступила в художественное училище.

Занималась она живописью с редкостным прилежанием и усердием. Причиной тому была не столько ее любовь к искусству, сколько стремление во всем взять верх над сверстниками. Но здесь ее постигло разочарование. Те задания, на которые она тратила уйму упорного труда, большинство ее товарищей выполняли будто играючи, а главное, гораздо лучше ее.

Внешне Таня осталась такой же — чуть надменной, снисходительно ироничной и усердной в учебе. Но теперь все ее незаурядные способности были направлены на то, чтобы отомстить за себя. Она вспомнила об уроках внушения, которые ей когда-то давала бабка, начала тренироваться и вскоре обнаружила, что дело пошло на лад.

За время учебы Таня прочитала о гипнозе все книги, какие сумела достать, побывала на многих сеансах, внимательно наблюдая за действиями гипнотизеров, цепко запоминая все приемы и отрабатывая их потом на своих подругах. Те очень боялись Таниных опытов, но еще больше боялись рассердить ее отказом.

Закончив училище, она вернулась домой и пыталась заниматься живописью, но постепенно охладела к ней. Зато теперь она охотно помогала матери. После ее смерти Таня перебралась в теплый черноморский городок. Иногда бралась за живопись, но в основном занималась «клиентами». В ее душе одновременно уживались и жалостливое бабкино отношение к больным, и насмешливо-презрительное — ее матери. Так незаметно прошли молодые годы. Таня превратилась в Андревну...

О своей жизни Андревна рассказывала с удовольствием, даже с каким-то вызовом, поставив единственное условие — ничего не записывать. Я про себя подивился ее откровенности, но она, угадав мои мысли, усмехнулась.

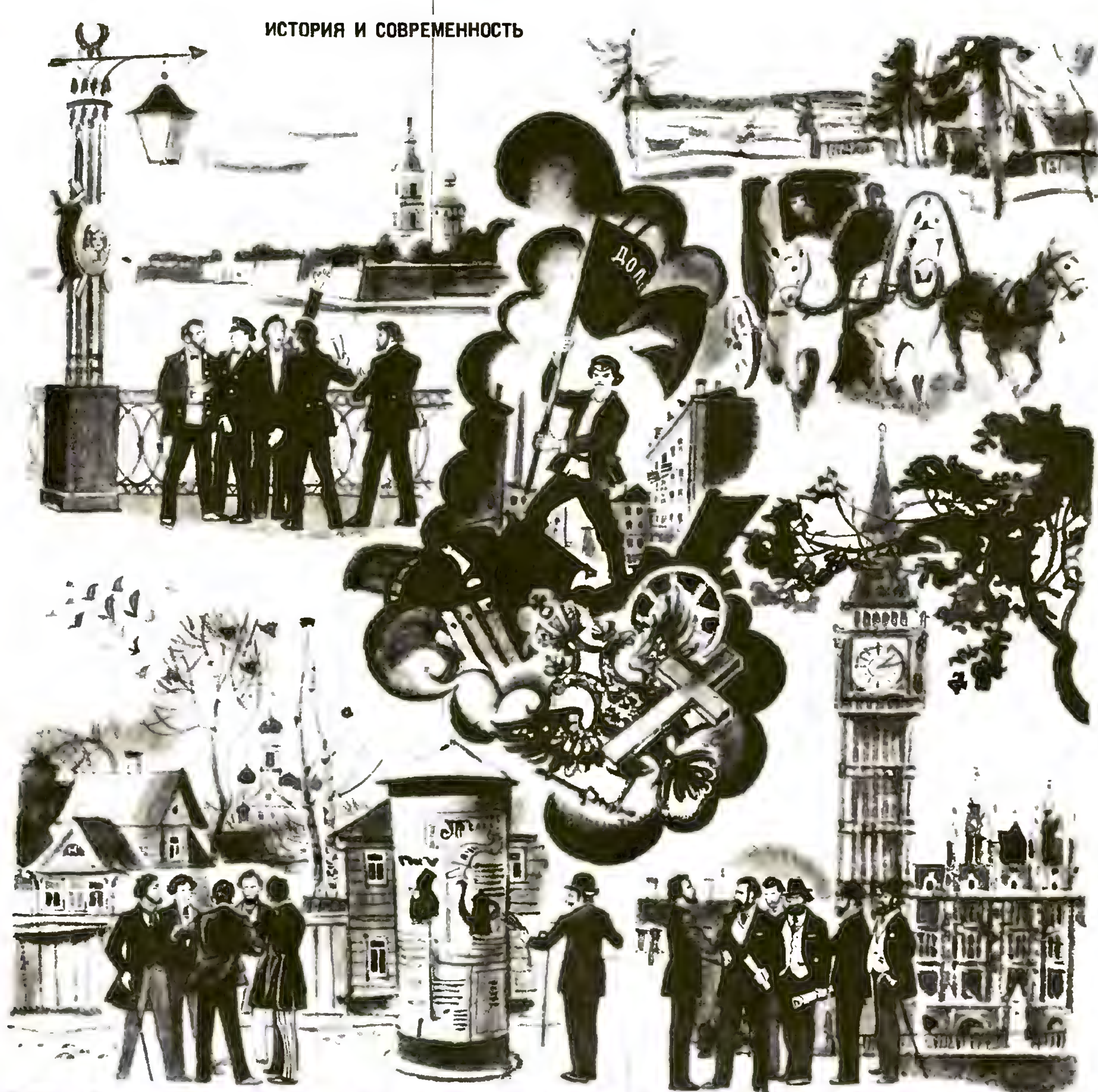
— Что ж вы мне можете сделать? Слова к делу не пришьешь, а доказать, что я вам что-то рассказала, не сможете. А послушать — послушайте! Вам ведь такие люди, как я, наверное, не встречались. Вы все про шарлатанов привыкли фельетоны писать. А я-то ведь не шарлатанка. Я многое могу такое, что вам и не снилось... Впрочем, не могу, а могла, — добавила она с грустью и помолчав: — А с Валентиной вы зря маетесь — ничем вы ей не поможете. Она сама себя всю жизнь жевать будет, а на других жаловаться. Сколько я таких повидала...

О встрече с Андревной, о жалком ее состоянии я написал Валентине Петровне. Вскоре от нее пришел ответ:

«Андревна, говорят, понемногу поправляется. Правда, нога и рука пока плохо действуют. А ну как совсем поправится да опять начнет на меня начитывать? Что мне тогда делать? Как от нее защититься?..»

Я развел руками: значит, впустую мы столько с ней беседовали, зря тратил я время, пытаясь разобраться в этой истории... И я подумал, что, может быть, взглянув на все со стороны, Валентина Петровна увидит в истинном свете и себя, и Андревну, и свои страхи.

Я изменил имена всех действующих лиц и не называю городов, где живут Валентина Петровна и Андревна.

ВОИН НОВОБРАННЫЙ

Ф. НИКИТИНА, кандидат философских наук

Рисунки Р. Авотина.

ПРОПАЖА

КОГДА 8 июня 1849 года жандармы прибыли на квартиру ранее арестованного петрашевца Николая Александровича Спешнева, чтобы изъять типографское оборудование, они обнаружили в кабинете только четыре пустых ящика — «два ящика с доской простого белого дерева и два ящика, оклеенные ореховым деревом». Вдобавок исчезли и кое-какие документы. Члены вскоре созданной специальной комиссии по разбору бумаг арестованных петрашевцев пропажею не заинтересовались. Ведь книг, писем, дневников, записок — словом, документов различного рода в их распоряжении было так много, что других улик антиправительственной деятельности М. В. Петрашевского и его друзей и не требовалось. Об этом постарались лучшие специалисты сыска, вошедшие в следственную комиссию. Во все детали расследования лично вникали император и шеф жандармов, он же начальник III отделения граф Орлов. Усердствовал управляющий делами III отделения Дубельт. Расследовал «преступные замыслы» арестованных известный сыщик министерства внутренних дел Липранди.

Типография (хотя она и фигурировала в докладах следственной и военно-судной комиссий) не упоминалась ни в тексте приговора последней, ни в приговоре генерал-аудиториата. Ничего не сказано о ней и в окончательном приговоре по делу петрашевцев, опубликованном 22 декабря 1849 года.

Петрашевцев осудили и жестоко на-

казали. Прошли многие годы. В начале XX века первый русский историк, получивший доступ к их следственным делам, В. И. Семевский, обратился к обстоятельствам непонятной пропажи. Каким образом из кабинета Спешнева, опечатанного в ночь с 22 на 23 апреля 1849 года, исчезли типографский шрифт и документы? Да и были ли они? Что же удалось установить исследователям?

Ныне можно более или менее точно воссоздать картину происшедшего на квартире Спешнева после его ареста. Как только жандармы схватили и увезли петрашевца, его мать, не потерявшая самообладания, отправила посыльного к юному другу сына — Николаю Мордвинову. Выход из положения был найден. Чтобы не повредить оставленную жандармами сургучную печать, были сняты две створки двери кабинета. Мордвинов забрал с собой типографский шрифт и те из документов, которые могли повредить арестованным. Дверь повесили на место, а изъятое Мордвинов надежно спрятал у себя дома. Позднее квартиру Мордвиновых обыскивали, но бегло. Ведь отец Николая — Александр Николаевич Мордвинов — был сенатором, да, к тому же бывшим управляющим делами III отделения!

А в квартире Мордвиновых был также припрятан типографский станок, собранный петрашевцами

Мужественное поведение Спешнева, всячески выгораживавшего Мордвинова, спасло молодого человека от наказания. Следственная комиссия ограничилась тем, что только привлекла его к допросу, однако под секретный надзор он попал.

ДРУГ ПОЭТА

Николай Александрович Мордвинов (1827—1884 гг.), средний сын управляющего делами III отделения, позднее произведенного в сенаторы, получил отличное по тем временам образование, свободно владел французским языком, увлекался литературой. Поступив в 1843 году в Петербургский университет, Мордвинов сблизился со своим однокурсником поэтом А. Н. Плещеевым. Они вместе ходили на лекции, обменивались книгами, беседовали о сокровенном. В 1846 году поэт посвятил своему приятелю стихотворение:

...Люблю, что все в тебе так чуждо
принужденья,
Как безотчетно ты порою увлечен,
Как искренне твое участье,
сожаленье,
А этот звонкий смех,
как откровенен он!

И не походишь ты на юношей-
педантов,
На этих мудрецов, отживших
в цвете лет,
В которых чувство спит
под пылью фолиантов,
Которым все равно, хоть гибни
целый свет!

Ты не таков. В тебе есть к истине
стремленье,
Ты стать в ряды защитников готов,
Ты веришь, что придет минута
искупленья,
Что смертный не рожден
для скорби и оков...

Примерно в 1846 году Мордвинов через Плещеева познакомился с Петрашевским и стал посещать знаменитые «пятницы». Радикально настроенные петрашевцы жаждали действий. Они пытались продолжить начатое декабристами, создать революционную организацию. Петрашевцы хотели лучше понять народ, помочь крестьянству осознать его бедственное положение. И когда наконец придет время, — возглавить народное восстание. Ради этого члены кружка изучали состояние прогрессивных сил в стране, обдумывали теорию революционных действий, переводили на русский язык сочинения западных социалистов, писали пропагандистские листовки, создали подпольную типографию.

Живой и начитанный Мордвинов пришелся по душе многим петрашевцам. Он пользовался особенным вниманием Спешнева — человека, о котором в Петербурге ходили легенды. Вернувшийся из-за границы богатый красавец-помещик был известен смелыми взглядами. Спешнев много занимался философией, открыто называл себя атеистом и коммунистом. Сторонник революционной борьбы и создания тайной революционной организации, в дискуссиях он резко критиковал либералов. По мнению некоторых исследователей, Спешнев, был знаком с основоположниками марксизма, читал «Манифест Коммунистической партии».

Этот человек оказал сильное влияние на формирование мировоззрения Мордвинова. Большое впечатление на студента производили рассуждения старшего товарища о том, что такое атеистическое миропонимание и, в частности, о том, как следует атеистам относиться к верующим. Спешнев сознавал, что формирование у народа материалистического мировоззрения — дело долгое и трудное, что поспешность тут вредна; неумелый подход, резкий разговор о религии может оттолкнуть верующих. Он считал главным для России консолидацию всех сил, способных на борьбу против крепостного права и самодержавия, призывал всех честных людей — и атеистов и верующих — быть в одном строю. Спешнев решительно возражал тем петрашевцам, которые считали такой союз неприемлемым. Поставив себя в положение убежденного христианина, он писал другу: «Если Вы отталкиваете меня только потому, что у меня иное миросозерцание, что я совсем иначе, чем Вы, смотрю на весь мир, то Вы заведомо лишаете себя силы...» И далее: «Вы считаете, что вся византийская метафизика, которая у меня в голове, — это сущий вред? Хорошо, но кто мешает Вам осудить ее после того, как мы достигнем того, к чему мы с Вами стремились, — или, более того, кто мешает Вам в одно и то же время по одному вопросу быть на моей стороне, а по другому вопросу — против меня?» [1].

Среди петрашевцев юный Мордвинов держался скромно. Речей не произносил, высказываться в спорах не спешил, все внимательно слушал и запоминал. Мордвинов бывал на вечерах у Плещеева, позднее — у С. Ф. Дурова, присутствовал на обеде у Спешнева во время чтения пропагандистской листовки П. Н. Григорьева «Солдатская беседа», причем сам вызвался переписать ее. На очередной «пятнице» у Петрашевского Мордвинов слушал чтение Ф. М. Достоевским письма Белинского к Гоголю.

До недавнего времени Мордвинова не называли в числе инициативных петрашевцев. И было непонятно, почему в беседе с А. Н. Майковым в 1848 году Ф. М. Достоевский, тогда активно участвовавший в делах петрашевцев, перечисляя тех, кто составлял их деятельное ядро, указал на Мордвинова. Исследования советских ученых подтверждают сказанное Достоевским и таким образом уточняют наши представления об этом интересном человеке. Теперь известно, что Мордвинов с энтузиазмом принял идею Спешнева о создании подпольной типографии и стал одним из наиболее деятельных ее организаторов. Сейчас уже нет сомнения в том, что именно он предоставил свой кабинет для сбора типографского станка и принимал непосредственное участие в подготовке литературы для тайного распространения.

В 1971 году саратовский историк И. В. Порох опубликовал документы, отобранные у Мордвинова в 1855 году, а также и оставшиеся у него со времени участия в кружке петрашевцев. В их числе был, как установлено мною, сделанный вместе с Плещеевым перевод памфлета французского христианского социалиста Фелисите Робера де Ламенне (1782—1854 гг.) «Слова верующего».

«СВОБОДА ЕСТЬ БОГАТСТВО НАРОДОВ»

Перевод 42 глав книги Ламенне (18 выполнены характерным почерком Мордвинова) хранится в Центральном государственном архиве Октябрьской революции в материалах 1-й экспедиции III отделения за 1855 год в деле № 269 под названием «О представленной дьяконом Алексеем Митропольским безымянной записке возмутительного содержания». Ни заголовка труда, ни имени автора, а тем более переводчика — нет. В описи, составленной управляющим делами III отделения, документ числился за номером 12, как «рукопись преступного содержания. Рассуждение о равенстве и о том, что цари произошли от змия».

Мордвинов сказал об этой рукописи следователю: «Не знаю, что такое, и не помню, чье это» [2]. Конечно, он сказал неправду! Он не мог забыть долгие часы, потраченные на перевод сочинения христианского социалиста.

Во время следствия по делу петрашевцев имя Ламенне упоминалось в связи с чтением на церковнославянском языке учителем А. П. Милюковым одной из частей памфлета Ламенне в кружке петрашевца Дурова. Думается, что в основе того перевода лежала начальная часть этого сочинения, озаглавленная автором «К народу». Чтение Милюкова получило высокую оценку Ф. М. Достоевского, считавшего, что речь Ламенне у петрашевца стала выразительнее, чем в оригинале. На следствии писатель умело отвел удар от одного из переводчиков запрещенной в России книги. Именно одного, поскольку сейчас нам известно: переводчиков было трое: Мордвинов, Плещеев и Милюков.

Перевод был сделан зимою — весною 1848—1849 годов — в период наиболее активной деятельности кружков петрашевцев.

Чем французский христианский социалист заинтересовал петрашевцев?

---

[1] «Философские и общественно-политические произведения петрашевцев». М., 1953. стр. 492.

[2] Цит. по: И. В. Порох. История в человеке (Н. А. Мордвинов — деятель общественного движения в России 40—80 годов XIX в.). Саратов, 1971, стр. 39.

Ламенне — фигура противоречивая. Сначала противник революции и сторонник теократии, позднее он отказался от монархических убеждений и ратовал за создание «новой религии», способной организовать общество в соответствии с христианскими идеалами. Социализм Ламенне был своего рода протестом против утверждавшихся капиталистических отношений. Но этот протест сосуществовал с идеей извечной греховности человека, с верой в пришествие Христа и силу провидения. Надежда на революционную активность народа сосуществовала с верой в загробное воздаяние.

Противоречивость позиции западного социалиста отмечали основоположники марксизма. Энгельс с большим уважением писал о том, как в 1848 году Ламенне клеймил предательство буржуазии. Наряду с этим вместе с Марксом Энгельс считал христианского социалиста одним из «увлекающихся католицизмом политических фантазеров»[3].

Противоречивость свойственна и главному произведению Ламенне «Слова верующего». Он критикует социальное неравенство, осуждает эгоизм власть имущих, но одновременно дает совет охранять частную собственность. Обращенный к народу призыв становиться в ряды борцов за свободу сосуществует с назиданиями морально совершенствоваться и уповать на волю бога.

Мордвинова и Плещеева привлекало у французского социалиста возмущение социальной несправедливостью, гнев против царей, презрение к угнетателям, прославление свободы. Хотя Ламенне и не был сторонником народной революции, радикально настроенные петрашевцы хотели использовать его памфлет для пропаганды революционных идей. Они рассчитывали своим истолкованием евангельских притч, столетиями служивших эксплуататорам, вызвать у простых людей чувство непримиримости к угнетателям, готовность с оружием в руках бороться за счастье на земле. Даже мистическая форма изложения, к которой прибегал западный автор, казалась им полезной. Обращение к богу расценивалось как удачный способ разговора с темным народом, для которого бог — высший авторитет.

Мордвинов восклицал вслед за Ламенне: «Свобода есть богатство народов», «Свобода есть слава народов». Он с удовольствием перевел главу, где был использован образ «воина новобранного» — идеал убежденного и непреклонного борца за торжество справедливости:

Воин новобранный, куда ты идэшь?
Я иду сражаться за справедливость,
за святое дело народов,
За святые права рода человеческого.
Благословенно твое оружие, воин
новобранный!

Воин новобранный, куда ты идешь?
Я иду сражаться, чтобы освободить
братьев моих
От притеснений, чтобы разбить
их оковы и оковы мира.
Благословенно твое оружие, воин
новобранный!

Воин новобранный, куда ты идешь?
Я иду на неправых людей, за тэх,
кого поборют и топчут...
На господ за рабов, на тиранов,
самовластительных притеснителей,
за свободу...[4]

«Воином новобранным» считал себя Мордвинов. Он готовился подписать

А. И. Герцен. С фотографии 1840 г.

Н. Г. Чернышевский. С фотографии 80-х годов.

подготовленный Спешневым «Проект обязательной подписки для членов тайного общества», где были слова: «По извещении от Комитета обязываюсь быть в назначенный день, в назначенный час в назначенном мне месте обязываюсь явиться туда и там, вооружившись огнестрельным или холодным оружием, или тем и другим, не щадя себя, принять участие в драке и как только могу споспешествовать успеху восстания»[5].

Мордвинов, как и его друзья-единомышленники, понимал, что политическую борьбу против самодержавия нужно дополнить борьбою против религии и церкви, его освящавшей. Такого рода настроения не покинули Мордвинова и после разгрома кружков петрашевцев.

Оставшись без близких по духу и дорогих по сердцу товарищей, Мордвинов не отказался от борьбы за социальную справедливость против престола и алтаря. Он сближается с экономистом Н. А. Милютиным, автором известной работы «Пролетарии и пауперизм в Англии и Франции», опубликованной в 1847 году в журнале «Отечественные записки». Не удовлетворенный уходом либералов от насущных проблем внутренней жизни страны, Мордвинов пишет критическую статью, где доказывает, что главным для государства остается вопрос об отмене крепостного права. Более того, он решает собственными силами продолжить революционную пропаганду, начатую петрашевцами. Для этого Мордвинов использовал свои поездки от хозяйственного департамента министерства внутренних дел, где находился на службе с осени 1849 года в качестве чиновника особых поручений. Н. А. Добролюбов писал о Мордвинове тех лет: «Он ездил по России, распространял сочинения и идеи Искандера»[6].

Петрашевец пропагандировал не только сочинения Искандера-Герцена. Он использовал целую подборку стихотворений о Родине и свободе Н. Языкова, А. Хомякова, Е. Ростопчиной, Н. Некрасова, анонимную стихотворную прокламацию-обращение к казакам:

Опомнитесь, братья! На жертву
свободы
Несите, как прежде, геройскую кровь
И сердце раскройте внушеньям
природы
И жизнью купите потомства любовь!..

Тем, к кому Мордвинов чувствовал доверие, он давал читать пушкинскую оду «Вольность», в которой поэт подчеркивал связь престола и алтаря, предрекал, что религия не спасет самодержцев от народного гнева. На дошедшем до нас списке оды «Вольность» Мордвинов сбоку приписал строки, ходившие тогда по рукам под именем Пушкина:

Народ мы добрый позабавим,
И у первого столба,
Кишкой последнего попа,
Последнего царя удавим![7]

Все это не прошло мимо «всевидящего ока». В ноябре 1855 года в Тамбове, когда Мордвинов передавал для чтения рукописную записку либерала Б. Чичерина «Восточный вопрос с русской точки зрения», он был арестован. Началось следствие. Первое знакомство с захваченными документами Мордвинова вызвало ярость царских чиновников. Но Мордвинову повезло. Следствие по его делу совпало с восшествием на престол Александра II и некоторой либерализацией государственной жизни. Царское окружение охотно поддерживало разговоры о «благости» нового государя, а император был не прочь продемонстрировать свое «мягкосердечие». Так как арест Мордвинова стал многим известен, Александр II «милостиво» распорядился его освободить: пусть все видят либерализм царя! Однако каждый шаг петрашевца теперь фиксировался в III отделении.

ТАЙНЫЙ КОРРЕСПОНДЕНТ А. И. ГЕРЦЕНА

Во второй половине 50-х годов прошлого века либералы уповали на царские реформы. Мордвинов же все более

---

[3] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 5, стр. 149; т. 4, стр. 6.
[4] ЦГАОР СССР, оп. 1855 г., I эксп. III отделения, ед. хр. 269, л. 204, 202, 203.
[5] «Дело петрашевцев», т. 3. М. — Л., 1951, стр. 445.
[6] Н. А. Добролюбов. Дневники 1851—1859 гг., изд. 2. М., 1932, стр. 118.
[7] Это четверостишие, французские аналоги которого восходят ко времени Великой французской революции, исследователи и сейчас, с известной долей сомнения, считают пушкинским; в собраниях сочинений поэта оно публикуется в разделе «Dubia» среди произведений, относительно которых авторство Пушкина не может считаться вполне доказанным.

убеждался в бесплодности надежд на императора. Главной своей задачей он по-прежнему считал разоблачение самодержавия, нисколько не изменившегося с приходом к власти нового царя. Петрашевец становится тайным корреспондентом герценовских изданий — «Колокола» и «Искры». В Лондон из Саратова, где в это время служил Мордвинов, начали поступать анонимные корреспонденции о бунтарских выступлениях крестьян, о зверствах крепостников-помещиков, своекорыстии чиновников, взяточничестве генерал-губернатора Игнатьева.

Уже первые сообщения Мордвинова вызвали интерес издателей «Колокола». В номере от 1 февраля 1860 года было помещено специальное объявление-благодарность саратовскому анониму: «С искренней благодарностью извещаем мы пославшего, что мы получили все документы по делам о крестьянских восстаниях и все другие бумаги, посланные с ними. Равно и письмо о генерал-губернаторе Игнатьеве».

Мордвинов решил встретиться с Герценом лично. Летом 1860 года он тайно покинул Россию и прибыл в Лондон. На острове Уайт во время совещания по поводу проекта И. С. Тургенева о создании в России «Общества для распространения грамотности и начального образования» Мордвинов наконец-то увидел создателя вольной русской прессы за границей. Либеральные проекты (их было немало, и одним из них был проект Тургенева) петрашевца не увлекали. Наиважнейшим для себя считал он разоблачение царизма и подготовку молодежи к грядущим боям.

Мордвинов передал Герцену ряд материалов. На их основе в «Колоколе» появилась целая серия острых сатирических заметок, как-то: «Помещица — ненавидящая и помещик, любящий своих рабов» и другие.

«НЕМАЛЫЙ И ВРЕДНЫЙ АТЕИСТ»

В Саратове Мордвинов организовал группу прогрессивно мыслящей интеллигенции. Летом 1859 года он познакомился с приехавшим в родной город Н. Г. Чернышевским. Беседы с ним не прошли для петрашевца бесследно. Они способствовали укреплению передовых взглядов Мордвинова, по словам Чернышевского, «человека безукоризненной честности и большого ума»[8]. Не без влияния Чернышевского Мордвинов остался в лагере врагов царизма и после отмены крепостного права. В 1862 году он встретился с прибывшим в Саратов народовольцем А. А. Слепцовым и активно поддержал его просветительские замыслы. Через магазин Н. А. Серно-Соловьевича по инициативе Мордвинова стали выписываться прогрессивные издания для распространения в народе.

Что бы тогда ни происходило в общественной жизни Саратова, — конфликт между гимназистами и учителями-реакционерами, появление антиправительственных листовок, усиление атеистических настроений среди молодежи, — все становилось известно в III отделении и соотносилось там с именем Мордвинова.

В город был направлен царский флигель-адъютант с особыми полномочиями. Мордвинова затребовали в Петербург для назидательной беседы, но и это не остановило петрашевца! Летом 1863 года он принял участие в создании рабочей ассоциации, по типу предложенной Чернышевским в романе «Что делать?». И опять полетели в III отделение доносы: «Мордвинов, лицо известное по своему вредному направлению, тайно руководил устройством общин и способствовал распространению между рабочими коммунистических идей». И еще: «Мордвинов также немалый и вредный атеист».

В 1865 году Мордвинов был уволен со службы и последние годы жизни провел в Самаре, где пользовался большой популярностью среди молодежи. Он по-прежнему живо интересовался событиями внутренней и внешней жизни страны, мечтал о счастливом будущем своей многострадальной Родины.

Думается, что до нас дошло далеко не все, связанное с прогрессивной деятельностью этого замечательного человека. Но и то, что известно, свидетельствует о мужественной верности Мордвинова передовым идеям своего времени, о его высоком понимании общественного долга. Мордвинов был близок к революционерам-демократам, он оставался верен своим демократическим убеждениям даже тогда, когда на карту ставилась его жизнь, судьба семьи и близких.

[8] Н. Г. Чернышевский. Избр. фил. соч., т. 2. М., 1950, стр. 676.

Кузнец Дорофей и богородица

Самобытны в своей неброской красоте старинные псковские церкви. Суровый быт пограничной земли сказался и на церковной архитектуре. В древности церкви в Пскове служили не только для молений, но и для хранения важнейших документов, драгоценностей, оружия и пороха, были складами для объединений ремесленников. В них проводились также сходки, а иногда и пиры-братчины. В связи со всем этим помещения их обрастали многочисленными пристройками. Дела мирские и «божьи» тут тесно переплетались...

Когда читаешь старинные документы, то невольно обращаешь внимание на то обстоятельство, что религиозные чувства наших предков сочетались с большой долей практицизма. Были, разумеется, и церковные фанатики, и кликуши, и юродивые, и «чудотворные иконы», и «святые мощи». И все-таки к «царю небесному» чаще всего псковичи обращались с конкретными просьбами о помощи в военных, производственных и торговых делах.

Псковичам очень хотелось, например, привлечь духовенство к военной службе. В 1495 году на вече они крепко ругали служителей культа за отказ нести воинскую повинность, или, как говорится в летописи, «сильно деяти над священники... и хотели попов кноутом избесчествовати, Ивана священника рожественьского и Андрея, и в одних роубахах стояли на вечи». Однако духовенству удалось отговориться. Сурово обошлись псковичи в 1509 году и с пономарем церкви святой Троицы Иваном, который выкрал из казны 400 рублей. Пономаря высекли публично кнутом, заключили в тюрьму, а потом сожгли.

К «Повести о прихожении Стефана Батория на град Псков» тесно примыкает «Рассказ («видение») псковского пушечного кузнеца Дорофея». «Видение» кузнецу было в самом начале осады города войсками Стефана Батория в августе 1581 года. Речь тут идет о «пречистой богородице», которая в трудные дни обороны пришла через вражеские заставы в Псков, побывала в церкви Покрова, а потом поднялась на городскую стену и, расположившись на раскате, стала «творить» чудеса. Вызвала к жизни давно умерших князей, в том числе и Довмонта, сурово поругала захватчиков, после чего обратилась якобы непосредственно к Дорофею.

О чем же «говорила» богородица с кузнецом?

Были в словах божьей матери, разумеется, и религиозные мотивы — вроде того, чтобы псковичи «носили на стену по вся дни образ пречистые богородици печорской старый» да беспрестанно молились. Но были и чисто практические советы по обороне. «И глагола пречистая богородица кузнецу: «Старец, иди и скажи воеводам, чтобы поставили пушку трескотуху в нижнем бою, которая ныне вверху стоит, на том же раскате...» Потом богородица сказала Дорофею, куда и каких пушкарей направить, обратила его внимание на королевский шатер, который не самый пышный и высокий, а низкий, по нему-то и надо, мол, палить из пушек.

В общем, указания богородицы в основном носили чисто практический и конкретный характер — как лучше расставить пушки и куда стрелять. «Видение псковского пушечного кузнеца Дорофея» было создано с ведома руководителей обороны Пскова и выполняло в ту пору агитационную роль, способствовало мобилизации жителей на отпор врагу. И не случайно секретарь походной канцелярии Батория ксендз Я. Пиотровский, получив сведения от пленных, пишет в «Дневнике» о том, что «Шуйский возбуждает в городе народ, говоря, что какому-то нищему старику явилась ночью божия матерь и убеждала граждан храбро защищаться, обещая, что король города не возьмет».

«Богу молись, — рассуждали псковичи, — а в делах не плошись». Именно так они и поступали в жизни. И Псков они Баторию не сдали и этим самым, по словам Н. М. Карамзина, спасли Россию от величайшей опасности.

В. ИЗЮМОВ

г. Псков

Страницы из дневников

В связи с публикацией отрывков из второй части «Блокадной книги» лауреат Государственной премии СССР писатель Даниил Александрович ГРАНИН рассказал нашему корреспонденту:

Первая часть «Блокадной книги» была опубликована сначала в журнале «Новый мир», а затем вышла отдельной книгой в издательстве «Советский писатель». Сейчас, в год сорокалетия со времени начала Великой Отечественной войны, «Новый мир» готовит к публикации вторую часть.

Как и первая, она написана вместе с Алесем Адамовичем. В книге три главных героя. Георгий Алексеевич Князев, директор Архива Академии наук СССР, историк, человек, который вел подробнейшие записи с первого дня войны вплоть до отъезда из Ленинграда. Второй герой — Юра Рябинкин, 16-летний ленинградский школьник. Его дневник попал к нам спустя многие годы после гибели мальчика. И третье действующее лицо — Лидия Георгиевна Охапкина, мать троих детей. Естественно, мы попутно использовали записки и дневники других блокадников.

Г. А. Князев, дневник которого приводится в этих отрывках, типичный интеллигент, ленинградец, питерец. Я это подчеркиваю потому, что история его жизни и работы в блокадные месяцы — удивительная история испытаний человеческого духа, непрерывной, неимоверно трудной, напряженной работы, которая только и могла спасти его, заставляла проявлять выдержку, спокойствие, дисциплину, самоотверженность по отношению к товарищам и сослуживцам. Когда, казалось бы, голод совершенно обессилизал человека, Князев, в силу своего характера, воли, интеллекта, заставлял себя работать, мыслить.

У Юры Рябинкина, мальчика духовно богатого, интересна в дневниках напряженная работа совести. Эта работа не позволяла ему стать эгоистом, себялюбцем, спасала человечность. Мальчику было очень нелегко жить эти месяцы с большим человеческим достоинством.

Принято считать, что страдание, горе заставляют человека обращаться к высшей силе, вспоминать о боге. Да, бывает и так. Но Князева страдания заставляли прибегать к более высоким и значительным для него духовным ценностям разума, культуры, углубляли его понимание смысла жизни и борьбы своего народа. Надо к тому же добавить, что Князев был инвалид — он ездил на коляске и жил, в силу этого, в очень малом радиусе наблюдений.

У Юры Рябинкина его отчаяние, его обращение к богу вызваны муками голода. Это, конечно, не религия, а, скорее, надежда, крик о помощи, юношеская жажда жизни, нежелание смириться с мыслью о несправедливой, нелепой гибели. И отчаянная борьба со смертью, борьба до последних минут.

Нам было не только интересно, но и важно показать разные стороны жизни блокадного Ленинграда. Так, особую главу составляет история отношения людей к животным. Собаки, кошки, обитатели зоосада — они тоже стали жертвами блокады. И то, как к ним относились, как эти животные соучаствовали в человеческих судьбах, — открывало совершенно непредвиденные стороны людских душ в этих условиях.

Еще одну главу составил материал, связанный с книгой. Роль книги в повседневном быту блокадников, — как защищали ее, как спасали, что читали и как, — из всего складывался духовно-нравственный ландшафт того времени.

Блокада Ленинграда — народная трагедия. И, не поняв ее, нельзя понять стойкость и мужество этого героического города.

Алесь АДАМОВИЧ, Даниил ГРАНИН

9 декабря

«Сколько еще чистых страниц осталось в дневнике? Раз, два, три... Тридцать шесть... А было... было двести. Через полмесяца уже полгода этому дневнику, полгода войны. Много я писал в этом дневнике. Сперва мои записи носили описательный характер, затем сменились лирическими. Каждый прожитый мною день дает одну страницу, а то и две сюда. И сколько раз запись дня начиналась о голоде? О голоде и холоде? Сейчас, когда я вижу перед собой перспективу эвакуации, я как-то замалчиваю эти мысли. Но вот исчезни эта надежда... Что будет? Чем я буду жить? А сейчас опять не то обстрел, не то тревога. Что-то где-то бьет, слышно. Мама во Дворце труда. Там под обстрелом... Ей надо опечатать имущество обкома, фонд. Разрешится ли сегодня надежда о вылете?

Пора кончать. И без того целый лист перемарал без толку своими «лирическими отступлениями». Вернусь-ка к реализму. Что нам сегодня поесть придется? Хорошо, если в столовке отпустят по талонам за II декаду. А то без ничего будем сидеть весь день. Весь день... Сутки...»

10 декабря

«Декада к концу. А дела наши с эвакуацией... Вопрос все еще остается открытым. Как это мучительно! Знаешь, что с каждым днем твои силы иссякают, что ты изнемогаешь от недоедания день ото дня, все больше и больше, и дорога к смерти, голодной смерти идет параболой с обратного ее конца, что чем дальше, тем быстрее становится этот процесс медленного умирания... Вчера в очереди в столовой рассказывала одна гражданка, что у нас в доме уже пять человек умерло от голода. Я больше нигде не вижу ни кошек, ни собак. Все съедены голодными, истощенными людьми. Долго ли еще мы сможем жить? Нас кормят только, чтобы шли ноги, через силу чтобы шли. В булочных все время разговоры вертятся насчет прибавки или убавки хлеба. Неужели не прибавят нам хлеба? И без того нам дают какой-то суррогат хлеба, черного цвета, тяжелый от воды, с запахом травы и со вкусом дуранды. Когда хлеб разрезаешь, на ноже прилипает множество мокрых крошек. Кажется, сдави хлеб в руке, и из него потечет обильно вода. Хлеб липкий, «дуранда с водой» — так его и называют в булочных. И такого хлеба на долю каждого гражданина, имеющего II категорию, полагается 125 г.!

Мы уже использовали карточки на крупу за счет второй декады. А что мы будем теперь есть?

Сегодня последний мамин рабочий день. Завтра она уже безработная. Вот как...

Эвакуация что-то клонится к тому, чтобы заглохнуть. У нас осталось лишь очень немного шансов на вылет или вообще выезд. Во всех учреждениях списки эвакуированных резко сократились, всюду желающими переполнены комнаты, где раньше велась запись, и всюду никто не может твердо сказать, будет ли вообще какая-либо эвакуация из Ленинграда.

А самолеты летают до Вологды... Каждому прибывающему дается целых 800 г. хлеба и еще сколько угодно по коммерческой цене. И масло, и суп, и каша, и обед... Обед, состоящий не из жидкости, а из твердых тел, именуемых: каша, хлеб, картофель, овощи... Какой это контраст — с нашим Ленинградом! Вырваться бы из этих чудовищных объятий смертельного голода, вырваться бы из-под вечного страха за свою жизнь, подвергающуюся риску из-за обстрелов и бомбежки, начать бы новую мирную сельскую жизнь, где-нибудь в небольшой деревушке среди природы, отдохнуть от мучений и тревог, забыть пережитые страдания, чтобы они пропали, как долгий, жуткий кошмар, приснившийся во сне...

Вот она, моя мечта на сегодня.

Правильна народная мудрость:

«Весь характер человека проявляется полностью лишь в несчастье». Таков и я. Несчастья не закалили, а только ослабили меня, а сам характер у меня оказался эгоистичным. Но я чувствую, что сломать мне сейчас свой характер не под силу. Только бы начать! Завтра, если все будет, как сегодня утром, я должен был бы принести все пряники домой, но ведь я не утерплю и хотя бы четверть пряника да съем. Вот в чем проявляется мой эгоизм. Однако попробую принести все. Все! Все! Все!!! Все!!! Ладно, пусть уж если и скачусь к голодной смерти, к опухолям, к водянке, но будет у меня мысль, что я поступил честно, что у меня есть воля. Завтра я должен показать себе эту волю. Не взять ни кусочка из того, что я куплю! Ни кусочка! Если эвакуации не будет — у меня живет такая надежда на эвакуацию,— я должен буду суметь продержать маму и Иру. Выход будет один — идти санитаром в госпиталь. Впрочем, у меня уже созрел план. Мама идет в какой-нибудь организующийся госпиталь библиотекарем, а я ей в помощники или как культработник. Ира будет при нас».

...Дневник все более становится **средством**. Во что бы то ни стало удержаться, удержать себя от сползания, которое уже началось! Стыдом удержать себя. Другого средства, оружия в борьбе с голодом нет у Юры, в борьбе с тем, что, как утверждали многие, «правит миром». И чтобы заострить оружие свое, Юра заостряет свою вину. Мало того: специально записывает в дневник все, за что будет и после смерти стыдно. Мать (или кто-то еще) прочтут ведь! А смерть — вот она, рядом. И она отдаст дневник в руки матери. Саму мысль о смерти Юра использует, чтобы укрепить себя, свою волю. Теснимый, обкладываемый голодом, Юра сдает позицию за позицией. А дневник — как последнее средство! — становится все более откровенным, страшным. Вот что ты делаешь, вот что будет читать мама, люди будут читать, узнают о тебе... Он и маму начинает любить больше, нежели в мирное время. Собственные страдания не ожесточили, а раскрыли его сердце, сделали его отзывчивым.

«...Сегодняшний вечер даст мне лишь одни слезы. Я это знаю. Мама голодная, холодная. Дров у нас мало, почти нет, теплого она ничего не достанет, съестного также, измучается, издергается... Из Смольного придет отрицательный ответ или вопрос все еще останется открытым. Жмых и дуранду не достанет. Утром, перед ее уходом, плакала Ира — плохая примета, неужели и я начал верить в приметы? Наверное, так. Какие мрачные мысли лезут мне в голову! Все горько, все уныло, голодно, холодно стало на этом свете. Все мысли стремятся к одной еде да еще к теплу. На улице мороз — 20 — 25 градусов. В комнате, хотя и топилась печка, холод такой, что у меня замерзли ноги и по спине бегает дрожь. И ведь дай мне съесть буханку хлеба!.. Я оживу, я засмеюсь, я запою песню, я... что говорить...

На часах одиннадцать утра... А впереди — день, вечер, ночь. А там... там новый день, новая порция хлеба в 125 г. Новая декада. Конфеты... Медленно угасает во мне жизнь, как медленно перевертываются страницы этого дневника... Но медленно и верно!

...У меня такое скверное настроение и вчера и сегодня. Сегодня на самую малость не сдержал своего честного слова — взял полконфетки из купленных, а также граммов 40 из 200 кураги. Но насчет кураги я честного слова не давал, а вот насчет полконфеты... Съел я ее и такую боль в душе почувствовал, что выплюнул бы съеденную крошку вон, да не выплюнешь... И кусочек маленький-маленький шоколада тоже съел. Ну что я за человек! У мамы вчера сильно распухла нога, с эвакуацией вопрос открытый, в списки треста № 16 маму включить нельзя, одна надежда на Смольный. Смольный даст нам троим — маме, мне и Ирине — жизнь или смерть. У нас после сегодняшнего дня осталось 200 — 300 грамм крупы на 2 декаду да 300 грамм мяса. Конфет тоже всего 650 грамм, правда, еще сахара Ирине 200 грамм должны получить. У меня ее карточка уже полуиспользована на 2 декаду, в запасе лишь Иринина (150 г.) да моя — 180 грамм... А внешне мы готовимся к эвакуации, собираем вещи, приготовляемся... Эх, уладилось бы дело с этой карточкой Сухарева. Не пропадать же целой семье из-за съеденных ею незаконно 500 г. хлеба, 150 г. масла, 350 г. конфет, 400 г. крупы. Но закон суров, трибунал карает расстрелом, какова перспектива, а?..

Меня уже не радует начавшееся по всему фронту наше наступление, отбит Тихвин, Елец, немцы бегут на Ростовском направлении к Мариуполю и Таганрогу, на Московском направлении наши части начинают гнать немцев с завоеванных ими областей, из-за отсутствия антиобледенителей сотни немецких самолетов бездействуют, почему немцы и не бомбят Ленинград. В эти дни развертывается все шире партизанская война в Югославии, немецкие части несут большой урон от англичан в Ливии, лишь Япония продолжает бить США, нанося чрезвычайно эффективные удары, но ее постигнет участь та же, что получит и Германия от нас. Эх, если бы только разрешили вылет на самолете! Только бы благополучно закончилось это грязное дело с карточкой Сухарева! Только перенесший большое горе, большие страдания может ощутить в полной мере счастье, какое только существует на земле. Через две декады рождество, Новый год. Где-то будем мы, что будет с нами? В эту новогоднюю ночь осиротеют новогодние игрушки в диване, не будет для них елки, негде им будет показаться во всем своем блеске и наряде. Не до елки будет каждому человеку в Ленинграде в эту ночь. Как сон мы вспомним, если будем живы, прошлогодние рождественские вечера, елки с горящими свечами, обильный пряностями, закусками и всякими сладостями ужин, какой всегда имел место на 1 января... Может быть, а, впрочем, что заглядывать наперед, что с тобой может случиться?... Как проведет эту ночь Тина? Где будут ее мысли ровно в 12 часов ночи, 31 декабря 1941 года, когда сорвется последний листок календаря и откроется новый, чистый, свежий календарь 1942 года?.. Время летит, летит...

Сейчас мама ушла в трест № 2 к Тураносовой осведомиться насчет отправки из Ленинграда, валенок для нее и карточки, этой проклятой карточки Сухарева.

Анфиса Николаевна ходит злая и угрюмая. Понятно, отчего. Запасы сухарей и крупы у нее кончились, послезавтра она последний раз получает молоко в тубдиспансере, а об эвакуации ее вопрос также остается открытым. Вот и бесится, боится, что будет недоедать. Ну что ж, смеяться над чужим несчастьем не нужно, дай бог, чтобы наступило на всем земном шаре такое время, когда ни один человек не знал бы, что такое голод.

Страницы моего дневника подходят к концу. Кажется, что сам дневник определяет мне время своего ведения...»

12 декабря.

«Я должен не унывать. Иначе — все. Все не для меня (для меня все уже настанет, быть может, через... ну, время называть не могу — в любое мгновение), но все для мамы, Ирины... Прольет Тина слезы на дальней стороне, вспомнит всю прошлую нашу жизнь, пожалеет кое о чем, да и через полгода станет опять такая же... Пройдет полгода, год, война кончится, настанет прежняя счастливая жизнь в нашем городе. Истлеют наши трупы, в пыль рассыпятся кости, а Ленинград будет вечно стоять на берегах Невы, гордый и недоступный врагу.

Сколько людей умирает каждый день в Ленинграде! Сколько голодных смертей! Только сейчас я представляю себе город, осажденный врагом. Голод несет смерть всему живому. Только на себе испытавшие голод могут понять это. Вообразить же его неиспытавшему человеку невозможно.

Но зачем такие грустные мысли, столько меланхолии? Вспомянешь, бывало, оду Державина «На смерть кн. Мещерского», да и задумаешься над концом. Раз нам дали жизнь, этот бесценный дар природы, так зачем же думать о плохом в ней? Думай лишь о хорошем, бери от жизни все те удовольствия, какие она может дать. Что терять?

Все это так, но какой-то тайный червь грызет втайне мою душу.

Человек никогда не удовлетворится настоящим. Ему надо еще хоть самое мизерное улучшение, что-то новое в будущем. Можно вполне сказать, что «надежды юношей питают», внося еще одну поправку, а именно: под юношами подразумевать всех людей.

Третий час дня. Ира спит. Я пишу дневник».

Подступили вплотную дни отчаянной борьбы, самого тяжелого испытания, которое Юра Рябинкин успеет еще пройти.

Неокрепшая его душа становится ареной борьбы между совестью и голодом. Это так говорится — **борьбы**. Конечно, долг, любовь к маме и сестре, стыд, воспитанная порядочность, честность — все это противостояло голоду, но голод — он рос с каждым днем, он не считался ни с чем, и какие бы запреты ни воздвигал бы себе Юра, голод не подчинялся. Заставлял брать, запихивал в рот довесок хлеба — чужой! — ничего Юра не мог поделать с собой. Как мучается он, корчится от стыда и отвращения к самому себе, клянется и снова не выдерживает, нарушает. Вновь бесчестие, низость, он падает, низвергается, и все же не сдается, он продолжает казнить себя, следит за собою... Вот эта борьба, почти безнадежная, но которую Юра вел до конца, самое дорогое в истории его короткой жизни.

12 декабря (продолжение).

«Мамы нет дома. Через полчаса, а то и немного раньше надо сходить в столовку треста. Сегодня я прямо заявляю, что больше месяца мы в Ленинграде не проживем. Это как 2 × 2 = 4. Сейчас стук в дверь — бегу отворять, сердце тревожно забилось в груди, отворяю... не мама, а Анфиса Николаевна...

5 часов вечера, а мамы все нет. Значит, что-то плохое. Либо дело с карточкой всплыло, маму, быть может, даже задержали в бюро, либо с мамой произошел какой-нибудь несчастный случай, быть может, она сейчас уже в больнице или даже в морге... Чем не играет судьба?

И все из-за карточки. А почему мама взяла эту карточку? Из-за меня, из-за моего голодного вида. Это я толкнул ее на преступление, я виновник смерти, быть может, или же будущей нищенской жизни мамы и Иры, горя Тины, не говоря уже о зле, причиненном самому себе. Я виновник всего этого! Если бы я не впадал в меланхолию, уныние, было бы не то. Под моим влиянием мама пошла на преступление, я должен перенять кару с нее на себя. Если и это не выйдет, я лишу себя жизни. Я должен и могу это сделать. Пойти добровольцем в ополчение и хоть на фронте сделать доброе дело, погибнуть за родину. Погибнуть, не забыть отдать свой долг. «Любишь кататься — люби и саночки возить». «Что посеешь, то и пожнешь».

Если история с карточкой вышла, то я отправлю Тине следующую телеграмму-молнию: «При смерти. Помощь не нужна. Забудь нас. Юра». Но я так писал бы, коли был один. А ведь Ира. Наконец, мало как можно испортить всю их жизнь? Умереть-то легко, а вот поставить Иру на истинный путь!.. Пишешь и чуть не плачешь. Вчера мама говорит: «У меня вся надежда на бога. Вот я и коммунистка, а в бога верую. И Ира тоже». Но на бога надейся, а сам не плошай. И все-таки я чувствую, что, пожалуй, я тоже становлюсь религиозен, смотрю на икону и молю бога, чтобы отвлек от нас это несчастье.

А мамы нет и нет. Шестой час вечера, ушла и вот до сих пор нету... А сегодня как раз артобстрел где-то...

Единственный человек, которому мы дороги, который не покинул бы нас в минуту несчастья, — Тина далеко-далеко, в Канске, в Красноярском крае, за блокадой, за фронтом, за Уралом, за Енисеем, в самой глуши Сибири...

Еще подожду полчаса или час, а затем пойду в трест № 2. Я должен знать, где мама. А если ее там после часу не видели, придется завтра наводить справки по больницам, съездить в морги».

И сползшей вниз по странице рукой:

«Что за ужас я пишу, я не могу больше. Боже мой. Боже».

13, 14 декабря.

«Пишу за два дня, что редко теперь со мной случается. Дома еды нет никакой, кроме 100 г. хлеба, которые мама выменяла на пачку табаку. Болит зуб, общее недомогание, в отъезд из Ленинграда как-то не верится, все думы о еде, еле держусь на ногах, так что, несмотря на вести об эвакуации и хорошие новости с фронта (разгром немецкой армии под Москвой, Ростовом и Тихвином), настроение упадочное. Если бы только чем-нибудь подкрепиться, что-нибудь поесть! Как бы я ожил...»

15 декабря.

«Каждый прожитый здесь день приближает меня к самоубийству. Действительно, выхода нет. Тупик, я не могу дальше продолжать так жить. Голод. Страшный голод. Опять замолкло все об эвакуации. Становится тяжко жить. Жить, не зная, для чего, жить, влачить свою жизнь в голоде и холоде. Морозы по 25—30° пробирают в 10 минут и валенки. Не могу... Рядом мама с Ирой. **Я не могу отбирать от них их последний кусок хлеба. Не могу, ибо знаю, что такое сейчас даже хлебная крошка. Но я вижу, что они делятся со мной, и я, сволочь, тяну у них исподтишка последнее** (подчеркнуто нами.— А. А., Д. Г.). А до чего они доведены, если мама вчера со слезами на глазах говорила мне, что она искренне дала бы мне подавиться уворованным у нее с Ирой довеском хлеба в 10—15 грамм. Какой страшный голод! Я чувствую, знаю, что вот предложи мне кто-нибудь смертельный яд, смерть от которого приходит без мучений, во сне, я взял и принял бы его. Я хочу жить, но так жить я не могу! Но я хочу жить! Так что же?»

И снова — через всю чистую страницу:

«Где мама? Где она?» «Ну вот и все. 15 декабря 1941 года. Я потерял свою честность, веру в нее, я постиг свой удел. Дня два тому назад я был послан за конфетами. Мало того, что я вместо конфет купил какао с сахаром (расчет на то, что Ира его есть не станет и увеличится моя доля), я еще половину «всего» — каких-то 600 г. полагалось нам на всю декаду — присвоил, выдумал, рассказал, как у меня три пачки какао выхватили из рук, разыграл дома комедию со слезами и дал маме честное пионерское слово, что ни одной пачки какао я себе не брал... А затем, смотря зачерствелым сердцем на мамины слезы и горе, что она лишена сладкого, я потихоньку ел какао. Сегодня, возвращаясь из булочной, я отнял, взял довесок хлеба от мамы и Иры грамм в 25 и также укромно съел. Сейчас в столовой я съел тарелку супа, биточки с гарниром и полторы порции киселя, а домой маме и Ире принес только полторы порции киселя и из них еще часть взял себе дома.

Я скатился в пропасть, названную распущенностью, полнейшим отсутствием совести, бесчестьем и позором. Я недостойный сын своей матери и недостойный брат своей сестры. Я эгоист, человек, в тяжкую минуту забывающий всех своих близких и родных. И в то же время, когда я делаю так, мама выбивается из сил. С опухшими ногами, с больным сердцем, в легкой обуви по морозу, без кусочка хлеба за день она бегает по учреждениям, делает самые жалкие потуги, стараясь вырвать нас отсюда. Я потерял веру в эвакуацию. Она исчезла для меня. Весь мир для меня заменился едой. Все остальное создано для еды, для ее добывания, получения...

Я погибший человек. Жизнь для меня кончена. То, что предстоит мне впереди, то не жизнь, я хотел бы сейчас две вещи: **умереть самому, сейчас, а этот дневник пусть прочла бы мама. Пусть она прокляла бы меня, грязное, бесчувственное и лицемерное животное, пусть бы отреклась от меня — я слишком пал, слишком...** (подчеркнуто нами. — А. А., Д. Г.).

Что будет дальше? Неужели смерть не возьмет меня? Но я хотел бы быстрой, не мучительной смерти, не голодной, что стала кровавым призраком так близко впереди.

Такая тоска, совестно, жалко смотреть на Иру...

Неужели я покончу с собой, неужели?

Есть! Еды!»

И снова — через всю чистую страницу:

«Еды, хлеба, хлеба, хлеба...»

На следующей странице дневника — злые, горькие слова о самом себе:

«Висящий, как паразит, на шее матери и сестры, не довольствующийся тем, что они делятся с ним своей крошкой хлеба, бессовестно и подло обворовывает их, паразит, паразит, паразит...»

И еще:

«Дайте нам хлеба! Дайте нам хлеба!» Вот моя исповедь. Исповедь, так как, возможно, больше писать мне не придется...»

24 декабря.

«Не писал я уже много дней. 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23. Целых 8 дней не брал в руки перо.

Со мной произошли перемены. Появилось что-то хорошее, как мне кажется, в моем характере. Поворот этому дала потеря мною Ириной карточки на сахар. О, как я тогда подло поступил с мамой и Ирой. Зазевался в магазине и потерял 200 г. сахара, 100 г. шоколада для Иры и мамы и 150 г. конфет. Но я хочу перемениться, хочу выковать из себя иной характер, но я чувствую, что без поддержки мамы и Иры мне не протянуть на моей честной новой жизни. Пусть бы они как-нибудь сглаживали, ну, дальше я не могу просто выразиться. **Сегодня я в первый раз за много уже дней принес домой полностью все конфеты, выкупленные в столовой, делюсь с Ирой и мамой хлебом, хотя иной раз еще украдкой стяну крошку. Но сегодня я почувствовал к себе такое теплое обращение от мамы и Иры, когда они взяли и отделили мне от своих конфеток — мама — четверть конфетки (впрочем, потом опять взяла себе), а Ира — половину конфетки за то, что я ходил за пряниками и за конфетами и лепешками из дуранды в столовую, что я чуть было не расплакался** (подчеркнуто нами.—А. А., Д. Г.). Это люди, те люди, которых я так обманывал раньше и которые знают теперь про мои прошлые обманы! Да, чего только не может сделать хорошее обращение! Но затем... Та же мама взяла у меня пряник, пообещав лишнюю конфетку (а лишнюю конфетку получила сама), а та же Ира плакала, что мама дала и ей и мне одинаково по конфетке, а я потом еще Ире от своей конфетки дал, так что конфеток-то Ира съела больше. Правда, сегодня мой грех: утаил от мамы и Иры один пряник... Ну... это вот плохо.

Маме что-то обещают в райкоме, что ее эвакуируют 28.XII, да с какой-то еще оговоркой... Сейчас мама пошла в райком насчет этого дела, если эвакуация будет отложена на 1 января, мы погибли, т. к. у нас осталось только талонов на два дня, еле-еле на три. Не больше. Дайте же — один-единственный хлеб. Хлеб — 125 г. на человека. Мы же переключились теперь на пряники. Ну, считаю, по 3 пряника в день на человека, (...) воды. Мамино здоровье все более

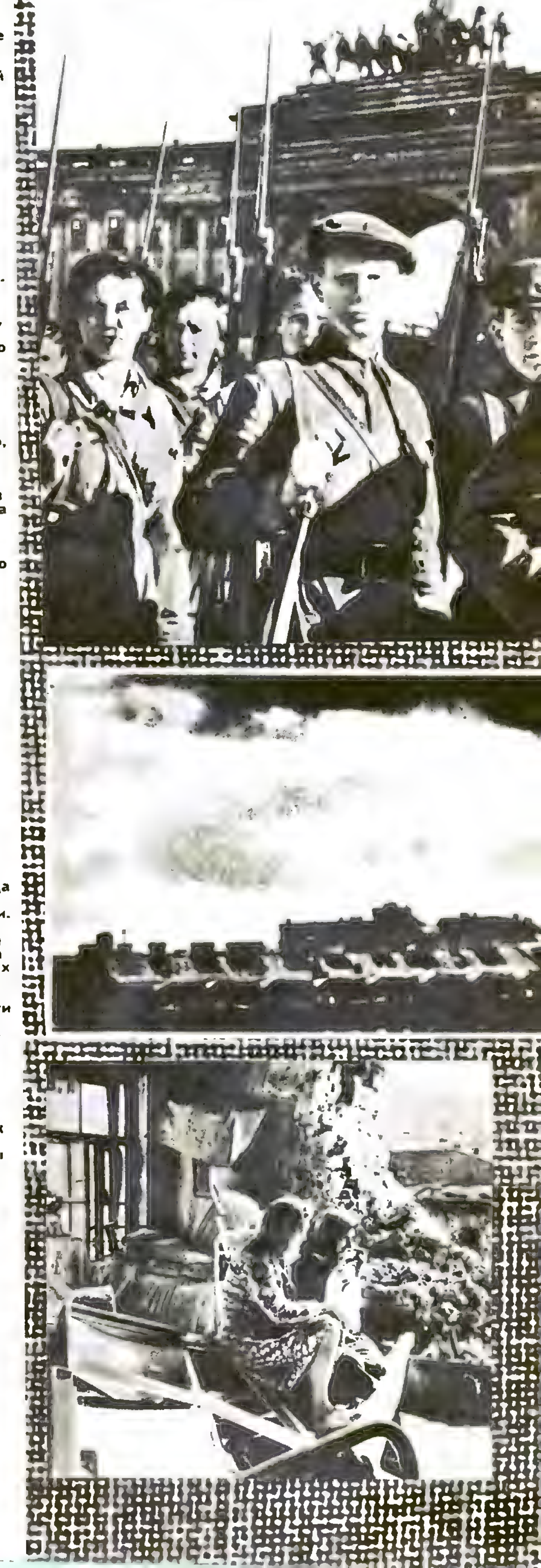
ухудшается. Опухоль у нее идет уже к бедру. Я завшивел окончательно. Лежу, не сплю ночь, а только чешусь, чувствую, как по мне словно живая паутина передвигается и жалит. Я и Ира немного опухли на лицо.

Сегодня кончились конфеты. Завтра — крупа. Послезавтра — мясо и масло. А затем, затем... если эвакуации не будет, то мы погибнем, прямо и честно говоря. Тихая грусть, гнетущая. Тяжко и больно. Печаль и тяжкая, безотрадная скорбь. Может быть, и еще что. Только вспоминаются дни, вечера, проводимые здесь, когда я выхожу из кухни в нашу квартиру. В кухне есть еще какой-то мираж нашей прошлой, довоенной жизни. Политическая карта Европы на стене, для чтения книга на столе, ходики на стене, тепло от плиты, когда она топится... Но мне хочется обойти опять всю квартиру. Надеваешь ватник, шапку, засысываешься, натягиваешь варежки на руки и открываешь дверь в коридор. Здесь мороз. Изо рта идут густые клубы пара, холод забирается под воротник, поневоле поеживаешься. Коридор пуст. Один на другом стоят поставленные Анфисой Николаевной четыре стула ее да у стенки поставлены доски от расколотого на дрова шкафа. У нас было 3 комнаты. Сейчас вправе назвать себя владельцами лишь двух из них. Крайняя в кухне занята Игошиными. О них нечего говорить. Весело топится у них в комнате буржуйка, вкусный запах идет из-под дверей, счастьем, чувством сытости светятся лица жильцов этой квартирки. И рядом... пустая комната, оклеенная коричневыми обоями; окно разбито, гуляет холодный ветер с улицы, голый дубовый стол у стены и голая этажерка в углу. Пыль и паутина по стенам... Что это? Это бывшая столовая, место веселья, место учебы, место отдыха для нас. Здесь когда-то (это кажется давным-давно) стояли диван, буфет, стулья, на столе стоял недоеденный обед, на этажерке книги, а я лежал на диване и читал «Трех мушкетеров», закусывая их булкой с маслом и сыром или грызя шоколад. В комнате стояла жара, а я «всегда довольный сам, своим обедом и...», последнего у меня не было, но зато были игры, книги, журналы, шахматы, кино... а я переживал, что не пошел в театр или еще куда-нибудь, как часто оставлял себя без обеда до вечера, предпочитая волейбол и товарищей... И, наконец, каково вспоминать Ленинградский Дворец пионеров, его вечера, читальню, исторический клуб, шахматный клуб, десерт в его столовой, концерты, балы... Это было счастье, которое я даже не подозревал, — счастье жить в СССР, в мирное время, счастье иметь заботившуюся о тебе мать, тетю, знать, что будущего у тебя никто не отнимет. Это — счастье. И следующая комната — мрачная, унылая, полутемная клеть, загруженная всяким добром, что осталось от нас. Стоят комод, разобранные кровати, два письменных стола, один на другом, диван, все в пыли, все закрыто, упаковано лежать тут хоть тысячу лет...

Холод, холод выгоняет нас и из этой комнаты. Но когда-то здесь была плитка, на ней жарился омлет, сосиски, варился суп, за столом сидела мама и долго ночами работала при свете настольной лампы...

Здесь, бывало, вертелся патефон, раздавался веселый смех, ставилась огромная до потолка елка, зажигались свечи,

**В осажденном Ленинграде каждый боролся за свою жизнь и жизнь города, трудился и воевал, выполняя свой долг перед народом, страной, близкими, самим собой.
Как все, трудились в городе и фотокорреспонденты. Это тоже был тяжкий труд. Он был тяжек не только той общей тяжестью, что легла на плечи каждого в этом голодном, промерзшем городе, сотрясаемом ежедневными многочасовыми бомбежками и обстрелами. И не только тем, что физически обессиленному человеку трудно соответствовать традиционно бойкой репортерской профессии. Это был и душевно, нравственно тяжелый труд. Ведь на бесстрастной кино- и фотопленке приходилось фиксировать не только мужество, героизм, надежду, но и то непомерное человеческое горе, которого так много выпало в эти блокадные месяцы на долю ленинградцев. И чтобы, встретив человека, из последних сил тянущего санки с умершим близким, увидев мать, прильнувшую, быть может, в последний раз к своему ребенку, подойдя к растерянным, только что оставшимся без крова людям, направить на них объектив своего фотоаппарата или кинокамеры,— для этого нужно было иметь не только корреспондентское удостоверение, но и сильное, мужественное и чистое сердце, глубокую душевную уверенность, что это твой долг и что есть у тебя на этот жест внутреннее нравственное право.
Благодаря самоотверженному труду ленинградских фотокорреспондентов среди других документальных свидетельств той великой и тяжкой поры, среди дневников, писем, воспоминаний людей, переживших ленинградскую блокаду, дошли до нас и фотографии — зрительная память лет, которые никогда не должны быть забыты. Посмотрите на эти снимки. Какое общее выражение суровой сосредоточенности и внутренней собранности на лицах рабочих, пришедших на митинг, какое общее выражение самоотверженной готовности защищать свой город до последней капли крови — на лицах ополченцев!.. Посмотрите, как горе ложится на лица людей неизгладимой печатью глубинной скорби, не срывающейся, однако, в отчаяние, как привычка к долгому страданию учит сдержанности и силе... Мы видим, какими были эти люди, перенесшие то, что, казалось бы, не под силу человеку, мы видим, как они жили, как набирали воду из проруби, как трудились и спасались от бомбежек, — видим будто собственными глазами.
Эти фотографии сделаны военным корреспондентом Давидом Михайловичем Трахтенбергом. В дни блокады он работал в газете «Ленинградская правда», выходившей все 900 дней блокады, за исключением того одного, когда не было электричества...**

приезжала Тина, приходил Мишка, на столе лежали груды бутербродов (с чем их только не было!), на елке висели десятки конфет, пряников (никто их не ел), чего только не было! А ныне здесь пусто (кажется, что так), холодно, темно и незачем мне заглядывать в эту комнату.

Кухня, одна кухня — место, где протекает наша домашняя жизнь. Здесь мы едим (если есть, что положить на язык), здесь мы согреваемся (если есть, чем топить плиту), здесь мы спим (когда немного меньше покусывают вши), здесь — наш уголок.

Квартира запустела. Жизнь в ней совсем затихла. Она как бы застыла, превратилась в сосульку, а таять ей только по весне...»

После этой записи в общей тетради с черными корешками в дневнике Юры Рябинкина еще три страницы. И в конце роспись автора дневника. Описывается новогодний «пир»:

«Немного хлеба, 4 лепешки из кожуры свеклы, лепешка дуранды, кусочек студня, чай...»

И еще:

«Сам чувствую, как у меня опухли щеки, надулись губы...»

3 января.

«Чуть ли не последняя запись в дневнике. Боюсь, что и она-то... и дневник-то этот не придется мне закончить, чтобы на последней странице написать слово «Конец». Уже кто-нибудь другой запишет его словами «Смерть». А я хочу так страстно жить, чувствовать! Но... эвакуация будет лишь весною, когда пойдут поезда по Северной дороге, а до весны мне не дожить. Я опух, каждая клетка моей ткани содержит воды больше, чем нужно. Распухли все, следовательно, внутренние органы. Мне лень передвинуться, лень встать со стула, пройти. Но это все от избытка воды, недостатка еды. Все жидкое, жидкое, жидкое... И опух. Мама порвала со мной и с Ирой. Они оставят меня, у мамы такая уж сейчас нервная система, что она готова позабыться, и тогда... Как это уже бывало, как она мне каждый день говорит, тогда она с Ирой как-нибудь выберутся отсюда, но не выбраться мне. Какой из меня работник? Какой из меня ученик? Ну, проработаю я, проучусь неделю, а там и протяну ноги.... неужели это так и будет? Смерть, смерть прямо в глаза. И деться от нее некуда. В больницу идти — я весь обовшивел — вши ползают по мне целыми роями наружу... что мне делать? Я ведь умру, умру, а так хочется жить, уехать, жить, жить!.. Но, быть может, хоть останется жить Ире. Ох, как хорошо на сердце... Мама сейчас такая грубая, бьет меня порой, и ругань от нее я слышу на каждом шагу. Но я не сержусь на нее за это, я — паразит, висящий на ее и Ириной шее. Да, смерть, смерть впереди. И нет никаких надежд, лишь только страх, что заставишь погибнуть с собой и родную мать и родную сестру».

4 января.

«...А впереди еще целый месяц до улучшения с продовольствием и отъездом. Что с нами будет к концу этого месяца, в каких нищих мы превратились, если только нас не вырвет отсюда какой-то наисчастливый дар фортуны, милость бога, небесное спасение даст нам эвакуацию завтра, послезавтра, до середины 2-й декады... Только какой именно, только бог, если такой есть, может дать нам избавление. Пусть он спасет нас теперь, никогда, никогда не придется мне уж обманывать мать, никогда не придется мне порочить свое чистое имя, оно опять станет у меня священным, о, только бы нам была дарована эвакуация, сейчас! Только бы господь бог не оставил нас без своей помощи сейчас! А я клянусь всей своей жизнью, что навечно покончу со своей гнусной обманщицкой жизнью, начну честную и трудовую жизнь в какой-нибудь деревне, подарю маме счастливую золотую старость. Только вера в бога, только вера в то, что она не оставит меня и нас троих завтра, вера на ответ Пашина в райкоме — «ехать» — только это ставит меня на ноги. Если бы не это, я погиб. Но я хочу остаться, вернее, хотел бы, да не могу... Только завтрашний отъезд... Господи, только **спаси** меня в эту тяжелую минуту! Не дай погибнуть, и я сумею отплатить хорошим по отношению к Ире и к маме. Господи, только спаси меня, даруй мне эвакуацию, спаси всех нас троих, и маму, и Иру, и меня!.. Вся надежда, все, все на тебя. Не отступай от нас!»

6 января.

«...Я совсем почти не могу ни ходить, ни работать. Почти полное отсутствие сил. Мама ходит тоже — я уж себе даже представить этого не могу, как она ходит. Теперь она часто меня бьет, ругает, кричит, с ней происходят бурные нервные припадки, она не может вынести моего некудышнего вида — вида слабого от недостатка сил, голодающего, измученного человека, который еле передвигается с места на место, мешает и «притворяется» больным и бессильным. Но я ведь не симулирую свое бессилие. Нет! Это не притворство, силы (...) из меня уходят и уходят, плывут... А время тянется, тянется и длинно, долго!.. О, господи Казанская божья матерь, что со мной происходит?

И сейчас, я, я, я...»

Бедный, бедный Юра! Мы гордимся им, следим за его борьбой с собственными слабостями, его победами, а ему плохо, ему очень плохо. Ему так нужно, чтобы его кто-нибудь пожалел. Просто пожалел. Мать издергалась до предела — на грани голодного безумия. Ира — истощенный замученный ребенок, ну а соседям Игошиным не до него... Кому же во всем, во всем мире он нужен, кому до него дело? Юра уже и сам не верит, что кому-то он нужен, вот такой — сонновялый от водянки, обовшивевший, со всем его «преступным» прошлым. (Тайком съеденные кусочки хлеба, ложка каши из кастрюли Анфисы Николаевны — вырастают в его памяти, сознании до проступков непростительно тяжелых.) И этот мальчик всем, всему миру (даже «бог» — «если он есть») обещает искренне, трогательно, что всегда будет честен, добр, заботлив, «скромно жить в деревне», а мать будет иметь счастливую спокойную старость... Это не хитрость погибающего существа — чтобы только задобрить кого-то (неизвестно кого), разжалобить, вымолить у судьбы эвакуацию, спасение, жизнь. Он искренне мучится сознанием, что его слабость, бессилие (а мы уже знаем, что он в этом действительно неповинен: мужчины раньше женщин соскальзывали к подобному состоянию) погубит и мать, и сестренку, и готов собственной жизнью заплатить за их спасение. Но виноват ли он, что и ему так хочется жить, жить?..

Юра, как и все его одногодки, никогда не считал, что надо чем-то доказывать, заслужить свое право на высокие мечты, надежды о счастливом, содержательном будущем, а тем более — право на жизнь. Что может быть естественнее этого права на жизнь?! Но судьба уже однажды больно ударила по мечтам и надеждам: непонятное исчезновение отца перед войной, беды, обрушившиеся на мать и на всю семью неизвестно за какие провинности. А тут еще болезнь (хронический плеврит), плохие глаза, мешающие поступлению в военно-морское училище... Мечты, да, надежды, ладно, но чтобы и право на жизнь, **просто жизнь**, нужно было доказывать, заслужить!.. Но именно такое время пришло, такой момент подступил: смерти, смерти на каждом шагу. Все отнято у него: тепло, пища, даже любовь матери, которая (Юре кажется) все больше сживается со страшной мыслью, что если еще и можно спасти хотя бы Иру, то лишь задавив в себе жалость к налитому водянкой, обессилевшему сыну, который уже не способен даже выйти, выехать из города, даже если и получат разрешение на эвакуацию... (Так кажется Юре — и это зафиксировано в его дневнике — а как и что на самом деле думала, чувствовала мать, разве можем мы знать?)

На что, на кого ему, обессилевшему, опереться, как уйти от смерти, вырваться туда, где жизнь, где какое-то будущее... И не какое-то, а оцененное, выверенное страданиями немыслимыми, муками тяжелейшими! Это будущее, жизнь свою — если ему ее подарят — Юра видит как служение другим, честность, скромность, доброту. Он и сейчас готов — хотя так хочется жить, жить! — пожертвовать собой, только бы не помешать матери, Ире спастись...

Всем (и Юре самому) кажется, что он опустился, потерял себя, а он поднялся, как никогда прежде, обрел себя высшего...

Что же до обращения к богу, то чувство это не церковное, откуда могло взяться у Юры, скорее, это обращение к судьбе, мольба к провидению, надежда на чудо. Конечно, тут есть своя сложность. Признаемся, в дни войны были такие страшные, отчаянные минуты, когда невольно обращаешься к кому-то, кто может спасти; ребенок твердит: мама, а мы, уже солдаты, правда еще необстрелянные, мы ведь тоже как бы молились. Было это, никуда от этого не денешься, было.

И вот наступил тот момент — день эвакуации: очень немногое, что нужно в дорогу и что могли увезти, уложено на саночки, Юра тоже приподнялся с кровати, поискал свою палочку (дневник при нем?), попытался встать, не смог, не сумел, упал на кровать...

Продолжение следует

Сцена из спектакля «Мажвидас».

ВЕЧЕН ЧЕЛОВЕК

Наш специальный корреспондент Александр Романов встретился в Вильнюсе с главным режиссером Академического театра драмы, народным артистом СССР, лауреатом республиканской премии Литовской ССР Генрикасом ВАНЦЯВИЧЮСОМ, который рассказал о наиболее существенных работах театра в последние годы.

КАК-ТО МНЕ попала на глаза книга иеромонаха Фернана Лелотта «Решение проблемы жизни». В числе прочих «открытий» автор доказывал, что художник, выражающий свою мысль определенным количеством красок, довольствующийся полотном и движениями кисти, чтобы создать высокое произведение искусства, бесконечно далек от творца, не нуждающегося для творчества ни в чем.

Да, если творцу ничего не нужно, то человеку нужен смысл, цель, ему необходима вся жизнь и активное участие в ней. В своей статье «Театр и революция» А. В. Луначарский подчеркивал, что всякое великое общество прошлого и настоящего более или менее полно отражается в своих театрах, что взволнованный, вознесенный на необычайную высоту, автор всегда обгоняет время.

У каждого режиссера свой путь в театр. Я родился в Каунасе, в семье рабочих. И хотя изучал закон божий, религия не коснулась моей души. Надо сказать, что мои родители никогда не ходили в костел. В буржуазной Литве нередко одного этого было достаточно, чтобы оказаться вне общества.

Я окончил театральную студию, стал актером, уехал в Москву, в ГИТИС, в мастерскую Лобанова. После театрального института я вернулся в Каунас, стал главным режиссером драмтеатра, а спустя несколько лет возглавил в Вильнюсе Академический театр драмы Литовской ССР.

Я всегда много работал и работаю по сей день с литовской драматургией — нужно знать родную литературу. В этом небольшом интервью мне хотелось бы коснуться постановок драм Юстинаса Марцинкявичюса. Разумеется, репертуар театра не ограничивается только произведениями этого глубокого литовского поэта. Я ставил «Село Степанчиково» Достоевского, инсценировал произведения видного литовского прозаика Авижюса. Но трилогия Марцинкявичюса «Миндаугас», «Собор» и «Мажвидас» потребовала от меня и коллектива театра особых творческих усилий, непрестанных поисков.

Произведения Марцинкявичюса — важный вклад в литовскую драматургию. Заметная линия творчества поэта — антицерковная. Ее можно проследить уже с «Миндаугаса». Действие трагедии относится к началу и середине XIII века, ко времени правления князя, а затем короля Миндаугаса. Литва встретила XIII столетие разобщенной на отдельные мелкие княжества, имевшей под боком могущественных соседей. Завязка действия относится к 1219 году, когда литовцы подписали договор с князьями Волыни. Известие о выступлении крестоносцев, о грозящей Литве опасности заставляет князей просить Миндаугаса взять власть в свои руки. На слова своей возлюбленной Морты — «мы лжем... но, видно, так богам угодно» — Миндаугас отвечает:

Ты говоришь — богам?
Их больше нет.
Есть Родина — один единый бог,
Жестокий, и безжалостный,
И... правый...
Я всех заставлю
Почитать как бога
Ее одну —
Хранить, и славословить,
И жертвовать собою для нее...

«Власть держится не на любви — на страхе», — говорит Миндаугас. На страхе держится и вера. В драме есть очень важная сцена, когда король

Литвы принимает послов одной из областей — Жемайтии:

Первый посол
Мы в помощи нуждаемся твоей.

Второй посол
Да, в помощи твоей,
В твоей защите!

Первый посол
Не в силах больше мы влачить ярмо.

Миндаугас
Но от чего я защищать вас должен?

Первый посол
От ордена.

Второй посол
От рыцарей.

Первый посол
От бога,
Насильно покоряющего нас.
От господа,
Который наши рощи
С корнями вырывает, рубит, жжет...

И не в силах сдержать своих чувств, посол признается могущественному королю:

Не осталось
Меж нас ни одного,
Кто не простер бы
В тоске и гневе к небу кулаки.

«Собор» — драма в 10 песнях. Он был издан с посвящением к 650-й годовщине города Вильнюса. Премьера состоялась 10 лет назад в нашем театре. А основа драмы — история жизни крупного литовского архитектора Лауринаса Стуоки-Гуцявичюса, жившего в XVIII веке, активного участника восстания 1794 года.

Став под знамена руководителя восстания Тадеуша Костюшки, Лауринас Стуока-Гуцявичюс отважно вел в бой сотни вильнюсцев. Человек беспримерной храбрости и благородства, он прославился как талантливый архитектор. По его проекту был возведен вильнюсский кафедральный собор, в котором ныне проводят концерты, размещена картинная галерея. Давно перестав быть культовым храмом, этот великолепный памятник стал своеобразным символом литовского народа, его культуры. Возведение вильнюсского кафедрального собора, по словам самого Ю. Марцинкявичюса, — это как бы усилия всего народа, стремление реализовать и сохранить свой идеал добра и красоты, а драма архитектора Лауринаса — драма художника, не нашедшего в тогдашнем обществе сил, на которые он смог бы опереться в своей социальной и общественной деятельности.

Личная драма Лауринаса Стуоки-Гуцявичюса, талантливого, бескомпромиссного художника, олицетворяет борьбу за светлые идеалы, борьбу со злом, невежеством, мистикой. Для этого зодчего и борца нет в жизни легких истин.

Архитектору драматург противопоставил епископа Масальского. Это тоже фигура историческая, он был епископом Вильнюса. Епископ жесток и непреклонен. Он отнял у архитектора любимую, сделав ее своей любовницей, а затем уничтожил ее вместе с ребенком, бросил Лауринаса в тюрьму, приказав приковать к стене цепями.

В драме есть великолепная, полная внутреннего напряжения сцена разговора всесильного епископа и непреклонного, не желающего просить пощады мастера:

Масальский
Лауринас!
Все вижу я и понимаю. Глянь
На небо, как ничтожны мы пред этой
Господней бесконечностью. И счастье,
И муки наши — малые пылинки
У ног всевышнего.

Лауринас
Приберегите
Для проповеди эту мысль.

Масальский
Прости!
Не с этого я начал...

Для Марцинкявичюса чрезвычайно важна постановка и разрешение проблем общественного звучания. И драматург красной нитью проводит мысль о том, что нельзя строить духовные храмы на безнравственной основе.

В одной из сцен Лауринас, объясняя фонарщику Мотеюсу, чего он добивался, воздвигая собор, говорит:

Ах, друг, толкую —
Я не про здания тебе толкую.
Я говорю о равенстве, свободе,
О красоте, гармонии и правде.
О человеке говорю, Мотеюс.
О Родине тебе я говорю.

Составной частью драматического триптиха Юстинаса Марцинкявичюса является «Мажвидас». Мажвидас — создатель первой литовской книги, живший в XVI веке.

«Вы спрашиваете, — писал поэт, — почему мое внимание привлек именно первопечатник? Ведь история Литвы знает и немало других интереснейших деятелей просвещения. Книга — это символ возмужания народа. При помощи книги он, приобретя собственный голос, заявляет о себе миру, утверждает себя в общности народов. Книга — это и средство народного самопознания. Труд первопечатника любого народа — всегда подвиг. Этот подвиг бессмертен».

Для меня была очень важна мысль Марцинкявичюса о том, что образ Мажвидаса и субъективно чрезвычайно интересен, ибо он жил в эпоху, когда гуманизм Возрождения боролся со средневековой схоластикой, с религиозным мракобесием, мистикой, с жестокостями инквизиции.

Год назад я осуществил постановку поэтической драмы литовского классика Балиса Сруоги «Казимир Сапега». Именно его традиции продолжил и развил Юстинас Марцинкявичюс. В творчестве Сруоги тоже мощный антиклерикальный заряд. Его Сапега боролся с королем и церковью, требовал отменить доходы церкви, ограничить ее влияние. Но силы были слишком неравны: погиб сын Сапеги, церковники уничтожили семью, предали бунтовщика анафеме.

По-своему продолжил и развил антиклерикальные традиции литовского театра известный литовский писатель А. Лауринчюкас. В его пьесе «Цвет ненависти», с успехом идущей на сцене нашего театра, есть прямые обличения лживости религии, ее антигуманной, античеловеческой сущности. Атеистические принципы получают на театральной сцене свое художественное воплощение, они находят отзвук в самой разнообразной зрительской аудитории. И мне хочется напомнить слова поэта Э. Межелайтиса:

Как волны, протекли
за веком век...
Невечны боги — вечен
человек.

Сцена
из спектакля «Собор».

В СТРАНАХ СОЦИАЛИЗМА

ХОЗЯЙКИ НОВОЙ ЖИЗНИ

Надя ВЕЛЧЕВА,
кандидат исторических наук

«Какова роль женщины в семье и в обществе, такова и характеристика самой семьи и самого общества», — сказал Первый секретарь ЦК БКП тов. Тодор Живков в речи на Национальной конференции женщин в 1968 году. Иначе говоря, каждая общественно-экономическая формация, каждая социальная среда формирует определенный тип семьи и семейные взаимоотношения, характер и общественная роль которых в большой степени определяются тем, какое место в них занимает женщина.

Как известно, ряд ныне существующих религий, в особенности монотеистические, зародились или в период распада первобытнообщинного строя, когда там царил патриархат (иудаизм, ислам), или в период развитого рабовладельческого общества (христианство). Вполне естественно поэтому, что мифология и догматика этих вероучений в превратной, иллюзорной форме отразили социальные отношения и обычаи своего времени, для которых было характерно, что господин, кто бы он ни был (племенной старейшина, жрец, пророк, рабовладелец, царь), всегда выступал в мужской ипостаси.

Не удивительно поэтому, что священные тексты таких религий, как правило, освящали господство мужчины и подчиненное положение женщины, подчеркивали ее неполноценность, начиная уже с библейского мифа о грехопадении. Насаждая эту мысль, духовенство в своих проповедях в течение многих веков унижало и оскорбляло женщину, что не могло не сказаться отрицательно на ее роли и месте в семье.

Вместе с тем в условиях южнославянской крестьянской общины — задруги — с ее демократическими традициями власть мужчины в патриархальной семье была в известной степени ограничена, женщина в ней сохранила некоторые свои позиции еще со времен матриархата. В частности, она имела там, если можно так выразиться, совещательный голос, в особенности в вопросах быта и хозяйства, а в некоторых делах даже пользовалась правом решающего голоса. В отсутствие мужа, например, жена заключала сделки, продавала, покупала, вела весь дом. Нередко после смерти супруга вдова становилась главой семьи даже при взрослых сыновьях.

Это положение болгарской женщины в прошлом было обусловлено конкретной исторической ситуацией в стране в период османского ига, когда большинство населения еще жило задругами, основной производственной единицей которых была семья. По неписаным законам, мужчины тогда не занимались «женскими делами», зато женщины участвовали почти во всех производственных процессах, даже «мужских». На мужчину ложилась тяжелая и грубая работа, что ставило его на первое место в семейном коллективе, но еще не делало всевластным и неограниченным господином. Отношения между его членами характеризовались демократичностью и редко приводили к недоразумениям.

Тяжелее было положение тех болгарок, которых насильно обратили в ислам и вынудили жить по канонам шариата, низводившим женщину до крайней степени унижения. Ведь Коран хоть и признает ее творцом жизни, однако ставит под власть мужчины, который по «степени своего достоинства» стоит на много голов выше женщины из-за ее «греховности». Поэтому ислам учит держать ее в страхе, чтобы она вечно каялась в своем «первородном грехе». Мусульманки вынуждены были терпеть такую унизительную для женщины форму брака, как многоженство, и такие обычаи, как продажа невесты (калым), обязательное ношение паранджи и т. д. Коран и шариат к тому же подавляли в женщине духовные интересы, желания и стремления.

В целом же как христианство, так и ислам формировали в женщине своего рода комплекс неполноценности, что в свою очередь препятствовало ее раскрепощению.

Но даже изолированная от социальных процессов в классовом обществе, замкнутая в домашней среде, женщина продолжала оставаться хранительницей старинных обычаев и нравов. Именно в быту она проявляла свою творческую природу, присущий ей нравственный и эстетический вкус — то есть как раз те черты, которые и до сих пор свойственны многим нашим праздникам, обычаям и обрядам.

Трудолюбие, расторопность и самоотверженные усилия женщины по созданию домашнего очага снискали ей заслуженное уважение членов семьи. Именно благодаря женщине возник ряд домашних ремесел, часть которых впоследствии переросла в художественные промыслы. Ее руки ткали пестрые ковры и покрывала. На посиделках женщины чесали шерсть, пряли, вязали, плели, сучили пряжу. Здесь они передавали друг другу — от бабушки к матери, от матери к дочери — свое умение и навыки.

Болгарская женщина всегда славилась радушным гостеприимством и добросердечностью. Она всегда умела встретить гостя и создать уютную, задушевную обстановку. До наших дней дошел обычай встречать гостей хлебом и солью и желать им счастья и успехов.

В празднично-обрядовой системе прошлого женщины участвовали в подготовке и проведении традиционных торжеств, здесь же проявлялись их

Сокращенный перевод статьи из болгарского журнала «Атеистична трибуна». 1979, № 4.

творческие и художественные задатки. Даже в самые тяжелые времена, когда угнетатели пытались навязать свои обычаи, свою одежду порабощенному населению, женщина сумела сохранить и развить в изготовляемых ею нарядах болгарские национальные традиции. И она чтит их до сих пор, сохраняя элементы многовековой народной культуры.

С большим умением и проворством готовила женщина и праздничную трапезу — эту важную часть любого торжества. Особого искусства требовала выпечка обрядового хлеба. Для каждого праздника на нем делался соответствующий орнамент. Он символизировал плодородие, силу, благоденствие, здоровье, счастье, успех.

Приготовление большей части свадебного убранства также лежало на женщине. Ведь по нему судили о достоинствах невесты. А ее подружки вышивали свадебное знамя.

После освобождения от османского ига женское неравноправие получило, так сказать, юридическое обоснование. Положение женщины в браке и отношения ее с супругом определялись буржуазным кодексом, который исходит из принципа руководящей роли мужчины как главы семьи.

Определенные изменения в положение женщины внесло развитие капитализма: у нее появилась возможность непосредственно включиться в систему социально-экономических отношений. Это неизбежно привело к изменению ее положения как в обществе, так и в семье. «И, кроме того, с тех пор как крупная промышленность оторвала женщину от дома, отправила ее на рынок труда и на фабрику... — писал Энгельс, — в пролетарском жилище лишились всякой почвы последние остатки господства мужа, кроме разве некоторой грубости в обращении с женой...»* Но если социально-экономическое развитие женщины происходило довольно быстро, то ее освобождение от религиозных взглядов и представлений было процессом гораздо более медленным и длительным. Объяснялось это устойчивостью религиозных элементов в семейно-бытовой и празднично-ритуальной сфере, с которой женщина была крепко связана.

Кстати, большинство этих традиционных торжеств — древнего, языческого происхождения, христианство лишь восприняло и несколько видоизменило их, хотя, разумеется, принесло с собой и новые праздники. Демократичность и жизнерадостность большей части языческих торжеств обусловили их живучесть и долговечность, хотя для большинства из них были характерны магические действия и заклинания. Например, когда женщина месила обрядовый хлеб, ей полагалось быть одетой по-праздничному. Девушка или невеста приносила «молчаливую» воду для теста, которое замешивала старшая из женщин, а другие ей помогали.

Считалось, что уже сам факт участия в той или иной церемонии женщины — носительницы жизни и продолжательницы рода — обеспечивает плодородие почвы и хороший урожай. Например, во время сева озимых женщина ходила вокруг упряжки с плугом и окропляла его водой: по крестьянским поверьям, это делало землю плодородной. А вот весной, в Георгиев день, крестьянки пекли калачи, а затем доили овец так, чтобы молоко текло через отверстие в калаче. Существовало также много других обычаев и обрядов, которые отправлялись женщинами.

При социализме в образе жизни и мировоззрении женщины произошли глубокие прогрессивные сдвиги. Ее равноправное участие в общественном производстве, политической жизни, науке и искусстве разрушило вековые предрассудки и обусловило коренные перемены в семейных и общественных отношениях.

На современном этапе развития празднично-ритуальной системы, для которого характерно расширение ее социальных функций, роль женщины в создании и внедрении гражданских обрядов определяется объективной необходимостью творческого переосмысления тех явлений народной культуры, которые сохраняют положительный смысл и содержание также и в наше время. Речь идет о тех компонентах традиционных праздников и обычаев, которые могут быть наполнены новым идейным содержанием или хотя бы не противоречить ему. Тонко чувствуя красоту, женщина активно участвует в создании, усовершенствовании и внедрении социалистических праздников и ритуалов.

С другой стороны, все еще бытующие среди женщин старшего поколения традиционные взгляды и представления иногда способствуют сохранению в современных праздниках и ритуалах ряда элементов, не соответствующих идейным, нравственным и эстетическим потребностям нового общества. В частности, такое традиционное вмешательство женщин старшего поколения в ритуальную сторону нашей жизни иногда проявляется в проводимых по их инициативе крестинах новорожденных. Подобные случаи чаще наблюдаются в многодетных семьях, где влияние старших родственников особенно сильно благодаря той роли, какую они играют там в воспитании потомства. Бабушки, тетушки и матери такого традиционного типа культивируют также некоторые обычаи, унижающие достоинство и социальный престиж современной женщины. Например, целование руки при одаривании и собирании денег на современной свадьбе. Религиозность женщин старшего поколения больше всего проявляется в одном из самых грустных событий в жизни семьи — утрате близкого человека. Но в последние годы здесь намечается, хотя и медленно, процесс отхода от старой обрядности.

Было бы неправильно оценивать роль пожилых женщин в праздниках и ритуалах только как отрицательную. Наоборот, это поколение сохраняет неувядающее богатство традиционного народного творчества, колорит, своеобразие и жизненность ряда исторически сложившихся обычаев и обрядов. Это ценный источник, питающий нашу современную национальную культуру.

Ныне женщина, активно участвуя в трудовом процессе, занимает совершенно иное место как в семье, так и в обществе и оказывает положительное влияние на создание и внедрение в быт социалистической празднично-ритуальной системы. И ей принадлежит ведущая роль в деле творческого слияния ценных традиционных элементов прошлого с новыми формами праздников и ритуалов, отве-

* К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 74.

САМЫЙ БОЛГАРСКИЙ ПРАЗДНИК

Между горами Стара-Планина и Средна-Гора раскинулась красивая Долина роз. Весной вся она благоухает ароматом розы, ставшей символом Болгарии. Каждый год в конце мая в этой долине проводится «самый болгарский» праздник — Праздник розы. Он открывается торжественным сбором первых лепестков роз, после чего выбираются «царица роз» и «феи» ее свиты. Затем устраивается карнавальное шествие. Праздник завершается всенародным гуляньем: люди поют, танцуют, кружатся в хороводах, смотрят выступления артистов и коллективов художественной самодеятельности.

ЭТА НОВАЯ СТАРАЯ СВАДЬБА

Вот уже третий год в Варне все свадьбы играют по новому обряду, в основу которого легли болгарские свадебные песни, мелодии и танцы, наполненные современным, социалистическим содержанием. В качестве «ведущего» программу нового обряда представляет работник местного народного совета, ответственный за регистрацию актов гражданского состояния.

КОНЦЕРТ В ЮНЕСКО

В прошлом году в большом зале ЮНЕСКО в Париже состоялся концерт болгарского вокального ансамбля имени Иоанна Кукузеля Ангелогласного под художественным руководством Тани Христовой. Он был организован представительством НРБ при этой международной организации и посвящен 700-летию со дня рождения талантливого болгарского композитора, певца и музыковеда — создателя школы средневекового православного пения. Эта знаменательная дата включена в утвержденный ЮНЕСКО «Календарь юбилеев выдающихся деятелей и годовщин исторических событий».

чающими потребностям социалистического общества.

Так, сегодня в большей части семей, преимущественно в деревне, складывается своеобразный свадебный цикл. С одной стороны, он включает в себя некоторые элементы традиций прошлого — например выстланный белым полотном пол в доме жениха для встречи невесты, смазанные медом и маслом двери в домах молодых и ряд других символических действий, которые, как считалось прежде, обеспечивают здоровье, богатство, счастливую жизнь и продолжение рода в будущей семье. Но, с другой стороны, эти традиционные черты умело сочетаются с новыми элементами современной свадьбы. К тому же вошедшие в быт старинные компоненты свадебного обряда уже утратили прежний магический характер и поэтому не противоречат современному идейному, эстетическому и нравственному содержанию праздничного ритуала заключения гражданского брака. Так, на свадебном обеде теперь присутствуют не только родители и родственники молодоженов, но и их товарищи по работе, а также соседи независимо от национальной и религиозной принадлежности. Все это способствует созданию сердечной и дружеской обстановки, которая помогает установлению товарищеских отношений между людьми.

Среди наших новых гражданских ритуалов есть и специальный праздник в честь женщины — это рождение нового члена семьи. Как правило, такое торжество приобретает не только личный, но и социальный характер, олицетворяя собой связь между семьей и обществом.

Разумеется, социалистическая празднично-ритуальная система еще окончательно не сложилась. Многие из новых гражданских обрядов пока не настолько утвердились, чтобы можно было говорить об их всеобщем признании. Многое еще, к примеру, предстоит сделать, чтобы усилить роль женщины в подготовке и проведении современных трудовых праздников и ритуалов, посвященных отдельным профессиям (дни механизатора, животновода, химика, металлурга, вечера трудовой славы и т. п.). Пока что, к сожалению, роль женщины здесь сводится или к пассивному созерцанию, или, в отдельных случаях, — к участию в художественной самодеятельности, посвященной данному событию.

Все еще недостаточно привились и такие современные личные и семейные праздники, как завершение той или иной ступени образования, золотая и серебряная свадьбы, получение первой зарплаты, новоселье и т. д., что не может не создавать пробелов в духовной жизни современной семьи.

Необходимо, чтобы женщина произвела переоценку тех ценностей, из которых состоит духовный облик современной социалистической личности, — тогда она сможет активнее участвовать в их формировании. Присущие ей чувство красоты, творческие стремления и эмоциональность должны и впредь обогащать современные праздники, обычаи и ритуалы, а роль женщины в создании и утверждении новой гражданской обрядности, в ее органическом включении в социалистический образ жизни с каждым годом будет все возрастать.

г. София

◆ ПРОБЛЕМА положения женщины в обществе всегда привлекала внимание идеологов разных направлений, ибо, как писал В. И. Ленин, «это вопрос, затрагивающий самым непосредственным образом интересы большей половины населения в любой стране»[1].

Решение ООН объявить 1975—1985 годы десятилетием в поддержку женщин под девизом «Равенство, развитие, мир» означало широкое признание их роли в развитии общества. Это решение призвано поддержать борьбу тех, кто растит будущие поколения человечества. Прошлым летом в Копенгагене под эгидой ООН прошла Всемирная конференция, в центре внимания которой стояли проблемы вовлечения женщин в социально-экономическую и политическую жизнь своих стран, в борьбу за мир и разрядку международной напряженности.

Органическая неспособность капитализма устранить разрыв между возросшей ролью женщины в обществе и тем политическим и социально-бытовым гнетом, который она все еще продолжает в нем испытывать, обусловила на Западе приливную волну неофеминизма.

Дискриминация женщин усугубляется идеологическим давлением реакционных кругов, которые заинтересованы в сохранении неравенства полов и с этой целью стремятся увести женское движение от борьбы за демократические и социальные преобразования. Различные политические силы и идеологические течения по-разному трактуют причины этого неравенства и связь женского вопроса с социально-экономической системой общества. Столкновение мировоззрений в этой области — важный участок идеологической борьбы.

Волна неофеминизма, захлестнувшая в 70-е годы развитые капиталистические и некоторые развивающиеся страны, отчетливо высветила классовую дифференциацию в женском движении и существование в нем по крайней мере трех течений: реформистского, радикального и социалистического.

Первое добивается равноправия в рамках капиталистической системы, сосредоточивая внимание на проблемах преимущественно экономическо-правового свойства: ликвидации дискриминации в области труда, образования, семьи, религии.

Второе решительно выступает против всех традиционных институтов капиталистического общества, включая церковь и буржуазную семью. Для этого радикального феминизма характерно выделение роли женщины как продолжательницы рода человеческого. Представительницы этого направления склонны усматривать корни классового неравенства и всех форм эксплуатации в разделении полов. В их понимании женское движение есть ведущее звено протеста против традиционной буржуазной культуры, основанной мужчинами. По мнению феминисток этого толка, не исторические формы брака, а само замужество и материнство «усыпляют» женщину, якобы превращая ее в нравственно и физически ущербное существо.

Представители третьего — социалистически ориентированного — течения отвергают противоборство полов, выс-

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 32

ФЕМИНИЗМ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Т. БЛАГОВА,
кандидат философских наук

Женщина в черном платье, которое она почти никогда не снимает, соблюдая траур не только по близким, но и по дальним умершим родственникам,— таков типичный образ латиноамериканки в кино и литературе. Фото из журнала «Курьер ЮНЕСКО».

тупают за единство действий женщин и мужчин в их общей борьбе против такого устройства общества, которое порождает различные формы отчуждения и уродует человеческую личность.

Распространение идеологии неофеминизма сопровождалось бурным ростом различных организаций и не могло не оказать влияния на массы верующих женщин. Их протест против многообразных форм капиталистического угнетения нашел своеобразное отражение как в идеологии, так и в практической деятельности церкви.

В этой связи следует напомнить, что религиозное мировоззрение в целом пытается выжить в буржуазном обществе, предлагая свои рецепты решения наиболее важных проблем человеческого существования. Недаром в центре внимания религиозной мысли сегодня стоят проблемы соотношения личности и общества, ее эмансипации, ликвидации социальной несправедливости, гуманизации человеческих отношений. В этом же русле церковь и ее идеологи рассматривают и женский вопрос.

Наиболее дальновидные из них уже давно поняли необходимость создания «феминистской теологии», которая бы занималась проблемами женского равноправия. Многие современные богословы стали откровенно высказывать мысль, что «если церковь оттолкнет женщин, которые поднялись до идей женской эмансипации, то этим она еще раз проявит неспособность претворить в жизнь учение Евангелия о равенстве женщин».

Первые католички, принятые на теологические факультеты лишь после II Ватиканского собора, — Кари Борессен, Розмари Рютер, Летти Рассел, Розмари Хогтон и другие, например, считают, что феминистская теология «должна раскрыть истинное значение христианской веры, к которой человек стремится, но не в состоянии проникнуться ею самостоятельно, то есть помочь человеку освободиться от личного морального и социального зла». Выступая с этих позиций, профессор теологии Йельского университета (США) Л. Рассел, в частности, предлагает заново истолковать Библию, сделав упор на нравственном учении христианства, на провозглашенной им идее равенства, и тем самым доказать, что если освобождение человечества будет происходить по евангельским заповедям, то это, мол, приведет к созданию уникального общества — «эйкумены» — «всемирной коммуны, в которой разрушены социальные, национально-этнические и сексистские[2] барьеры, преодолено обособление религий, осуществлена открытость всех людей богу». Другими словами, вместо традиционной христианской этики Л. Рассел предлагает «действенное» богословие, которое могло бы служить инструментом обновления общества, а вместо иерархической церкви — создание религиозных коммун и неформальных религиозных групп.

В «феминистской теологии» есть и еще более радикальное крыло, представители которого не ограничиваются выявлением нового смысла Евангелия, а отвергают «патриархальную[3] религию» в целом. Это американские профессора Теодор Родзак, Иван Иллич и Мэри Дэйли. Последняя также принимает активное участие в деятельности Национальной организации женщин США и в знак протеста против ортодоксальных христианских догматов вышла из католической церкви.

Идеология неофеминизма пронизывает всю теологическую концепцию М. Дэйли. По ее мнению, мужское превосходство, или сексизм, есть самая старая, изначальная форма власти и из нее якобы проистекают все социальные бедствия и несправедливости: войны, геноцид, расизм и т. д. В своей монографии «Вне бога-отца. К философии женского освобождения» эта женщина-теолог призывает совершить «феминистскую революцию»: уничтожить политические партии, администрацию, полицию, семью, церковь в том виде, в каком они существуют сейчас. Рассуждая о женском освободительном движении как детонаторе и катализаторе исторического развития, М. Дэйли, однако, высказывается за его обособленность от других движений протеста: национально-освободительного, антирасистского, антимонополистического, поскольку-де те не придают значения борьбе с сексизмом. Что же касается проповедуемой ею «феминистской революции», то она понимает ее всего лишь как отказ от архаичных стереотипов сознания, выработанных «патриархальным обществом», и создание очищенной от «сексизма» обновленной религии. Традиционное же христианство, по мнению М. Дэйли, было основным инструментом угнетения женщин, внушало им чувство собственной неполноценности и зависимости. Однако она признает, что, страдая от всех видов угнетения, женщины искали в религии утешение в своем рабском положении, но находили в ней лишь «ложных идолов».

Как видим, концепция этой феминистки-богослова вовсе не означает отказ от религии вообще. В то же время выдвинутая ею программа борьбы против всех форм угнетения ограничивается анархическим прожектерством и не указывает путь устранения тех причин, которые порождают в капиталистическом обществе социальное, политическое и правовое неравенство.

Таким образом, «феминистская теология» лишний раз подтверждает несовместимость традиционных вероучений с современным миром. Попытки переосмыслить их сущность лишь обнажают внутренние противоречия христианской доктрины. С одной стороны, «феминистская теология», как и всякая модернизированная концепция, освобожденная от груза архаичных представлений и предрассудков, используется для укрепления морального престижа религии, так как отражает в иллюзорной форме жизненно важные интересы женщин. С другой стороны, некритическое обращение «феминистской теологии» с такими понятиями, как «революция», «освобождение», «власть» и т. п., приводит к тому, что научная критика капиталистической системы подменяется осуждением всех социальных систем как «патриархальных», а вина с эксплуататоров переносится на весь мужской пол.

Именно эти позиции и роднят идеоло-

---

[2] «Сексизмом» на Западе называют господство одного пола над другим.

[3] Термин «патриархальный» употребляется представителями этого течения применительно ко всем формациям, в которых власть принадлежит мужчинам.

гию радикального неофеминизма и «феминистскую теологию». Преставители первого, признавая справедливость других демократических движений, все же считают женское движение ведущей формой борьбы и протеста в современную эпоху и тем самым — хотят они того или нет — игнорируют его зависимость от развития антикапиталистической борьбы трудящихся.

Радикальная ветвь феминистского движения говорит решительное «нет» всем традиционным буржуазным институтам, включая церковь. Та, со своей стороны, предпринимает серьезные шаги, чтобы приостановить процесс секуляризации, в частности падение влияния религии среди женщин. При этом методы церковной деятельности среди женщин зависят от конкретной обстановки. Одно дело, например, Западная Европа, где относительно высок уровень сознательности и организованности рабочего класса и значительным влиянием пользуются коммунистические и рабочие партии и другие прогрессивные и демократические движения, а совсем другое — «католическая» Латинская Америка, где целый ряд факторов, в том числе феодальные пережитки в экономике и зависимость от иностранного капитала, способствует воспроизводству традиционной религиозности.

В частности, идея равенства полов пока что обсуждается здесь только в университетских кругах, хотя ныне она все чаще проникает и в средства массовой информации. Кстати сказать, в странах Латинской Америки очень распространен культ девы Марии.

На уровне обыденного сознания он означает не только почитание богородицы, но и таких черт латиноамериканской женщины, как покорность, самопожертвование, духовная стойкость и своеобразное моральное превосходство над мужчиной, который зачастую ведет себя безответственно, в то время как на матери и жене лежат все заботы по устройству дома и воспитанию детей.

Но если сама «феминистская теология» с ее отрицанием традиционного христианства пока еще не получила широкого распространения на этом континенте, то культ девы Марии подвергся здесь значительным изменениям и наполнился новым содержанием, для которого характерен упор на идеал духовно сильной женщины, способной на решительные действия.

Активное включение латиноамериканской церкви в социально-политическую жизнь своих стран, общая радикализация позиций части духовенства и возникновение в его среде движения «мятежных священников» — все это объективно способствует сохранению влияния католицизма среди верующих трудящихся масс, в большинстве своем женских. Церковь пытается выжить, стремясь затормозить процесс секуляризации, происходящий и в Латинской Америке среди женской паствы. Этим в значительной мере объясняется привлечение женщин не только на различные церковные должности, но и к руководству светскими католическими организациями. Несмотря на противодействие Ватикана некоторые бразилианки и мексиканки даже замещают посты викариев и допускаются к таинству священства.

В целом же модернизация социально-этической доктрины, предпринятая «феминистской теологией», нацелена на то, чтобы, по существу, реабилитировать религию как социально значимое духовно-нравственное явление. С точки зрения богословов, тяготеющих к универсальной экуменической доктрине, социально-политические перемены в статусе женщины хотя и нужны, но не означают истинного равноправия, которое, дескать, может быть достигнуто только в ходе «феминистской революции». Хотя «феминистская теология» и признает необходимость участия женщин в собственном освобождении и в определенной мере содействует росту их политического самосознания, однако, как и религиозное мировоззрение в целом, она тоже объективно препятствует осуществлению подлинного равноправия. Суть «феминистской теологии» — «доказательство» невозможности эмансипации женщин без помощи религии, которая если и подвергается критике с их стороны, то такая критика направлена вовсе не на подрыв христианства, а на его обновление и оживление.

Тем не менее радикальные изменения в религиозных представлениях облегчают установление контактов с верующими и их участие в совместных действиях, направленных на демократизацию общества и социальный прогресс.

Компартии капиталистических стран рассматривают борьбу за эмансипацию женщин как часть революционного процесса, направленного на решение коренных общедемократических и социальных проблем. Ведя неустанную борьбу с буржуазной идеологией, коммунисты выступают за утверждение нового взгляда на роль женщины. Развертывая перед нею перспективу социализма, они показывают, что путь к подлинному равноправию лежит через ликвидацию капитализма и построение нового общества. Для достижения этой цели необходимо единство и сотрудничество всех демократических сил, выступающих против господства монополий. В этой связи огромное значение приобретает партийная работа по вовлечению женских масс в общую борьбу за социальный прогресс в рамках общедемократического женского движения, призванного сыграть важную роль в решении специфических проблем положения женщин, а следовательно, и в решении кардинальных проблем всего общественного развития.

Со всего света

МЕНЬШЕЕ ЗЛО

У входа в церковь святого Джеймса (Иакова) в английском городе Бирмэйдси висит оригинальное объявление: «Просим прихожан, имеющих обыкновение бросать в церковную кружку пуговицы вместо денег, чтобы это были не какие-то замысловатые, а обычные пуговицы, которые могли бы использовать для своей скромной одежды наши священники».

ЕЩЕ ОБ АНТИПАПЕ

Все началось с одного сомнительного чуда: во второй половине 60-х годов пяти мальчуганам «явилась» дева Мария, когда те, как в пасторальной живописи, собирали на лугу цветочки и пасли коров. Это случилось возле городка Пальмар близ Севильи. Позднее скромный банковский служащий Клементе Родригес во всеуслышание заявил, будто такое же видение посетило и его. Разумеется, церковь поспешила расследовать это «чудо», но объявила его выдумкой.

Тогда Родригес основал собственную церковь — «святую, католическую, апостолическую пальмарскую» (по названию городка). А беглый вьетнамский архиепископ Нго Динь Тхук (брат убитого южновьетнамского диктатора Нго Динь Зьема) рукоположил нововявленного основателя церкви в епископы. После смерти папы Павла VI (1978 г.) этот «монсеньер» провозгласил себя его преемником под именем Григория XVII.

С тех пор он начал сам рукополагать епископов и раздавать кардинальские митры, в основном иностранцам — англичанам, немцам, французам, американцам. На пожертвования богатых приверженцев в Пальмаре был воздвигнут новый собор, где Григорий XVII на скорую руку канонизировал таких столпов фашистского режима, как генерал Франко, основатель фаланги Хосе-Антонио Примо де Ривера и создатель правокатолической светской организации «Опус деи» прелат Эскрив де Балагер. А поскольку ему пришлись не по душе происходящие в последние годы в Испании демократические перемены, Григорий «отлучил» и «предал анафеме» нынешнее буржуазное правительство страны «за вероотступничество и безбожие». Но и этого ему показалось мало. Созвав свой «синод», он осудил на нем «антипап и франкмасонов» Иоанна-Павла I и Иоанна-Павла II.

Одним словом, у Ватикана появился пусть опереточный, но все же конкурент. Вот уж действительно, как говорится, «неисповедимы пути господни».

ШАРИАТ В ДЕЙСТВИИ

Во время мусульманского поста рамадана Коран и шариат запрещают верующим есть и пить до наступления сумерек. Когда тунисская баскетбольная команда приехала играть на первенство Африки в Триполи (Ливия) и пошла днем обедать, то была сурово наказана за нарушение этого запрета. На игроков надели наручники, а на шею повесили таблички с надписью «фатар» (грешник, не соблюдающий поста) и в таком виде провели по улицам.

БОЛИВИЯ: ЦЕРКОВЬ И ХУНТА

И. ГРИГУЛЕВИЧ,
член-корреспондент
АН СССР

Всем памятны кровавые события в Боливии летом прошлого года, когда реакционные генералы, свергнув законное демократическое правительство во главе с первым в ее истории женщиной-президентом демохристианской деятельницей Лидией Гейлер, затопили страну кровью лучших представителей народа, тысяч пролетариев и интеллигентов. Борьбу против военно-фашистской хунты возглавили левые силы, и прежде всего героическая Компартия Боливии. Знаменательно при этом, что даже такой консервативный институт, как церковь, решительно осудил узурпаторов.

Переворот в Боливии, как, впрочем, и аналогичные события в некоторых других соседних с ней странах, имел свою, притом довольно долгую предысторию. Таким образом, чтобы уяснить суть происшедшего, необходимо проделать небольшой экскурс в прошлое.

■ ЭТА РЕСПУБЛИКА расположена в центре Южной Америки. Она граничит с Аргентиной, Чили, Перу, Парагваем и Бразилией. По территории Боливия превышает Францию, в то время как по населению более чем в восемь раз уступает ей (около 6,2 миллиона человек). Значительную часть республики занимают горы. Она как бы оседлала Анды, вершины которых, покрытые вечными снегами и ледниками, достигают здесь 6 тысяч метров. Недаром в колониальный период Боливию именовали Верхним Перу. Только после изгнания испанцев страна получила свое нынешнее название — Боливия — в честь венесуэльца Симона Боливара — Освободителя, войска которого нанесли поражение колонизаторам близ селения Аякучо в декабре 1824 года.

Главный город страны — Ла-Пас (по испански — мир), но формально столицей считается Сукре. Ла-Пас расположен на высоте 4 тысяч метров на дне огромного кратера потухшего вулкана, а примыкающий к нему аэродром — и того выше. Поэтому Боливию иногда сравнивают с Тибетом. Жить в Ла-Пасе европейцам трудно: не хватает кислорода. Может быть, поэтому испанские завоеватели избегали селиться здесь. Говорят, Сервантес, автор бессмертного «Дон Кихота», одно время хотел переехать в Ла-Пас, но потом раздумал. 60 процентов населения страны составляют индейцы, 28 процентов — метисы и только 12 процентов — белые.

Боливия — одна из немногих стран Латинской Америки, территория которой, подобно шагреневой коже, неуклонно сокращалась после завоевания ею независимости (1825 г.). В результате Тихоокеанской войны (1879—1883 гг.), например, она утратила свою западную провинцию в пользу Чили, лишившись, таким образом, выхода к Тихому океану. С тех пор страна отрезана от моря. В 1903 году Бразилия захватила принадлежащую Боливии обширную часть бассейна Амазонки. И, наконец, в Чакскую войну (1932—1935 гг.) страна утратила богатую нефтью область Чако, захваченную Парагваем.

Иногда Боливию называют «нищим на золотом троне». Ее недра баснословно богаты различными ценными ископаемыми. Она в числе главных производителей олова и цинка, ее горнорудная промышленность поставляет на мировой рынок также свинец, висмут, медь, вольфрам, серебро и другие редкие металлы. Однако прибыли идут в карман иностранных монополий, которые контролируют добычу и продажу боливийского сырья. Трудящиеся же живут в нищете, страдают от хронического недоедания, социальных болезней, большинство из них неграмотны.

Политическая жизнь Боливии весьма беспорядочна. Говорят, что государственные перевороты здесь столь же обычны, как и землетрясения. Правительства за редким исключением приходят к власти в результате «революций», как правило при участии армейских кругов, которые в последние десятилетия фактически находятся на содержании Пентагона.

Отсталость и зависимость страны от иностранного капитала, бедственное положение масс порождают широкое недовольство существующими порядками в различных слоях боливийского общества. Постепенно, но неуклонно здесь растет революционное рабочее движение, народ все более активно выступает за ограничение всевластия иностранного капитала, за социальные преобразования. В 1950 году была создана Коммунистическая партия Боливии.

В 1952 году власть в стране на 12 лет перешла в руки мелкобуржуазной партии Национально-революционное движение (НРД), которая осуществила ряд общедемократических преобразований. В эти годы были национализированы рудники, проведена аграрная реформа, ограничено влияние латифундистов, легализованы профсоюзы, введено всеобщее избирательное право.

Однако все эти реформы не изменили сущности капиталистического строя. Под давлением США политика НРД постепенно приобретала все более консервативный характер, и, когда народные массы отошли от этой партии, ЦРУ удалось сравнительно легко инспирировать в 1964 году новый переворот, в результате которого власть перешла в руки американского ставленника генерала Барриентоса. Он быстро свел на нет осуществленные до него прогрессивные реформы.

В 1966—1967 годах в Боливии начали действовать первые партизанские отряды, которые возглавил один из вождей Кубинской революции Эрнесто Че Гевара. Правительству Барриентоса при поддержке Пентагона и ЦРУ удалось разгромить партизан, а Че Гевара был ранен в бою, взят в плен и убит. Погибли и многие его сторонники. Однако — вопреки надеждам реакции — это по-

Политический и экономический центр Боливии — Ла-Пас.

Ярмарка в Ла-Пасе. В толпе много индейцев в фетровых шляпах и домотканых пончо.

Памятник национальному герою Боливии — генералу Сукре — сподвижнику вождя освободительной борьбы латиноамериканских народов Симона Боливара.

Фотохроника ТАСС

ражение не положило конец революционному антиимпериалистическому движению

В 1969 году Баррионтос погиб в авиационной катастрофе и к власти пришло левонационалистическое правительство генерала Овандо. В том же году были установлены дипломатические отношения с Советским Союзом. Вскоре Овандо был смещен генералом Х. Торресом, правительство которого национализировало ряд американских компаний. Это вызвало тревогу в Вашингтоне, который вновь мобилизовал свою агентуру в стране и организовал свержение президента Торреса (впоследствии он был убит неизвестными в Буэнос-Айресе). Его место занял американский ставленник генерал Уго Бансер, чья диктатура просуществовала до 1979 года, когда под давлением масс он был вынужден провести выборы и уйти в отставку. Но и это голосование не дало решительного перевеса ни одному из кандидатов. Снова началась президентская чехарда. Один генерал-диктатор сменял другого. Наконец временным президентом страны конгресс избрал демохристианского политика Лидию Гейлер. В прошлом году были проведены новые выборы, на которых одержал победу кандидат левых сил Эрнан Силес Суасо.

Тогда Вашингтон снова нажал кнопку — и в стране произошел 189-й по счету государственный переворот, возглавленный хунтой высших офицеров — типичными «гориллами», тесно связанными не только с ЦРУ и Пентагоном, но и с транснациональными монополиями, включая синдикаты по контрабандной торговле наркотиками. Следуя примеру Пиночета, военщина превратила стадионы в концлагеря, расстреливает, пытает, ссылает демократов, деятелей рабочего движения. Страна обливается кровью, но боливийский народ не сломлен, он продолжает борьбу. Эрнан Силес Суасо создал правительство в подполье. Горняки оказывают вооруженное сопротивление узурпатору, народ мужественно сражается за свободу и независимость.

Таковы основные вехи исторического развития Боливии. Какую же роль в нем играла католическая церковь? Ведь Боливия, как и другие латиноамериканские республики, — католическая страна, и влияние церкви не могло не сказываться на ее политическом развитии.

Начать с того, что большинство боливийцев, индейцы, на протяжении веков служили объектом миссионерской деятельности. Причем, с одной стороны, католическая церковь не жалела сил и средств на их обращение, а с другой — всегда считала индейцев чужеродным телом по сравнению с белыми, неполноценными, недоразвитыми, безответственными созданиями. Коренное население в свою очередь всегда не доверяло миссионерам: ведь те стремились искоренить племенные традиции, изменить образ жизни аборигенов, их миро-

восприятие, способ мышления, саму сущность их бытия. И только то обстоятельство, что миссионеры опирались на грубую силу колонизаторов, позволило обрести им некоторое влияние на индейцев.

Внешне те покорились церкви, но внутренне сохраняли свой особый духовный мир, а их религиозность представляет собой причудливую смесь элементов католицизма с анимистическими племенными верованиями. Миссионеры смотрели сквозь пальцы на эти отклонения от христианского культа, но вплоть до самого последнего времени не подпускали индейцев к церковной карьере. В результате боливийское духовенство, в особенности высшее, в основном все еще состоит из иностранцев — испанцев, итальянцев, американцев, канадцев.

У истоков боливийской независимости стоял Симон Боливар. Сторонник просвещения, поклонник Руссо и Вольтера, он выступал за отделение церкви от государства. В конституции, написанной им для независимой Боливии, религия вообще не упоминалась. Однако конституционная ассамблея, учитывая влияние духовенства на население, провозгласила католицизм государственным вероисповеданием. Конституция обязывала правительство покровительствовать церкви, одновременно признавая, что «человеческая власть бессильна приказывать совести». Закон запрещал публичное исповедание других религий, кроме католицизма. Только в 1871 году был разрешен протестантизм, а в 1905 году — остальные конфессии. В 1908 году кладбища были переданы в ведение муниципалитетов, установлен обязательный гражданский брак, а в 1932 году разрешены разводы. Эти реформы, ограничивавшие всевластие церкви, не вызывали протестов с ее стороны, так как священники получали жалованье от государства. Оно же, кстати, утверждало и кандидатов на высшие церковные должности. Таким образом, власти не препятствовали деятельности духовенства, а то в свою очередь не возражало против их секуляризаторских мероприятий. Последние, впрочем, так и не устранили влияние, какое в Боливии, как и в других странах Латинской Америки, духовенство оказывает на систему просвещения, в особенности на ее среднее звено. Поэтому и поныне более десятой части детей и подростков все еще учатся в частных церковных школах.

В послевоенные годы большую активность в стране развили протестантские проповедники. Хотя их паства составляет не более одного процента населения, однако пасторов здесь сейчас (почти все они иностранцы) немногим меньше, чем падре.

На протяжении многих десятилетий церковная иерархия в Боливии занимала крайне правые антикоммунистические позиции, осуждая любое стремление к социальным переменам, к ограничению власти олигархии и иностранных компаний. Клерикалы находились в оппозиции к правительству НРД, считая, что его реформаторская деятельность потворствует коммунистам. При участии церковников в эти годы возникают первые светские католические организации. В 1954 году основывается Социально-христианская партия Боливии, впоследствии переименованная в Христианско-демократическую, с программой в духе христианского реформизма. Консервативные католические деятели примкнули к ультраправой «Боливийской социалистической фаланге», учрежденной по образцу одноименной испанской фашистской партии в 1937 году. Она поддержала генерала Барриентоса, свергнувшего в 1964 году правительство НРД. Этот американский ставленник тоже выдавал себя за последователя социальных доктрин церкви и даже назвал свою партию «Христианским народным движением».

Только в 60-е годы, под влиянием революционного брожения в стране, с одной стороны, и решений II Ватиканского собора — с другой, боливийская церковная иерархия стала отходить от традиционных для нее консервативных позиций. Постепенно многие священники, в том числе миссионеры-иностранцы, начали высказываться в пользу социальных реформ, ссылаясь при этом на такие папские энциклики, как «Пацем ин террис» Иоанна XXIII и «Популорум прогрессио» Павла VI, продиктованные стремлением предотвратить подлинную революционную вспышку. Духовенство стало осуждать преследования демократов, рабочих деятелей, требовать соблюдения законности и уважения прав человека. Церковная иерархия в последние годы отказалась от оголтелого антикоммунизма, все больше священников осуждает правящие круги США за вмешательство во внутренние дела Латинской Америки.

Такие перемены в традиционной ориентации боливийской церкви, с одной стороны, укрепили ее авторитет среди верующих, а с другой — вызвали раздражение и гнев местных реакционеров и их американских покровителей. На «мятежных» церковников посыпались всевозможные кары: непокорных падре бросали в тюрьмы, пытали, а некоторых убивали из-за угла. При прямом участии ЦРУ боливийский диктатор генерал Уго Бансер разработал в 1975 году план «обезвреживания» священников, выступавших против массовых преследований враждебных режиму шахтеров. Шантаж, угрозы, убийства — все было пущено в ход против неугодных представителей церкви. А информацию о таких священниках — адреса их и их друзей, сведения об их связях за границей — поставляло боливийской охранке все то же ЦРУ.

Последний реакционный переворот, совершенный очередными представителями высших военных кругов, до крайности обострил политическую обстановку в стране. На сей раз церковная иерархия, возглавляемая престарелым архиепископом Хорхе Монрике, мужественно осудила развязанный путчистами террор. Боливийский епископат обнародовал заявление, осуждавшее убийства, аресты, тюремные заключения, издевательства над политическими противниками. «Боливийцы живут в атмосфере постоянного страха», — подчеркивалось в нем.

Это заявление вызвало гнев путчистов. Министр внутренних дел военно-фашистской хунты публично разразился бранью в адрес Монрике, угрожая ему расправой. Епископат выступил в защиту своего примаса. «Решительно протестуем и отвергаем, — говорилось в специально принятой им по этому поводу декларации, — нелепую и позорную кампанию против нашего уважаемого наставника, проводимую при помощи оскорбительных сообщений, противоречащих истине, и несправедливых высказываний, полных угроз».

В ответ на это путчисты обрушили волну репрессий на «строптивых» священнослужителей, бросив в застенки десятки падре и монахов, в том числе итальянца Алессандро Чиекку, американца Раттермана, испанца Поу и церковного деятеля Мортимера Аритаса. Радиостанции и газета, принадлежавшие боливийской церкви, были разгромлены и закрыты путчистами, а ее редактор Марио Мальдонадо «пропал без вести». «Реакционеры и фашисты, — сказал по этому поводу в одном из своих выступлений Фидель Кастро, — отправляются по воскресеньям в храм, но, когда опасности подвергаются их интересы, они подкладывают бомбы в церкви, убивают священников и епископов. Они не остановятся и перед убийством самого папы римского».

Разумеется, острие ультраправого террора в Боливии главным образом направлено против коммунистов, рабочих деятелей, шахтеров. Это их в первую очередь пытается сломить, поставить на колени антинародная хунта. Репрессированные священники составляют лишь незначительную часть почти семи тысяч жертв фашистского террора.

Надо учесть также, что военная хунта не только размахивает кнутом, но и приманивает пряником. Жестоко подавляя протесты рабочих, служащих и передовой интеллигенции, путчисты пытаются заигрывать с крестьянством. Их главари, например, даже выступали на крестьянских сходках, заявляя, будто создали «первое крестьянское правительство». Они сделали дешевый жест — распорядились передать крестьянам от своего имени 500 ручных плугов, заявив по этому поводу, что их правительство, мол, будет уважать обычаи сельских жителей, в том числе их «привычку к сохе».

Политика кнута и пряника, проводимая боливийской хунтой, способствовала и относительному успокоению вначале непокорной церкви. Во всяком случае, уже через два месяца после захвата власти в стране военными национальный епископат подтвердил, что будет поддерживать их в деле «умиротворения нации». Проведя несколько встреч, руководители армии и церкви договорились между собой о сотрудничестве в этом направлении.

В этом плане руководство боливийской церкви следует линии папы Иоанна-Павла II, который, выступая на III конференции латиноамериканского епископата (1979 г., г. Пуэбла, Мексика), осудил сторонников «теологии революции», призвал духовенство избегать участия в борьбе за социальные преобразования, так сказать вернуться с баррикад в ризницы. Консервативная католическая иерархия опасается, как бы «мятежные» священники «не отбились от рук».

И все-таки в целом нельзя недооценивать тех глубинных процессов, какие сейчас происходят среди части духовенства латиноамериканской, в частности боливийской, церкви. Тот факт, что нашлись священнослужители — и не только рядовые, но и епископы, — осудившие реакционные режимы и их американских покровителей, представляет собой одну из характерных черт революционного процесса в Латинской Америке.

ЗВЕЗДО-ПОКЛОННИКИ

Не так давно в вашем журнале рассказывалось об ассирийцах, народе, который старше Библии. Хотелось бы почитать и о других древних народах.

З. АГАРОНОВ

Москва

К. МАТВЕЕВ,
кандидат исторических наук

Ритуал омовения предшествует всем делам мандеев.

В храме без крыши.

После обряда бракосочетания.

ОДИН из древнейших народов на земле — мандеи, самоназвание «маана д хайии», что означает «смысл жизни». Они сегодня живут в Ираке, где их около 40 тысяч, и в Иране — примерно 20 тысяч. Арабы называют их субба, или сабии.

Ученые не пришли к единому мнению относительно их происхождения и прародины. В основном исследователи сходятся на том, что в вероучении мандеев много элементов ассиро-вавилонской религии и следов ассиро-вавилонской культуры, поэтому их следует считать потомками жителей Древнего Двуречья, уведенных последним ассирийским царем Ашшурубаллитом в город Харран (на территории современной Турции) и затем вернувшихся в Южную Месопотамию. Мандеи-сабии упоминаются в Коране: «Те, которые уверовали, и те, кто обратились в иудейство, и христиане, и сабии, которые уверовали в Аллаха и в последний день и творили благое, — им их награда у господа их...» (сура 2, аят 59); «Те, которые уверовали, и те, которые стали иудеями, и сабии, и христиане, и маги... — Аллах различит их в день воскресения» (сура 22, аят 17).

В ожидании богослужения.

Мандеи — замечательные мастера резьбы по дереву и металлу.

Во всяком случае, несомненно, что уже во II—III веках нашей эры сложилась религия мандеев — удивительная смесь различных культов и верований,— которую народ этот сохранил до наших дней в неприкосновенности, так же как обычаи и ритуалы, зародившиеся, как это видно по их содержанию, в глубокой древности. Мандеи не смешивались в течение веков ни с арабами, ни с ассирийцами, ни с какими-либо другими народами Ближнего Востока.

Язык мандеев относится к семитской группе и основан на ассирийской и восточноарамейской лексике. Религиозный их глава — первосвященник живет в иракском городе Сук Аш-Шуюхе. Он обладает огромной духовной и светской властью над единоплеменниками и руководит ими через священников.

В религии мандеев можно отметить несколько характерных черт. Главная — поклонение звездам. Почти все их праздники проходят при свете звезд, который они называют «первоначальным светом, древним светом, самим божеством». Совершая молитвы и обряды, мандеи обычно обращают лицо к Полярной звезде.

Мандеи отрицают божественность Иисуса Христа, более того, считают его лжепророком и гордятся тем, что его разоблачил почитаемый ими святой Ануш. В священных книгах мандеев говорится, что Ануш появился на земле тоже во время правления Пилата. Он излечивал больных, слепых делал зрячими, мертвых поднимал из могил. Выполнив свои функции, он удалился в рай, где будет находиться до тех пор, пока не наступит конец света. Тогда он вернется и спасет людей, впавших в грех. Перед своим удалением Ануш и разоблачил лжепророка Христа, которого затем распяли. В то же время мандеи глубоко почитают Иоанна Крестителя и считают своего патриарха и священников его представителями на земле.

Основные положения религии мандеев изложены в 10 книгах. Самая древняя из них — Сидра Рабба, великая книга, или великое сокровище, за нею следует Сидра д'Яхья — книга Иоанна Крестителя; Коласта — собрание гимнов, притч; Диван — ритуальная книга; есть среди этих десяти и книга по астрологии, книга молитв, песнопений, обрядов и другие. Книгу Сидра Рабба читают справа и слева. Правая часть — бо́льшая, левая составляет примерно четверть всего объема книги.

В Сидре Раббе рассказана история «всего мира от его сотворения и до 7000 года нашей эры». Во Вселенной, утверждает книга, сразу появились два начала — светлый мир и мир тьмы. В мире тьмы, затопленном черными водами, жил злой дух — женщина-демон Руха. Но однажды мир тьмы посетил Хибил — светлый сын смысла жизни, который прошел эти черные воды, уничтожил их господство и заковал в тяжелые цепи. Женщина-демон родила Хибилу сына, которого назвала Ур, а от Ура и его матери возникли 12 планет и созвездия зодиака.

После этого из светлого мира появилось существо Абатур, которому Хибил приказал превратить черную воду в твердь, и Руха тоже принимала участие в этом. Так, согласно религии мандеев, был создан тот мир, где мы сейчас живем. Хибил сделал сыновей Рухи солнцем, луной и планетами. Затем было создано тело Адама, в которое Хибил вложил душу из сокровищницы жизни. По сути, он выполнил то, что, по представлениям других религий, сделал бог. Однако у мандеев Хибил не считается богом. Их бог не един, он многообразен. В их книгах написано, что бог — это и великий смысл, и сама жизнь, и смысл жизни и т. д.

Человеческая душа, полагают мандеи, находится в плену тьмы бытия, но ее можно спасти, если небесные силы поселятся в ней. Но это дано лишь людям избранным. А простой мандей спасение своей души находит в преданности своему народу, послушании священникам, верности традициям и обычаям своей общины.

У мандеев своеобразные храмы, везде одинаковые: из тростника, 4 метра в ширину и 5 метров в длину, без крыши, чтобы было видно звездное небо. Стены обмазывают глиной, в них два окна — на запад и на восток и одна дверь — с южной стороны. В середине храма — глинобитный алтарь. Рядом со зданием — бассейн для омовений. Праздники здесь, как уже говорилось, в основном отмечаются ночью, при свете звезд. Вот как описывает главный праздник мандеев «паншо» американский миссионер Цвемер:

«К полуночи звездопоклонники, мужчины и женщины, медленно направляются берегом реки к только что отстроенному храму. Здесь они поочередно входят в крохотную плетеную лачужку с южной стороны храма, над водоемом, раздеваются и совершают омовение. Священник произносит над каждым ритуальные слова. После купания они одеваются в «раста» — белые священные одеяния, направляются к открытому месту перед храмом и садятся здесь на землю, приветствуя присутствующих словами: «Будь благословен!», на что им отвечают: «Благословение живущего над тобой». Так они сидят чинно, рядами, молча и терпеливо ждут торжественного выхода духовенства.

Два священника со светильниками в руках стоят у входа в храм, не спуская глаз с Большой Медведицы. Как только она принимает положение, указывающее, что наступила полночь, священники, поднимая светильники, дают знать об этом. Через несколько минут начинается ожидаемое верующими торжественное шествие: во главе идут четыре дьякона, за ними — четыре священника, у каждого на мизинце — золотой перстень, а в руке — посох из масличного дерева, в форме креста. Вслед за священниками идет первосвященник, избранный своими коллегами, совершенно отказавшийся от мирской суеты. За ними идут еще четыре дьякона. Один из них держит большой посох — ганзивро, второй несет великую книгу Сидра Рабба, третий дьякон — клетку с двумя живыми голубями, а четвертый — меру пшеницы и кунжутного семени.

Шествие движется между рядами молящихся. Священники, стоящие у входа в храм, отодвигают дверную завесу, и процессия входит внутрь. Священную книгу Сидра Рабба кладут на алтарь. Первосвященник берет у дьякона живого голубя и, протянув руки по направлению к Полярной звезде, отпускает его со словами: «Во имя живущего, да будет благословен первоначальный свет, древний свет, само сотворившееся божество». После этого все молящиеся за оградой, одетые в белое, одновременно встают и падают ниц перед звездой, которую они молча созерцали...

Когда религиозные торжества оканчиваются, в храме первосвященник режет барана, мясо режут, после того как сойдет вся кровь, на куски и раздают тем, кто в церкви. Все ритуалы заканчиваются до того, как небо озарится лучами солнца».

Духовные лица у мандеев окружены божескими почестями. А стать священником очень трудно. К этому надо готовиться 12 лет, нужно доказать чистоту своего происхождения до третьего колена. Собственно, духовный сан передается из поколения в поколение, в одних и тех же семьях. Посвящение длится много дней и сопровождается множеством ритуалов, в числе которых многократное крещение посвящаемого в реке и даже его собственные символические похороны, которые означают полную отрешенность от мирской суеты. Интересно, что духовными лицами у мандеев могут быть и женщины.

Скрупулезно соблюдают мандеи в быту и в других сферах жизни все обряды и ритуалы, предписанные им много веков назад. Нарушить их — страшный грех: ведь в священных книгах сказано, что спасет свою душу лишь тот, кто сохраняет верность всем обычаям и традициям общины. Поэтому мандеи всегда селятся по берегам рек, чтобы можно было совершать предписанное в сутки число омовений в проточной воде; поэтому также они никогда не едят мяса коров, быков, буйволов, ослов, мулов и строго соблюдают правила разделки мяса.

Много веков держится у них и похоронный обряд: покойника кладут лицом к Полярной звезде, обязательно одевают в белую одежду, хоронят в большой плетеной корзине из ивы. Бедный устраивает поминки один раз — после похорон, а богатый — кроме того и на 3-й, 7-й, 15-й, 30-й, 45-й, 60-й день.

Что касается свадебных обычаев у мандеев, то так же, как тысячу и больше лет назад, жених засылает сватов к родителям невесты договариваться о плате за приданое, а на следующий день родственницы жениха вплетают невесте в волосы три золотые монетки и надевают серебряное и золотое кольца, красят ей руки и ноги хной. Свадьба длится восемь дней с участием духовного лица, с обязательным купанием невесты и жениха в реке.

Удивительно, в какой неприкосновенности сохранили мандеи свои ритуалы и обычаи, столь непохожие на обряды живущих с ними рядом мусульман и христиан. Сохранили они и свой язык, очень мало поддавшийся влиянию других языков. В своем окружении мандеи говорят только на нем, но все хорошо знают и арабский. Они пользуются уважением в тех странах, где живут. Все знают, что мандеи лучшие ювелиры и чеканщики, прекрасные плотники и столяры, строители лодок, искусные сыровары.

Со всего света

ТАНЦУЮТ ВСЕ

Английский пастор Доналд Ривз из лондонского прихода Саутуорк считается специалистом по литургическим танцам. Вот несколько выдержек из разработанной им с этой целью инструкции для прихожан:

«Танец — составная часть богослужения. Литургический танец должен быть живым... Некоторые полагают, что танцевать должны только молодые, стройные и хорошо выглядящие особы. Ничего подобного! В будущем никто не должен уклоняться от танца, объясняя это своим преклонным возрастом, полнотой или неумением. Танцуем все — даже хромые и калеки!.. Мы стараемся, чтобы богослужения были более интересными, оригинальными и волнительными».

По сообщениям английской печати, «опыт» Ривза внедрен уже в десятках англиканских церквей.

М. Александропулос. СЦЕНЫ ИЗ ЖИЗНИ МАКСИМА ГРЕКА. Роман. М., «Художественная литература», 1980, 335 стр., 30 000 экз., 2 руб. 20 коп.

Мицос Александропулос — современный греческий писатель, участник антифашистского Сопротивления, много времени посвятивший изучению русско-греческих культурных связей. Его роман посвящен греческому мыслителю, литератору и ученому-переводчику Максиму Греку, сыгравшему значительную роль в истории русской культуры XVI—XVII вв.

А. В. Белов, А. Д. Карпов. ПОД ФЛАГОМ АНТИСОВЕТИЗМА. М., «Знание» (серия «Научный атеизм», № 11), 1980, 64 стр., 11 коп.

В брошюре рассказывается о деятельности Русского студенческого христианского движения — одного из западных клерикальных центров, идущего в русле антисоветизма. Используя богатый фактический материал, малоизвестный советским читателям, авторы раскрывают методы, применяемые РСХД в борьбе против социализма, показывают тщетность его попыток повернуть историю вспять.

«ВОПРОСЫ НАУЧНОГО АТЕИЗМА». Вып. 26. М., «Мысль», 1980, 325 стр., 26 000 экз., 1 руб. 30 коп.

Очередной выпуск сборника, издаваемого Институтом научного атеизма Академии общественных наук при ЦК КПСС, посвящен актуальным аспектам интернационалистского и атеистического воспитания, секуляризации личности под воздействием советского образа жизни, а также некоторым острым вопросам современной антикоммунистической и антисоветской деятельности клерикалов, и в частности католиков. Освещается также ряд теоретических проблем кризиса религии и формирования научного мировоззрения трудящихся.

Зенон Косидовский. СКАЗАНИЯ ЕВАНГЕЛИСТОВ. Изд. 3-е. М., Политиздат, 1980, 264 стр., 200 000 экз., 1 руб.

В этой книге известный польский писатель З. Косидовский подвергает критическому анализу канонические тексты Нового завета. Он знакомит читателей с выводами современной исторической науки, лингвистики, археологии, не оставляющими места для утверждений о богодухновенности новозаветных книг.

В. Ю. Нюнка. СОВРЕМЕННЫЙ ВАТИКАН. М., «Знание» (серия «Научный атеизм», № 9), 1980, 64 стр., 45 750 экз., 11 коп.

Автор брошюры знакомит читателей с религиозной деятельностью Ватикана — центра современного католицизма, направленной на укрепление своих позиций, раскрывает его социально-политическую роль в условиях дальнейшего углубления общего кризиса капитализма и возрастающего воздействия сил социализма на ход мирового развития.

«СИМВОЛИКА КУЛЬТОВ И РИТУАЛОВ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ». М., «Наука», 1980, 207 стр., 10 000 экз., 95 коп.

В сборнике рассматриваются основные этапы развития мифологии, эволюции отдельных мифологических образов, ранних форм религии (тотемизма, культа предков, шаманизма и др.), историческая преемственность форм религии, их преломление в живой социальной практике народов и в новых формах идеологии. Представленный в статьях материал охватывает Индонезию, Вьетнам, Монголию, Корею, Японию, Турцию, Шри Ланку и острова Океании.

■

Э. Ахмедов. АРАБО-МУСУЛЬМАНСКАЯ ФИЛОСОФИЯ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ. Баку, «Маориф», 1980, 68 стр., 2 000 экз., 15 коп.

А. Ф. Замалеев и В. А. Зоц. БОГОСЛОВЫ ИЩУТ БОГА. Киев, «Молодь», 1980, 166 стр., 25 000 экз., 20 коп.

Ибн Сина. ИЗБРАННЫЕ ФИЛОСОФСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ. М., «Наука», 1980, 551 стр., 30 000 экз., 2 руб. 50 коп.

М. А. Ильин. РУССКОЕ ШАТРОВОЕ ЗОДЧЕСТВО. Памятники середины XVI в. М., «Искусство», 1980, 144 стр. с илл., 25 000 экз., 1 руб. 70 коп.

О. Пиралишвили. РОСПИСЬ КИНЦВИСИ. Альбом. Тбилиси, «Хеловнеба», 1980, 183 стр. с илл., 10 000 экз., 7 руб. 90 коп.

Л. Рувинский. СИОНИЗМ: РЕАКЦИОННЫЕ ЦЕЛИ И ПРЕСТУПНЫЕ СРЕДСТВА. Одесса, «Маяк», 1980, 143 стр., 25 000 экз., 10 коп.

«РУССКАЯ СВАДЬБА КАРЕЛЬСКОГО ПОМОРЬЯ (в селах Колежме и Нюхче)». Петрозаводск, «Карелия», 1980, 222 стр. с илл., 3 000 экз., 1 руб. 40 коп.

СТАТЬИ В ЖУРНАЛАХ И СБОРНИКАХ, РАЗДЕЛЫ В КНИГАХ

М. Аюпов, Т. Ахунзянов. Праздник гусиного пера. «Агитатор», 1980, № 21, стр. 35—37.

П. И. Борисковский. Древнейшее прошлое человечества. М., «Наука», 1980. Из содержания: «Возникновение первобытных религиозных верований», стр. 211—219.

О. Волгин. Трагическая судьба «священного города». «Азия и Африка сегодня», 1980, № 11, стр. 20—23.

П. Дмитренко. Заводской клуб «Атеист». «Агитатор», 1980, № 21, стр. 56.

И. А. Крывелев. О существенном и несущественном в изучении религии. «Советская этнография», 1980, № 1, стр. 72—79.

Х. Мруз. Ислам, материализм, философия. «Проблемы мира и социализма», 1980, № 10, стр. 90—91.

«XI научная конференция «Общество и государство в Китае». М., 1980, ч. 1. Из содержания: **А. Н. Игнатович.** Буддийские толкования путей «спасения», стр. 105—116; **Г. Б. Дагданов.** Ван Вэй (101—176) — автор буддийских прозаических произведений, стр. 117—122; **А. С. Мартынов.** К проблеме сосуществования официальной идеологии срединной империи и буддизма в эпоху Тан, стр. 122—130; **В. В. Малявин.** О месте буддизма в китайской культуре, стр. 131—137; **Н. В. Абаев, С. П. Нестеркин.** Некоторые психологические аспекты влияния дзен-буддизма на человека как личность и субъект деятельности, стр. 138—144; **Ю. Л. Кроль.** Правовые воззрения ханьских конфуцианцев, стр. 145—155.

И. П. Озолиня. К вопросу повышения эффективности атеистического воспитания школьников. В кн.: «Философские аспекты управления процессом коммунистического воспитания». М., 1980, стр. 58—62.

В. Д. Печников. О взаимосвязи мировоззрения и деятельности личности и их значении для атеистического воспитания. В кн.: «Методические проблемы коммунистического воспитания». М., 1980, стр. 88—90.

Г. Г. Пиков. Буддизм в государстве киданей. «Известия Сибирского отд. АН СССР». Новосибирск, 1980, № 1, вып. 1, стр. 149—155.

● В наш век бессмертие богам уже не грозит.

● Иным святошам кандальный звон вполне заменяет колокольный.

● У прожорливых жрецов боги живут впроголодь.

● Заблудшую овцу согнули в бараний рог.

● Распространяется ли на бездушных догмат о бессмертии души?

● Время чистоплотно: идолов оно стирает в порошок.

Леонид НЕФЕДЬЕВ

г. Киев

● Покаяние — способ информирования бога о кознях дьявола.

● Переселение душ возможно еще при жизни — в ценные вещи.

Аркадий ИГЛОВ

г. Люберцы Московской области

● Когда с человеком поступают по-божески, он становится неверующим.

● В качестве духовной пищи предлагались постные мысли.

● Грешником обычно считают не того, кто согрешил, а того, кто покаялся.

● Молочные реки с кисельными берегами могут соблазнить разве что вегетарианцев.

Данил РУДЫЙ

г. Одесса

● Уповая на молитвы, стал дышать на ладан.

● На него молились, а он в это время замаливал собственные грехи.

● Святым не был вовсе, а угодником — только перед начальством.

Марина НИКИТИНА

г. Минск

Сдано в набор 17.12.80. Подписано к печати 28.01.81. А 10307.

Формат издания 60×90⅛. Глубокая печать.

Условных печатных листов — 8
Учетно-издательских листов 12,73
Тираж 430 000 экз.
Зак. 06186.

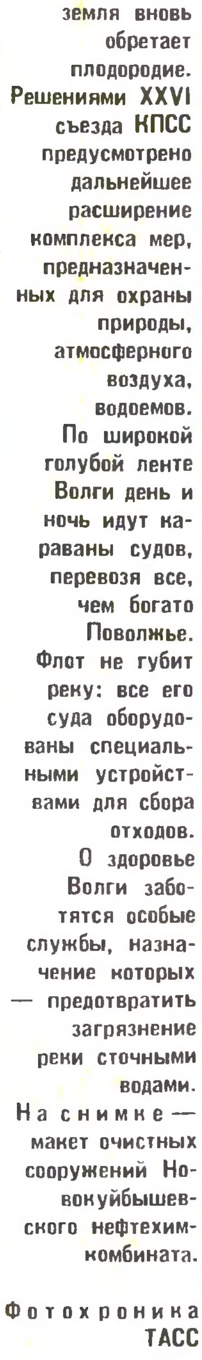
Адрес редакции: 109004, Москва, Ж-4, Ульяновская, 43, корп. 4.

Телефоны: 297-02-51, 297-10-89.

Ордена Ленина комбинат печати издательства «Радянська Україна»
г. Киев, Брест-Литовский проспект, 94.

В системе охраны природы важное место заняла рекультивация земель — восстановление почвенного слоя, нарушенного промышленным производством. Мертвая земля вновь обретает плодородие. Решениями XXVI съезда КПСС предусмотрено дальнейшее расширение комплекса мер, предназначенных для охраны природы, атмосферного воздуха, водоемов. По широкой голубой ленте Волги день и ночь идут караваны судов, перевозя все, чем богато Поволжье. Флот не губит реку: все его суда оборудованы специальными устройствами для сбора отходов. О здоровье Волги заботятся особые службы, назначение которых — предотвратить загрязнение реки сточными водами. На снимке — макет очистных сооружений Новокуйбышевского нефтехимкомбината.

Фотохроника ТАСС

Цена 30 коп.
70602

В следующем номере

НОВИНКИ ЛЕНИНИАНЫ

По страницам 9-го и 10-го томов ленинской «Биографической хроники» (июнь 1920 — июль 1921 гг.)

О ЖИЗНЕННОЙ ПОЗИЦИИ

советских людей, об их рабочей совести, чувстве долга и доброте рассказывают очерки наших корреспондентов.

12 АПРЕЛЯ — ДЕНЬ КОСМОНАВТИКИ

О 20-летии исторического полета Юрия Гагарина, о героизме и самоотверженности, о значении выхода человека в Космос и достижениях советской науки в этой области говорят летчики-космонавты.

ВАШЕ ПИСЬМО ПОЛУЧИЛИ

Обзор откликов на наши публикации. Читательская почта.

ЧТО ТАКОЕ СТАРЧЕСТВО?

Кто же были старцы? К чему они призывали, какие идеалы проповедовали, чьи интересы выражали? На эти и многие другие вопросы отвечают кандидаты философских наук К. Никонов и З. Тажуризина.

РУКА ОБ РУКУ

О положении религии, церкви и верующих в условиях строительства социализма в Венгерской Народной Республике рассказывает руководитель государственного управления по делам церквей при Совете Министров ВНР Имре МИКЛОШ.

В ДОЛИНАХ ВОСТОЧНЫХ ГИМАЛАЕВ

Очерк журналиста С. Буланцева об одном из самых малоизвестных государств на земле — королевстве Бутан, где сохраняются архаические нравы и обычаи, а ламы играют большую роль в жизни людей.